

Евгений Степанов

**СЕКС В МАЛЕНЬКОМ
МОСКОВСКОМ ОФИСЕ**

(роман и рассказы)

Москва
«Вест-Консалтинг»
2012

Евгений Степанов.

Секс в маленьком московском офисе. *Роман и рассказы.* —
М., Вест-Консалтинг, 2012. — 200 с.

ISBN 978-5-91865-157-5

В новую книгу московского прозаика Евгения Степанова вошел его скандальный роман «Секс в маленьком московском офисе», а также рассказы, написанные в разные годы.

Главная тема писателя — взаимоотношения мужчины и женщины во всем нетабуированном многообразии.

© Е. В. Степанов, 2012

© Катя Рубина, обложка, 2012

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2012

**СЕКС В МАЛЕНЬКОМ
МОСКОВСКОМ ОФИСЕ**

(римейк старого производственного романа)

Глава I

КРАСИВАЯ ЛЮ ТАКИНАВА. 20 ЛЕТ

Сидор Иванов — начальник отдела рекламы и маркетинга строительной фирмы «Головкер и братья» — вышел покурить на первый этаж, в коридор. И увидел незнакомую девушку — длинноногую, высокую, изящную, кареглазую, в черном костюме и с томиком Кортасара в руках. Иванов потерял на миг дар речи — такого чуда он не видел никогда. Каким-то шестым чувством он понял: это та девушка, которая записалась к нему на собеседование. Ее порекомендовал ему Олег Мусаев, сосед Лю по даче в Красково и его лучший друг. Она претендовала на должность корреспондентки в корпоративной газете, которую он издавал и редактировал.

— Вы Лю? — спросил он ее.

— Да. А вы Сидор Иванович?

— Да.

* * *

Их взгляды, как поется в пошлых, однако нестареющих романсах, встретились, они *узнали* друг друга. И поняли: просто так эта встреча не закончится.

* * *

После трехминутного разговора в комнате Иванов сразу предложил ей — студентке последнего курса филфака МГУ — несуразно приличный оклад. И сказал: «Вы мне подходите!»

* * *

Вечером Иванов позвонил Мусаеву и начал кричать: — Ты debil, олигофрен. Почему ты ее от меня скрывал? И еще говорил: «Она так себе, ничего, обычная, скромная девчонка!» Она же совершенство! Это мой идеал женщины.

— Да, брось ты, — смеялся Олег. — Я от тебя подобные слова уже слышал.

* * *

Ее звали Лю, что по-японски означает «странник». Она оказалась метиской. Ее мать Ирина Петровна вышла в свое время замуж за японца Акиро Такинава. Прожив несколько незадавшихся в семейном плане лет в Токио, вернулась домой. С маленькой — родившейся в Японии — дочкой.

* * *

Иванов и Лю работали в большой фирме, сидели — вместе еще с пятью сотрудниками — в одной тесной комнате, занимались выпуском рекламно-полиграфической продукции, сувениров, газеты, обслуживанием сайта и т. д. Он был ее начальником, она — подчиненной. Ему было тридцать пять, а ей двадцать. Разница — пятнадцать лет.

* * *

В ее речи он слышал полузабытые слова. «Мой возлюбленный» (про гражданского мужа), «велеречиво» (о чем-то возвышенном) и т. д.

Она походила на девушку из прошлого века.

* * *

— Кажется, она совершенно не знает себе цену, — думал Иванов.

* * *

Примерно через месяц после начала совместной деятельности Лю стала все пристальнее и пристальнее присматриваться к начальнику. Оказалось, что он любит поэзию, сам пишет стихи, рассказы, владеет фирмой, занимается производством сайтов, живет один в трехкомнатной квартире, закончил университет в Брюсселе, ранее жил в Париже, Нью-Йорке, Стокгольме, говорит по-французски и по-английски, в прошлом неоднократно был чемпионом Москвы по хоккею с шайбой и т. д.

* * *

Вечером Иванов ехал в свою фирму — у них с Олегом был офис на Арбате.

— Представляешь, — говорил Иванов, — сожитель Лю трахает ее и небось не подозревает, что он самый счастливый человек в мире. А, может быть, вообще отказывается от нее иногда?

— Да брось ты завидовать, — как всегда, улыбался Олег. — Думай лучше о Таньке. Ты что-то про нее совсем стал забывать.

— Танька — это моя российская семья, — отвечал Иванов. — А Лю — мечта. Не путай божий дар с яичницей.

* * *

Лю дала почитать Иванову свои эссе и рассказы. Он обнаружил в них много бессмысленной шелухи, лишних слов, красотостей. Но сквозь бетон непрофессионализма росла, обдирая нежнейшие лепестки, заповедная глазастая роза. Роза откровенности, стремления познать мир. Ее надо было увидеть.

* * *

Лю писала левой рукой.

* * *

Фиксировать свои чувства на бумаге Лю умела. Она умела брать фактуру.

* * *

Они родились в один день. Оба — летом. В названиях их родных улиц было общее слово — красный.

* * *

Лю все меньше и меньше восхищалась своим гражданским мужем Игорем, все больше времени проводила на работе и начинала тайно (а в общем-то и не скрывая этого) мечтать о Сидоре Ивановиче. Иванов это видел и как опытный человек усердно — демонстрируя полное равнодушие! — старался производить все более серьезное впечатление на девушку.

* * *

— Слушай, позвони ей! Спроси, какого она обо мне мнения, — попросил однажды дома у Мусаева Иванов.

Мусаев набрал телефон Лю.

Они говорили минут пять.

— Она от тебя и от работы в восторге. Обещала мне проставиться.

— А Сидор Иваныч, — сказала, — классный мужчина.

— Мужчина или мужик? — уточнил Иванов.

— Мужчина.

— Это хорошо.

* * *

Они стремительно шли навстречу друг другу, предавая своих самых близких людей (Лю — Игоря, а Иванов — дочку и бывшую жену, с которыми он, несмотря на развод, поддерживал самые тесные и высокие отношения, а также свою постоянную любовницу Таньку).

* * *

Вскоре Игорь собрал свои пожитки и переехал к своей тете. Он не выдержал. Фактически Лю выпроводила его.

* * *

А рядом шла параллельная жизнь.

* * *

Отношения с семьей у Иванова были предельно отрепетированы. Жена и дочка уже десять лет жили за

границей, в Германии. Приезжали в Москву три раза в год на одну-две-три недели. В этот период Иванов безжалостно отключал телефон и был примерным семьянином. Никто не мог нарушить их краткой семейной идиллии.

* * *

Отношения с Танькой Щелкунчиковой, которые начались стремительно и бурно, продолжались.

...Когда несколько лет назад вечный сводник Олег Мусаев привел ее к нему в гости, они уже во время первого танца стали пылко целоваться, а после второго — Иванов утащил ее в спальню, где начал агрессивно и разнообразно постигать особенности ее анатомии.

* * *

Олег сидел в комнате полчаса, а потом тихо и униженно подался восвояси.

* * *

Иванов и Татьяна одевались.

— Наверное, ты шаман, — сказала она ему. — Ты полностью отключил меня, загипнотизировал.

* * *

Оказалось, что День рождения у них в один день.

* * *

Земля — точно апрельская береза — соком — пропитана мистикой. Есть какие-то законы, которых мы не знаем.

* * *

Они стали встречаться по два-три раза в неделю. У нее была уютная, ухоженная квартирка на Дмитровской, куда Иванов собирался в ближайшее время переехать.

* * *

Танька была болезненно худой, короткостриженной, кривоватой и круглолицей девушкой с нулевым размером груди. Фактически она была мальчиком.

* * *

В июле Танька упорхнула в Крым, в Феодосию. А к Иванову приехали жена с дочкой.

* * *

Танька позвонила из Крыма, Иванов был очень сдержан, сказал ей, что играет с дочкой.

* * *

— Кто звонил? — спросила жена.
— Это Боровиков. Из Германии, — соврал Иванов.

* * *

Когда Танька вернулась из Феодосии, Иванов не давал знать о себе примерно неделю — у него еще гостили жена с дочкой.

* * *

Когда он ей позвонил, она была холодна и сдержанна.

— Все нормально? — спросил наивный Иванов.
— Да, все нормально, — наврала Татьяна.

* * *

Спустя неделю она позвонила ему на работу и спросила телефон Олега.

— А зачем он тебе? — удивился Иванов.

— Машина сломалась. Может быть, он поможет?

— У нас с тобой все нормально? — испугался Иванов.

— Да, не волнуйся, все в порядке.

— Так, может быть, я тебе чем-нибудь помогу?

— Ты в машинах ничего не понимаешь.

Иванов дал телефон Олега. Тут же ему перезвонил и предупредил, чтобы он был начеку, «возможно, тут какой-то подвох».

— А можно, я ее трахну? — спросил — простой как 286-й компьютер — Олег.

— Я буду только рад, — нарочито спокойно ответил Иванов, уверенный, что это просто невозможно.

— Что ж, тогда я к ней поеду.

— Держи меня в курсе.

* * *

Вечером Иванов позвонил Таньке. Она взяла трубку и сразу передала ее Олегу. Тот сказал, что все в порядке. Машину починил.

По голосу Иванов понял, что нечто произошло.

* * *

Танька отомстила.

* * *

Утром Олег рассказал Иванову по телефону, что во время встречи Танька буквально набросилась на него с объятиями, обливала Иванова грязью.

* * *

Олег и Танька не трахались. Но целовались и занимались петингом. Обо всем этом любящий правду-матку Олег в деталях рассказал Иванову по телефону.

* * *

Иванов был в шоке, в ярости, в недоумении.

— У меня земля ушла из-под ног, — прорычал он Олегу по телефону. — Что же мне теперь делать?

— Женись на Лю, — ответил Олег.

* * *

Они говорили еще минуты три. Потом Иванов отчеканил:

— Я сейчас совершенно спокоен. Мы разрываем с тобой все отношения. И все проекты. Больше мне никогда не звони.

И положил трубку.

* * *

Они не виделись два месяца. За это время Олег благополучно завалил несколько проектов в их фирме, на связь с Ивановым не выходил.

* * *

Иванов очень страдал. Как выяснилось позднее, Олег — тоже.

* * *

Через два месяца они все-таки помирились. Дружба восстановилась. Все-таки у них было общее дело, общие интересы. И понимали они друг друга как никто.

* * *

Это тоже была любовь. Никакой дружбы на самом деле нет.

* * *

Об истории с Олегом и Танькой Иванов раструбил на работе всем. И даже Лю. Прежде всего, Лю. Фактически Иванов сообщил ей, что отныне свободен. Вышло, что это он направил Олега к Таньке. Дабы избавиться от нее. Свалив всю вину на нее.

* * *

О, хитрый, коварный Иванов!

* * *

Мама Лю общалась с мамой Олега. И с Олегом.

— А он не обидит Лю? — спросила она его однажды на даче.

— Это исключено. Я его знаю два года. Это мой лучший друг, — ответил Олег.

* * *

Он дал ей почитать «Распад атома». Ему было неловко: он дал ребенку почитать взрослую книгу, с описанием любовных сцен.

* * *

Вскоре мама Лю — разумеется, через дочку — пригласила Олега и Сидора Ивановича к ним на дачу.

— Можно разместиться у нас. Места на всех хватит.

* * *

Иванов понял, что Лю идет семимильными шагами на сближение.

* * *

Первые решительные шаги навстречу сделала, как это чаще всего бывает, женщина. Улыбками, взглядами, речами.

— Сидор Иваныч, когда мы поедем в командировку? — спрашивала Лю.

— Да, когда-нибудь поедем, — отвечал Иванов.

— Вместе?

— Вместе.

* * *

Она домогалась его, а он говорил: «Иди домой! Тебя ждут». Тогда она стала сама зазывать его на дачу. И однажды он сказал: «А я ведь приеду!»

Она ответила: «А я не боюсь». Он приехал. Там-то все и произошло. В постели она называла его на Вы. Проведя с Лю ночь, Иванов сделал ей предложение. Она отказала. Сказала, что пока не готова, надо, мол, подождать.

* * *

Две недели они практически не расставались.

* * *

Он провожал ее домой. Они шли по тенистой дорожке, которую она называла Аллеей Принца. Потом пошел дождь, который на время стал их домом. Они стояли и — счастливые! — целовались.

* * *

Конечно, Лю влюбила Иванова в себя. А, добившись своего, сразу развернулась на сто восемьдесят градусов и начала внедрять в сознание Иванова мысль, что это она позволяет ему любить ее. Это была ложь. Сначала он позволил ей восхищаться им.

* * *

Он влюбился в нее в том числе из-за того, что она смотрела ему в рот и пела ему панегирики. Без этого никакого чувства у него не возникло бы никогда.

* * *

Довольно распространенные слова, которые тщеславный и самовлюбленный Иванов слушал от Лю в начальный период их отношений, были следующие:

— Ты — пассионарий.

— Любая женщина хочет родить от сверхчеловека.

От такого, как ты.

— Мама сказала, что в тридцать семь лет у мужчины рождаются гениальные дети. И, видимо, ты в следующем году родишь от Сидора Ивановича.

— Ты должен писать. Ты — очень талантливый человек.

— Как классно ты говоришь по-французски!

И т. д.

Ну как тут устоишь! Мужчины еще более тщеславны, чем женщины. И тоже любят ушами.

* * *

Глупый Иванов попался на самую примитивную наживку-лесть, от которой у него закружилась голова.

* * *

Ничего нового, необычного в действиях Лю не было. Так ведет себя большинство женщин.

Иванов не осуждал Лю. Он понимал ее. И любил такой, какая есть. В душе он улыбался ее наивным хитростям. «Как обаятельны для тех, кто понимает, все наши глупости и мелкие злодеяния».

* * *

Зачем Лю стремилась влюбить Иванова в себя? Это была защитная реакция на жестокий взрослый мир, где она фактически была никому не нужна — без отца, без брата, без бой-френда, с пожилой мамой. Как это ни грустно, но двигали ей — на бессознательном уровне! — в основном прагматические мотивы (хотя и не только они). С Ивановым Лю почувствовала себя как за каменной стеной.

* * *

Иванов жалел Лю. Она рано лишилась отца, которого очень любила. Ее бой-френд оказался для нее не абсолютен. Денег не хватало. Ее литературные сочинения не вызывали ни у кого восторга. К тому же наметились проблемы и в институте, который она еще отцу обещала закончить с красным дипломом.

* * *

Вместо всего этого мира — космоса — появился первый начальник. Он же — любовник. Он же — собеседник. Он же — жених. Он же — спонсор. Он же — человек, разбирающийся (как она считала) в литературе.

* * *

Способности Лю имела. Она могла бы стать талантливой писательницей. Но с ней надо было заниматься.

* * *

— Когда ты будешь проводить со мной литературные мастер-классы? — требовательно спрашивала Лю.
— Скоро, — отвечал Иванов.
И проводил с ней совсем другие мастер-классы.

* * *

Ее дача в подмосковном Краскове полюбилась Иванову больше, чем его собственная. На двадцати четырех сотках не было ни одной грядки, росли вековые ироничные, всепонимающие сосны, несерьезные кленики, грибы. Домик был щитовой, старый, ветхий, но очень уютный. Иванов и Лю топили печку, слушали музыку и говорили, говорили. Ночью она накидывала на голое подростковое тело шинель и — девчонка, девчонка! — убегала смотреть на звезды. Прижавшись к сосне, она смотрела на небо и звала Иванова к себе.

* * *

Иванов хотел спать.

* * *

Днем он рубил чурбаки, которые она ему подкатывала, затем они вместе жарили шашлыки, пили пиво и целовались, целовались. Однажды за этим немудреным, но приятным занятием их застал сосед Борис Абрамович.

— Продолжайте, продолжайте, молодцы! — одобрительно сказал пожилой, мудрый еврей. — А это, значит, и есть Игорь?

— Я не Игорь. — ответил Иванов. — Я другой. Прежних кавалеров здесь больше не будет. Я люблю Лю. И хочу на ней жениться.

Борис Абрамович одобрительно улыбнулся, а смущенная Лю убежала в дом.

Именно на даче, как нигде, Иванов проникал в Лю, сливался с ней воедино, считая ее своей последней любовью, а, может быть, и гипотетической гибелью. Он отдавал себе отчет в том, что взлетает (падает?) в космическую бездну отношений, а просто так из этой бездны еще никто не выходил.

Иванов действительно любил эту девочку, которая походила одновременно и на его мать, и на его бывшую жену, и на его дочь. Иванов любил в данном случае не только само чувство любви, не только самого себя в любви, он действительно любил Лю. Он начинал мерить жизнь, как поет бард Александр О'Шеннон, ее шагами.

* * *

Он стал разжигать костер. Подложил под мелкие, пропитанные влагой сучья сыроватую — какую нашел! — газету. Сверху навалил крупных поленьев. Поднес спичку. Костер потлел, потлел, но так и не загорелся.

— Давай я принесу щепок из дома, — сказала Лю.

— Нет, я все сделаю сам, — ответил упертый Иванов.

Он мучился с этим костром еще полчаса. Но все-таки разжег его. После этого — счастливый — он поцеловал Лю.

И они стали пить ее любимое красное полусладкое «Арбатское».

* * *

Он решил в отношениях с ней идти до конца. «До конца, до смертного креста». Чтобы ни случилось. Как бы ни было страшно расставаться со свободой, прежней жизнью.

* * *

Она пригласила его в очередной раз на дачу. Он выехал в семь вечера. Уже темнело. Он стал искать ее дом и безнадежно заблудился. Разные добрые люди посылали его в противоположные стороны. Он блуждал по Краскову три часа. Потом отключил куцее человеческое сознание. И пошел, точно волк, на запах. По наитию. Через полчаса, не различая номеров домов, он открыл знакомую калитку.

* * *

Утром они пошли на электричку. По дороге к калитке Иванов заблудился в дачных соснах и кленах.

Она взяла его под руку и сказала:

— Теперь мне ясно — без меня этот человек пропадет.

* * *

Он называл ее разными именами. Лю, Люба, Любанька, Малыш, Детка. На работе чаще и чаще Люба. Лю звучало слишком экзотично.

* * *

С их первой ночи на даче они практически не расставались. Они и работали вместе, и жили вместе, а если на какое-то время разъезжались по своим квартирам, то часами тр(еп)(ах)ались по телефону.

* * *

Они были бес-конеч-но интересны друг другу. А поскольку еще никто не придумал лучшего способа познания, чем секс, они изучали анатомические особенности друг друга с нечеловеческой энергией.

* * *

Тело юной Лю было настолько совершенно, изящно, молодо, излучало такую нездешнюю энергию, что Иванов обретал вторую молодость и легко поддерживал заданный подругой сексуальный темп.

* * *

Тело девчонки пахло молоком, детством.

* * *

Иногда он называл ее дочкой. Она постоянно рассказывала ему об отце. А однажды призналась: «В своем желтом пиджаке, который ты, к сожалению, почему-то так редко надеваешь, ты очень похож на папу».

* * *

Связь становилась потусторонней и, как писали в прежние времена, роковой.

* * *

В один из выходных Сидор, увлеченный раскованными игрищами подруги, купил в секс-шопе огромный каучуковый член. Он стал любимой игрушкой Лю, хотя поначалу она не признавалась в этом даже себе.

— Что ты чувствуешь, когда я использую его? — спрашивал Иванов.

— Он какой-то ненастоящий, но кайф можно получить и от него.

* * *

Больше всего в жизни Лю обожала смотреть порнографические журналы.

— В них сразу — столько действия. Меня это заводит. Не то что секс-фильмы. В них нет динамики.

При этом Лю ревновала Иванова к порнушным фотомоделям. И если Иванов говорил, что ему нравится та или иная девчонка из журнала, Лю тут же обливала их грязью.

* * *

Лю не могла без секса. Если Иванов не имел ее несколько раз на дню (и особенно утром), она становилась похожей на мегеру и злилась на весь белый свет.

* * *

Иногда неюный Иванов тревожно смотрел в будущее: а что же будет дальше? Он никогда не забывал, что старше ее на пятнадцать лет.

* * *

В перерывах между сексом, работой и бесконечными разговорами, они обустроивали жилище. Сначала они — по инициативе Лю — хотели купить загородный дом (и даже просмотрели несколько вариантов в Краскове), потом решили оборудовать надлежащим образом квартиру Иванова в Кузьминках. По требованию Лю Сидор полностью обновил кухню, навесил полки, мойку (как у нее дома), купил стиральную машину «Bosh», вызвал мастеров, которые поменяли все краны, починили диван, шкафы.

* * *

Они гуляли по вещевому рынку и смотрели, что им еще нужно в хозяйстве. Купили прищепки.

— Они необходимы. — сказала Лю. — На них будем вешать рубашки после стирки.

Купили шикарный утюг «Siemens», дюралевые кастрюли и тефалевые сковородки.

* * *

Лю превосходно готовила. Рыбу и чахохбили, салаты и омлет, жареную картошку и голубцы...

А еще они покупали конфеты «батончики» и уплетали их за обе щеки.

* * *

Разговаривали они буквально обо всем. Друг о друге — о жизни и смерти — о Кортасаре — о жизни в романах Кортасара — о смерти в романах Кортасара — о любви и ненависти — о ненавистной любви — о любовной ненависти — о Мазохе — о де Саде

* * *

Лю рассказывала о себе многое. О том, как начала жить половой жизнью с пятнадцати лет и долгое время встречалась (вместе со своей подругой) с тридцатипятилетним мужиком, как одновременно трахалась с двумя мачо, как спала со своей лучшей подругой Наташкой, как в семнадцатилетнем возрасте в течение года развлекалась (по очереди) с пятью парнями («если бы залетела, даже бы не узнала, от кого»), как сама выбрала своего Игоря во время автобусной поездки в Ярославль.

— Я должна была пройти через все, — однажды сказала Лю Иванову, — чтобы уже не изменять своему мужу.

* * *

Она выбирала сама — с кем ей спать, с кем жить, что делать. Она никогда не снималась, не выходила на панель. Но снимала сама. И отжимала от мужиков все. Игорь ее фактически содержал, одел-обул, возил за границу. Как только Лю получила иной источник финансирования, она его вышвырнула. Содержать стал Иванов.

* * *

Деньги значили в жизни Лю многое. Однако — не все.

* * *

Секс — ложь — бесы. Бесы — бесовщина — поднебесье — а где же поднебесье? — где?

* * *

Она была предельно откровенна с Ивановым:
— Родители сдерживали меня. Пытались вразумить.
Это меня еще сильнее раззадоривало. Год во мне жил дьявол.

* * *

Иванов знал, что все ее нынешние беды оттуда, из рокового, дьявольски-развратного, безбожного детства.

* * *

Про Игоря она почти не вспоминала. Разве иногда:
— Он был очень близким мне человеком. Но не всегда понимал меня. Он слушал меня, спорил со мной, например, о Ницше, но его знания были на примитивном уровне, дискутировать с ним я не хотела. Он заводился, обижался. Конечно, сейчас, после того, как я пообщалась с тобой, другими нашими коллегами, мне было бы с ним очень трудно. Он не знает нюансов языка, как вы.

* * *

Каждый день Лю звонила маме и говорила:
— Мамуля, не волнуйся. Я у Сидора Иваныча. Я счастлива.

* * *

По утрам они вместе ехали на работу. Лю приходила первой, Иванов — вторым. Он специально минут пятнадцать ходил по магазинам, чтобы появиться на службе немного позднее нее.

* * *

Работником Лю была хорошим. Она схватывала все на лету. Быстро освоила компьютер, Интернет, даже научилась новости размещать на сайте. Она молниеносно перенимала все лучшее и от Иванова, и от его коллег.

* * *

Секс продолжался и на работе. В прямом и переносном смысле.

— Лю, иди сюда! — жестко и даже жестоко говорил Иванов. — Подготовь письмо от моего имени в Стройнадзор.

— Лю, поедешь брать интервью у заместителя министра. Запиши телефон.

И т. д. Она послушно кивала головой.

Иванов на работе говорил исключительно в императиве. Равно как в постели.

* * *

Вечерами под различными предложениями он оставлял ее. Они занавешивали шторы, закрывали дверь. Она наклонялась над обеденным столиком или диваном.....

.....Либо она подходила к его рабочему месту, расстегивала ему брюки.....

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

* * *

Иногда Лю не могла дождаться вечера и даже днем (когда остальные сотрудники куда-то выходили) безрассудно-рискованно приближалась к нему — садилась к нему на колени — задирала юбку, обнажая свои длинные роскошные ноги и цепко целовала его в губы. У Иванова пьяно кружилась голова.

* * *

Никто на работе почему-то не догадывался о связи Иванова с Лю. И многие сотрудники крыли начальника — а начальников кроют всегда! — в беседах с ней. Эти беседы она потом, как верный агент Моссада, слово в слово передавала ему.

* * *

Секс в тепличных домашних условиях был по-прежнему садомазохистским. Иванов хватал подругу, точно неандерталец, за волосы, шлепал — все сильнее и сильнее — по заднице. Она подползала к нему на коленях и ворковала:

— Ты мой повелитель. Что ты хочешь? Я сделаю для тебя все.

— Что ты должна делать в этой жизни? — по-хан(м)ски спрашивал Иванов, зная что она должна отвечать.

Она говорила. И делала.

* * *

Друг Иванова, поэт Серега Арутюнян, говорил:

— Твой мир стоит на двух словах — Я и ХОЧУ. Все-го остального для тебя не существует. Логика в твоих поступках нет. Фактически ты первобытный человек.

Этим и интересен. От того, кто с тобой соприкасается, только перья летят! Ты абсолютно не боишься — в отличие от большинства людей! — жизни.

Иванов самодовольно улыбался, хотя и понимал, что Серега преувеличивает.

* * *

Иванов и Лю трахались по три-четыре часа в день. Иногда девчонка сдавала и еле-еле выдерживала натиск нестареющего развратного Иванова. Ему все было мало и мало. Тогда Лю придумывала разные эротические хитрости. Когда он трахал ее третий час подряд, она начинала шептать:

— Спасибо тебе. Мне так понравилось, что ты.....

.....
.....
.....
.....
.....

Впечатлительный Иванов не выдерживал и разряжался.

* * *

В их отношениях, как в отношениях всех влюбленных, было много нездорового, болезненного.

* * *

Влюбленность — равно как наркотики, водка — попытка спрятаться от жизни.

* * *

Творчество — попытка излечиться от влюбленности.

* * *

Завоевав человека, мы начинаем его убивать.

* * *

Секс как попытка убежать от одиночества.

* * *

И все же...

* * *

Здоровый, сильный человек не влюбляется. Он просто имеет половое влечение и размножается.

* * *

Его старший брат выпивал в день шесть бутылок водки. И погиб от алкоголизма.

Ее старший брат в свое время хипповал на Арбате. И до сих пор курил марихуану.

Иванов и Лю были из одной — единозарядной! — породы людей. Он — поклонник Ганди, Чижевского и близкий знакомец академика Исакова — был убежден, что они с Лю ближайшие родственники.

* * *

Больше всего им понравилось трахаться на даче у Махмуда Сахитова, школьного друга Иванова.

Махмуд был крутым. Работал директором завода. Построил себе дом в черте Москвы — в Косино.

Он пригласил их как-то на выходные. Натопил баню. Поставил трехлитровую банку башкирского меда. Они тщательно и сладострастно обтирали друг друга. Пари-

лись. Трахаться начали в парилке, а потом продолжили в предбаннике. Лю еле-еле сдерживала крик.

* * *

На следующий день Лю — нежная, хрупкая малышка! — заболела. Когда вернулись домой, в Кузьминки, Иванов накопил самых лучших лекарств и начал ее выхаживать.

* * *

Ложась спать, он всегда ей читал стихи, особенно своих любимых Гумилева, Волошина, Цветаеву, Кедрова, Джангирова...

* * *

Они не расставались ни на минуту. На работе проводили вместе до десяти-двенадцати часов, потом ехали к нему (или к ней) домой. Если с дачи возвращалась ее мама, и не было желания (или сил) ехать к Иванову, они по три-четыре часа ежедневно тре(а)п(х)ались по телефону. Они становились единым целым.

* * *

Они ходили по книжной ярмарке в Люберцах. У Лю был день ангела. Иванов сказал:

— Выбирай себе любые книги. Это мой подарок.

Они купили Пелевина, Сорокина, русско-испанский словарь, другие книги.

* * *

Потом гуляли по дворам. Нашли какое-то огромное поваленное дерево. Уселись на него. Пили пиво. Разговаривали. И целовались.

— Это и есть счастье! — сказала Лю.

* * *

Когда они мирились после какой-нибудь мелкой бытовой ссоры, она кидалась ему на шею и говорила:

— Спасибо тебе, ты вернул мне любовь. Иначе мне было бы невозможно жить. Я к тебе очень неплохо отношусь.

* * *

Она открывала ему Кортасара, которого боготворила, малоизвестную ему страну рок-поэзии Башлачева, Майка, БГ, группы «Адо».

* * *

Иванов и Лю постигали мир глазами друг друга. Каждый из них был друг для друга лучшим инструментом познания.

— Я понимаю ситуацию, только тогда, когда говорю с тобой, — признавалась Лю. — Слава Богу, ты такой же болтун, как и я. Тебе тоже нравится общаться.

* * *

Поначалу Лю рассказывала о своих бурных, изощренных романах, которые происходили с ней в юности. Потом Иванов научил ее жалеть друг друга. Лю понимала все с полуслова, дважды просить ее ни о чем не приходилось.

— У меня вообще никого не было, — однажды сказала Иванову добрая и гуманная Лю. — Ты не только мой первый начальник, но и первый и единственный мужчина.

* * *

Махмуд Сахитов говорил: «Эротическое чувство, сразу возникающее между людьми, говорит только о том, что у них могут быть здоровые дети».

* * *

Иванов думал: а что на самом деле объединяет его и Лю?

1. Мистика. Они увидели друг друга в коридоре компании и сразу *узнали* друг друга.

2. Психофизическая совместимость. Хотя бы первые два месяца она была полной.

3. Многообразный материальный вопрос. Почему сорокалетние влюбляются в двадцатилетних? В частности, из жадности. Взрослым мужикам — интуитивно! — неохота тратить большие деньги на то, что они могут получить даром. У тридцатилетних женщин уже очень много проблем со здоровьем (в том числе гинекологических). Родить — это для них тяжелейшая — со смертельным риском — работа. Завоевывая двадцатилетнюю, тратя на нее деньги и нервы, сильный самец подсознательно (а то и сознательно) отдает себе отчет в том, что это все равно выгоднее, чем потом тратить деньги на дорогостоящие предродовые (послеродовые) операции тридцатилетней и на воспитание слабого (ослабленного) ребенка.

Иванов и Лю не отличались богатством. Но имели — вместе! — все, что нужно для обеспеченной семейной жизни. У него была нормальная трехкомнатная квартира. Он мог купить машину. Рядом с его квартирой находилась ее дача, где им было очень-очень хорошо.

4. Временной аспект. У Сидора Ивановича, как бы сказал Александр Сергеевич, пора пришла.

* * *

А вот у нее, видимо, нет.

* * *

Что такое земная любовь? Активизация неведомого вируса?, банальная шизофрения?, вершина невротическо-эротического состояния?, какая-то другая тяжелейшая болезнь?, безнадежная попытка уйти от действительности?, счастливая возможность написать новое стихотворение или рассказ, борьба за сохранение рода, вариация садомазохизма?..

* * *

Подруга Иванова — талантливая Лена Горицкая — говорила: «Любая любовь плохо заканчивается».

* * *

Иванов не отрицал ни одного определения. Но знал точно: он жалел эту девочку, заботился о ней, обучал ее всему, что знал.

* * *

Они уже не могли обходиться один без другого. Они постигали души через тела друг друга, а тела — через души. «Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенья...» Наверное, этими стихами Поэта можно было охарактеризовать их отношения в тот период.

* * *

Эротические чувства Лю усиливались, когда к ним в гости кто-то приходил — либо Леша, мастер, делавший в квартире Иванова ремонт, либо соседка Наташка. Когда у них в гостях жил писатель Боровиков, они просто не вылезали из койки. Когда измочаленный Иванов

садился за компьютер чтобы подправить написанный
ей для газеты текст, она пристраивалась рядом и... ..

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

* * *

Странно: а вот детей от Иванова она хотела не сильно, то есть, даже говорила, что вообще не хочет в скором времени рожать. Однако довольно часто они совершали акты, не предохраняясь, так что на сто процентов Иванов ей не верил. Но все равно страдал. И даже цитировал ей по этому поводу стихи малоизвестного поэта Федора Мальцева.

* * *

*Ты не хочешь детей. Вот такая креза
У тебя в голове воцарилась — сурова.
Я могу тебя трахать четыре часа.
Но не вижу теперь в этом смысла большого.
Лучше поговорим. Будем долго чесать
Языками, открыв речевую запруду.
Я могу тебя трахать четыре часа.
Но не буду, не буду, не буду, не
буду!*

* * *

Лю смеялась. И говорила: «Напиши лучше — “нет, буду!” Так будет четче выражена твоя мысль. А вообще,

стихотворение хорошее. В нем есть страсть, в отличие от других опусов Мальцева».

* * *

Однажды — после очередной ссоры — она позвала его погулять в парк Новодевичьего монастыря.

* * *

Они гуляли. Он думал: зачем она его сюда пригласила? Он смотрел на мощные ограды монастыря и понимал: эти — скорее, символические! — стены, прежде всего, призваны ограждать монахов от демонов, от искушения, а не от набегов внешних врагов.

* * *

Враги — только внутри нас.

* * *

Они гуляли, болтали, целовались. Было прохладно. Вокруг бродили другие парочки.

— Я бы тебя *поцеловала*, — сказала она. — Но здесь очень много народа.

* * *

Она спряталась за полу его длинного американского пальто. Они стояли, опершись на березку, и потихоньку трахались. Он кончил в нее.

— Какая у тебя липкая, клейкая сперма, — сказала она. — Не отдерешь потом.

* * *

Она посвятила Иванову стихи.

*Разломи мои колени и войди в меня
Одним жутким раздирающим ударом.
За волосы ухватив, запрокинь мою голову назад.
Впейся жадными губами в приоткрытый рот.
С торжеством и яростью загляни в мои глаза —
В них ужас перемешан с восхищеньем.
Ты жесток, ты обезумел, повелитель мой.
Я трепещу. Я умираю. Я — твоя!*

* * *

Однажды они ехали вместе на метро на работу, как вдруг в вагон вошел их коллега Юрка, специалист по сайтам, web-дизайнер. Лю начало трясти.

На работе она незаметно передала Иванову записку.

«Давай, — писала Лю, — ты при Юрке скажешь всем, что мы с тобой сегодня уйдем на 15-20 мин. раньше, т. е. поедем к Олегу на Арбат. Типа есть для меня работа. На самом деле меня трясет. Ты заметил, как Юрка со мной общается? Он же считает меня..!»

Я считаю минуты — сколько еще будет длиться этот рабочий день.

Р. С. Солнышко, у тебя глаза еще от компьютера не болят? Побереги их».

* * *

Они поехали на Арбат. А потом к ней домой — мама была на даче. Трахались. У трюмо и на столе, в коридоре и на кухне. Почему-то меньше всего Иванов возбуждался в постели. И, ложась спать, даже пытался отлынивать от выполнения мужских обязанностей. Но с Лю такие номера не проходили.

* * *

Утром Лю позвонила на работу и сказала заместителю Иванова — Владимиру Юрьевичу, что задержится. Через пятнадцать минут позвонил Иванов и тоже сообщил, что приедет позднее.

* * *

На работе было много дел. Лю бросала на Иванова нежные взоры, но он был занят — сдавал очередной номер газеты.

Лю незаметно передала Иванову записку.

* * *

Служебная записка

*Начальнику отдела рекламы и маркетинга ОАО
«Головкер и братья» С. И. Иванову*

Уважаемый Сидор Иванович! Может, покурим, а?

Ведущий специалист Лю Такинава

Глава II

ГЛУПЫЙ СИДОР ИВАНОВ. 35 ЛЕТ

Конфликты начались неожиданно. Генеральный директор Головкер (сорокачетырехлетний мачо, миллионер и в прошлом депутат Государственной Думы) тоже влюбился в Лю. Стал таскать ее с собой на различные мероприятия в качестве пресс-секретаря. И однажды даже настойчиво предложил поехать с ним в командировку в Петербург, куда вообще-то собирался Иванов.

Об этом предложении Лю сообщила Иванову. И попросила: «Возлюбленный мой, спаси меня!» При этом Лю рассказала: «Головкер крыл тебя почему зря, говорил, что ты не умеешь писать, не в состоянии эффективно заниматься рекламой. А в Питере, мол, тебе и вовсе делать нечего. Ты хочешь поехать туда, чтобы только попить водки...» Головкер, по словам Лю, предложил ей заниматься рекламой и PR.

* * *

Иванов начал набирать номер телефона главного начальника, решительно готовясь его измордовать. Но Головкера не было на рабочем месте. День... два... три. Или просто секретарша не соединяла. Иванов кричал на каждом углу, что разорвет наглого босса на части. Об этом конфликте многие узнали. И, конечно, донесли главному начальнику. Он и Иванов потом не разговаривали два месяца.

Интереснее, неожиданнее всего повела себя в данной ситуации Лю. Когда Иванов спросил ее: «А можно я скажу начальнику, что ты моя невеста, гражданская жена?», она ответила: «Я тебе не невеста! И не гражданская жена».

Вот тогда-то Иванов и призадумался.

* * *

Ситуация с Головкером как-то рассосалась сама с собой. В Питер не поехал никто. И выяснять отношения стало бессмысленно.

* * *

Вскоре Иванов понял, что инициатором бесед с Головкером была сама Лю. Он только поддержал ее в негативном отношении к Иванову. Она очень хотела сделать ему больно. Она его действительно любила.

* * *

То, что она рассказывала Иванову, было полуправдой. А это, как известно, хуже лжи.

* * *

Иванов не исключал, что Лю спала с Головкером. Ей было бы трудно пройти мимо такого приключения. По крайней мере, влюбить в себя Головкера она пыталась.

* * *

Иванов вспомнил, как во время разгара событий с Головкером, когда Лю бегала с ним по коридорам Думы и брала у всех депутатов интервью о грядущем строительном законе, который проталкивал Головкер, она

ему (Иванову) позвонила, и они долго обсуждали эту ситуацию. Сначала она крыла почем зря главного босса, обвиняла его в черствости — «даже ни разу меня не похвалил!» — в слабости и неумении вести себя с депутатами — «он им угрожал, а они не испугались» — и т. д. Театрально жаловалась, как ей это все надоело. И потом вдруг проговорила:

— Мама сказала, что Милочка мной гордилась бы.

— Почему? — удивился Иванов.

— Ну, потому что я хорошая журналистка, — начала выкручиваться Лю.

Это опять-таки была ложь. Лю безумно нравилось, что она блистает и в Думе, что и там она пользуется успехом, что сам Головкер потерял из-за нее голову. Это не могло не льстить ее девичьему самолюбию.

Иванов сделал вид, что не понял истинной подоплеку ее слов и охотно согласился с тем, что она, в самом деле, хорошая журналистка.

А сам только улыбался. Он очень хорошо помнил, что все ее интервью переписывал либо он сам, либо Владимир Юрьевич. Ее работа сводилась к тому, чтобы включить диктофон, а потом расшифровать сказанное (а это может сделать любой первокурсник журфака).

* * *

Сильные разлады продолжились накануне Нового года. Иванова пригласили в Бельгию на юбилей Университета, где он в свое время учился. Они с Лю договорились, что он поедет один. И он уехал, не взяв ее с собой. Она осталась одна, ненавидящая целый мир и не желающая жить. Она смотрела в окно со своего восьмого этажа и думала: прыгать вниз или не прыгать?

* * *

Она не прыгнула. Решила жить и ждать Иванова. А он даже не позвонил ей из-за границы, да и приехал с опозданием на три дня.

И хотя он позвонил 31 декабря в Москву и поздравил маму Лю с Новым Годом и предупредил ее, что задержится на три дня, и хотя он предупреждал ранее Лю, что никогда никому не звонит из-за границы, он, конечно, серьезно обидел свою малышку.

* * *

Номер телефона брата (она у него в Казани встречала Новый год) Лю Иванову почему-то не дала.

И он даже не смог ее поздравить, а мобильника тогда, в 2001-м, у нее не было.

* * *

В Казани она провела неделю.

* * *

На обратной дороге, в поезде, к ней приставали какие-то кавказцы. Она столько перенесла.

* * *

Именно после Нового года Лю стала смотреть на Иванова по-другому. Флер романтических отношений окончательно развеялся, она поняла, что Иванов — обычный человек, отнюдь не супермен, коим он ей ранее казался.

Когда он вернулся в Москву и позвонил ей, она сказала:

— Я не люблю тебя. Раньше я притворялась. Ты красивый, толстый. В Интернете ты ничего не понимаешь, как руководитель ты слабый, выпускаемая тобой рекламная продукция никому не нравится, квартира твоя неухоженная, жить в ней невозможно, да и вообще с тобой очень трудно.

Она еще долго говорила. Иванов пытался ее образумить. Но она была непреклонна.

Она продолжала:

— Твои стихи и рассказы мне совсем не нравятся. Ну, разве, некоторые. Книжек хороших у тебя нет. Ты говоришь по-французски и по-английски, как будто ругаешься. Я порвала отношения со своим бывшим парнем. Но он есть. Он тусуется. Он заходит. Ты не хозяин жизни. Ты даже не водишь машину. А вот у моего брата — «Мерседес». И квартира у него крутая, правда, в Казани. Тебя никто не любит. Даже твои друзья, с кем ты работаешь, например, Пихтин, тебя костерят почем зря. (И она стала рассказывать, что об Иванове говорят его подчиненные...) Тебя терпеть не может Головкер, он считает, что ты бездарь, а лучше всего работу делаю я. Мне он предложил все твои проекты. Ты придираешься по мелочам, а сам ни в чем не разбираешься. Я считаю, что руководитель должен сам уметь делать то, что он заставляет делать подчиненных. Мне даже говорить с тобой с глазу на глаз не нравится. Нравится — только по телефону. Вот, правда, в сексе ты хорош. И, наверное, это нас и объединяет. Помнишь, как у Довлатова. «Их объединял разврат и интеллектуальная близость». Я не считаю, что разврат — это плохо. Жить с тобой невозможно. У тебя

нет даже шкафа для сменного белья. Плохо оборудована кухня. Ты мне безразличен. Единственное, что меня интересует — это чтобы мне не урезали зарплату. Работа мне нравится.

* * *

Иванов был мягким человеком и очень терпеливым. Он слушал девушку, успокаивал ее, понимая, что у всех свои недостатки.

* * *

Потом разговор пошел и вовсе странный.

— Я вспоминаю с усмешкой, как ты хвастался, что это ты здесь, в отделе, все придумал, — сказала Лю.

Этого Иванов не понимал. Ведь это он действительно создал с нуля службу рекламы, открыл газету. Собрал свою команду. Он отвечал за все. Сам писал тексты, знал верстку, корректуру. Он ходил с Лю на интервью, задавал вопросы, потом переписывал ее материалы, а она подписывала их своим именем. Это все забылось.

Он занимался сайтом. Он сам искал новости, пока Лю болела, а болела она постоянно. Ему было обидно. Она не понимала многого. Он требовал от нее и от верстальщика Сережи четкости в работе. Заставлял проверять ошибки. Они делали абы как — лишь бы отстали. Путали тире и кавычки, забывали пробелы, допускали опечатки. Лю не понимала, что в рекламе, издательском бизнесе, журналистике, в искусстве в целом нет мелочей. Они только насмехались над ним и распространяли слухи о том, что он самодур. Этого он не мог ни понять, ни принять.

* * *

Через два дня — после каникул — они встретились на работе. Она первой пошла на примирение. И, обнимая его вечером в кабинете, смеялась: «Я этого не говорила! Я очень тебя люблю!» И — вручила Иванову новогодний подарок — ручку «Parker».

* * *

Через неделю конфликты повторились. Теперь девушка стала настраивать против Иванова его подопечных, говоря им, что Иванов над всеми вознесся, сам ни черта не понимает и разваливает работу. При этом она стала демонстративно кокетничать, а потом и уходить (и приходить) вместе с работы и на работу с Сережкой, которого Иванов взял на службу, после того, как его перели из другого отдела.

Иванов не знал, что делать. Он понял, что им манипулируют, что с ним творят нечто ужасное. Он попросил девушку уйти со службы. Она отказалась. И тут Иванов рассердился. И настоял на своем. Когда девушка написала заявление, Иванов предложил ей: «Хочешь, я тебя в другой отдел переведу или на другую работу устрою». Девушка отказалась. Правда, сказала: «Так меня никто, как ты, не любил и любить не будет!»

* * *

На следующий день девушка стала распространять информацию, что Иванов домогается ее, а она не может ответить ему взаимностью. Поэтому, дескать, он нервничает, всех терроризирует на службе.

С Ивановым она общаться перестала. Только выполняла его поручения. Когда он узнал, что пропаганда против него продолжается, он позвонил ей и договорился о встрече.

Они встретились. Он попросил ее больше никого против него не настраивать. Он дал понять, что в противном случае он примет меры.

Девушку он отправил в студенческий отпуск.

* * *

Москва — тоска — треска (жареная) из «Перекрестка»
— не то — и все не то — работа — офис — рвота —
рвота — опять работа — и метро — жизнь в подземелье
— зачем — куда — и где — и сон — и сон во сне —
но — явь
кердык
дык

* * *

Они опять встретились на работе. Когда люди ушли на обед, она эффектно отдала Иванову ключи от его квартиры. Он побледнел и в состоянии аффекта сказал:

— Наверное, нам будет трудно с тобой работать. У тебя хорошие отношения с генеральным директором, он тебя — не сомневаюсь — куда-нибудь пристроит. Я бы не хотел, чтобы ты оставалась в отделе. Тем более что ты не член моей команды. А все, что здесь происходит, придумал я. Мне нужны единомышленники, люди, выполняющие свои служебные обязанности.

— А я их не выполняю?

— Я без тебя могу на работе обойтись.

Заявление Лю не подала.

* * *

Она обиделась. Она была в недоумении. Иванов понимал — почему. Потому что фактически эта история была репетицией развода и раздела имущества. «Я тебя

разлюбила. Уходи ты. Даже если это твоя квартира», — такие слова должна была бы сказать Лю. Иванов это понял и на следующий день попытался смикшировать ситуацию.

— Я сказал в сердцах, чтобы ты уходила. Наверное, уйти надо мне.

— Но сначала ты сказал, чтобы ушла я, — кипятилась наивная Лю.

* * *

Они опять остались вместе. Уже не в качестве мужа и жены, не в качестве страстных любовников, не в качестве друзей, а только в качестве коллег — начальника и подчиненной, все чаще и чаще ненавидящих друг друга.

* * *

Лю стала работать лучше, но при этом то и дело кокетничала с мужчинами из отдела, оставляла у Иванова на столе свои любовные записки некоему Алексею из Думы, говорила кому-то по телефону: «Твоя Лю». И т. д.

* * *

Иванов весь ушел в работу. Но ему было очень плохо. Он понимал: большое чувство ушло от него, любовь к другому человеку — к Лю — умирала, но теперь в его жилах просыпалась страстная, умопомрачительная любовь к себе. Этот вид любви еще называется ревностью.

— Как же так, — думал Иванов, — я здесь хозяин, я первый парень в нашей «деревне», а постоянно провожает ее домой другой (дело уже дошло и до этого!). Иванов не знал, что делать. Уничтожить нового верстальщика? вытравить Лю из своего сердца? уволить ее? уволиться самому?

Он приобрел бессонницу, перестал нормально есть, выкуривал за раз по десять сигарет, сердце вываливалось из ребер, как сумасшедшее. Он был на грани нервного и физического истощения, обморока.

* * *

Иногда ревность сильнее любви.

* * *

Потом они опять пошли на примирение.

* * *

Он провожал ее домой. Они целовались возле ее подъезда, и он попросил ее:

— Укуси меня.

Он не верил своему счастью. Он не верил, что это не сон.

* * *

Вскоре она простудилась. Взяла больничный. Они опять общались только по телефону. Иногда он заезжал к ней, привозил фрукты. И писал письма. Например, такое.

* * *

Милый малыш, привет!

Очень грустно, что ты болеешь. Надо срочно выздороветь. Я тебе от всей души этого желаю.

В последнее время мы занимались традиционно русским — бессмысленным и беспощадным! — видом спорта — соревновались в том, кто больше скажет друг другу гадостей. Мы точно забыли, что в этих состязаниях не бывает победителей. Проигрывают все.

Зло, извини за банальность, рождает только зло. Волна отрицательной энергии — по закону цепной реакции — вызывает другую волну отрицательной энергии. Так — постепенно — образовывается некий водоем отчуждения, в котором очень легко утонуть. Тонуть не хочется. Хочется, как писал Поэт, жить, чувствовать, любить, свершать открытия! И это возможно, это реально! Выздоровливай скорее, впереди много дел, впереди много...

Обнимаю тебя.

Твой С. И.

* * *

Отношения с подчиненными у Иванова складывались нормально. Особенно раньше, до прихода в их отдел Лю. Дело в том, что она передавала ему в нюансах все кулуарные беседы. Иванов с изумлением узнавал, что его ближайшие друзья, которых он пригласил на работу, за глаза крыли его почем зря, что все тайные разговоры, которые они вели с Ивановым, они затем пересказывали Лю. Иванов заметил: Лю обожает, когда Иванов с кем-то ссорится. Ей были необходимы острые страсти, ненависть одного мужчины к другому.

* * *

Они разговаривали по телефону. И опять поссорились. Ни с того ни с сего.

Она говорила:

— Ты разваливаешь коллектив. Ты уволил программиста, ты ругаешься с редактором газеты, ты решил заплатить ему в этом месяце меньше, чем обычно, он тебя за это ненавидит, ты ничего не понимаешь в Интернете, а берешься давать подчиненным указания, тебя никто

не любит, даже те наши сотрудницы, которые чирикают с тобой, на самом деле просто в силу большого производственного опыта приспособились к тебе...

Иванов недоумевал:

— А почему я должен платить редактору обычную сумму, если он в номере допустил ряд серьезнейших ошибок, опечаток, из-за которых тираж газеты фактически пошел под нож? У меня есть только один эффективный способ воздействия на подчиненных — деньги. Никакие мои эмоциональные способы не работают. Но вот если я разок не заплачу в полном объеме, мои аргументы станут понятнее. Финансовую мотивацию никто не отменял даже в советском газетном мире. А наша нынешняя контора и вовсе не собес.

— Отчасти ты прав. Но я все равно не на твоей стороне. Мы по разные стороны баррикад, — отвечала Лю. — Ты угнетающий, а мы угнетаемые. И у пожилого человека — редактора газеты — могут быть свои взгляды. Он считает, что если ты обещал ему определенную сумму, то обязан ее выплатить.

— Выходит, ты не со мной?! — кипятился Иванов. — А с другими? Понятно. Просто и ты, и твой редактор — вы оба — непрофессионалы. И поэтому ненавидите меня. А ты еще и подливаешь масла в огонь, рассказывая мне все сплетни.

— Но это нечестно, нечестно, — закричала Лю, — ты сам их из меня выпытываешь. — Это нечестно, нечестно!

Она заплакала и бросила трубку.

* * *

Недоразумение. Усталость. Нервный спад.

И — крах.

И — прах.

Как тяжело рождаться вновь.

* * *

Иванов с Боровиковым ездили в гости к поэту Лисину. Чудесные, прекрасные люди, говорящие умные слова. Иванова огорчало одно: ее не было рядом.

Тогда — зачем — все?

* * *

Иванов пытался дозвониться до приятеля.
А пальцы сами набрали ее номер.
Поговорили. Но очень холодно.

* * *

Она тоже страдала. Игорь не возвращался. Серега не мог соответствовать — полностью — ее идеалам. Лю стала очень плохо выглядеть. Ее не самые привлекательные черты лица вдруг стали приобретать резкие очертания. Она хмурила, как дегенератка, брови. Уши стали еще более оттопыренными, а лицо — одутловатым.

Она постоянно болела. И все больше и больше времени проводила на больничном.

У нее изменилась речь.

— Серега, свистни.

— У меня стрелка.

— Что за наезды?

И т. д.

* * *

Однажды Иванов отчитывал ее и Серегу за плохую работу над сайтом. Она как-то несуразно оправдывалась. И вдруг... заплакала. У него чуть земля из-под ног не ушла. Ему стало, наверное, больнее, чем ей. И он понял, что он не хочет ее слез, не хочет, чтобы ей было

больно, что в его чувстве к ней нет ни капли садизма. Он понял, что по-прежнему любит ее и жалеет.

* * *

В тот же день Иванов сел дома за компьютер. И написал Лю письмо, стремясь выяснить отношения.

Он долго его правил, переделывал и только под утро завершил.

— Дорогая Лю, — писал Иванов, — Наши отношения длятся довольно долго. В июле будет год как мы знакомы. Был период (довольно длительный) когда мы очень неплохо (помнишь еще такое выражение?) друг к другу относились. Потом наши отношения перешли в фазу: начальник-подчиненная. Но отношения все-таки остались. На полный их разрыв мы интуитивно не пошли оба. И ты, и я. Потребность друг в друге, как показывает жизнь, сохранилась. И, как ни забавно, многие атрибуты совместной жизни у нас сохранились. Мы по-прежнему видимся почти каждый день (кроме выходных), делаем общее большое дело (сайт и газету), ездим на интервью, доводим (правда, окольными путями) друг для друга какую-то информацию, общаемся, пьем на отдельных вечеринках — так садомазохистски чокаясь! — шампанское и вино и т. д. Прежней любви (она всегда видоизменяется) между нами в данный момент нет. Одно время я даже думал, что чувство любви потеряло вообще для тебя значение, и ты спокойно можешь без него обходиться. Похоже, я ошибался. По-моему, ты очень нуждаешься в любви (равно как и я). Теперь в наших отношениях намечается новая фаза. Она по традиции связана с конкурентной борьбой. Если раньше моими соперниками были одни — хорошо тебе известные — персонажи, теперь соперником стал Серега, наш относитель-

но новый сотрудник. О Сереже. Это чистый, ленивый, добродушный человек, про которого Есенин, наверное, написал бы так: «Только нецелованных не трогай, только не горевших не мани!» Сережа — это мое открытие. Я открыл его как верстальщика, приобрел к созданию сайта. С большим трудом уговорил руководство (поверь, я говорю правду, а не выпячиваю свои достоинства) взять его к себе в отдел. У меня к Сереже как к работнику — и человеку! — претензий нет. Но теперь он — мой враг, конкурент, провожающий тебя домой, а, следовательно, я готов вступить с ним в самую беспощадную войну. И обязательно вступлю. Хотя — убежден! — он этого не заслуживает. Я не исключаю, что он — всего лишь инструмент в твоей профессиональной игре, даже если ты и испытываешь к нему чувство симпатии. Не играть ты не можешь. Так ты устроена. Тебе необходимы реальные зрители, предполагаемые соглядатаи (наш приятель писатель Боровиков в соседней комнате, мастер Леша на кухне, твоя подруга Наташка, болтающая с тобой по телефону...). Тебе необходима интрига, чувство опасности, ощущение скольжения по краю. Иногда тебе для... нужны просто статисты. Во всяком случае, я предполагаю, что твое нарочито хорошее отношение к Сереже обусловлено и стремлением (может быть, даже и бессознательным) добиться каких-то других (не будем уточнять — каких) целей.

Лю! Малыш! В этом мире мы — единственные равновеликие фигуры. В нас так много изощреннейше злых и романтически добрых начал, что, видимо, только мы и можем понять друг друга. И методы воздействия друг на друга у нас в общем-то похожи, и характеры тоже. Но это тема отдельного разговора. Что же в этой ситуации делать? Давай разбираться вместе. Отношения на работе складываются из двух показате-

лей — личных и производственных. Человек не может относиться к другому человеку неэмоционально, тем более, если ранее отношения между ними складывались максимально тесно. У нас есть два пути решить личные вопросы.

1. Развивать отношения. По человечески, цивилизованно, не причиняя друг другу постоянной, саднящей боли.

2. Аннулировать эти отношения. На сто процентов. Для второго варианта, кстати, нужно совсем немного — просто не видеть друг друга. Что касается производственных отношений, то здесь ситуация такова. Для того, чтобы наш отдел нормально функционировал, мне жизненно необходимы и Владимир Юрьевич Пихтин (с которым я больше никогда не поссорюсь, как бы элегантно и профессионально ты — извини за правду! — ни...), и Сережа (который замечательный специалист и человек), и Надежда Ивановна, (которая просто незаменима), и даже Юрка, (который болезненно, играючи решает вопросы и с типографией, и с почтой). А вот без тебя, как это печально не прозвучит, на работе я обойтись могу.

Но суть письма не в этом. И я, конечно, не буду тебе угрожать увольнением, домогаться тебя, преследовать и т. д. Я не хочу, чтобы тебе было больно, чтобы ты потеряла работу. Видит Бог, не хочу. Я чувствую свою ответственность перед тобой. Все-таки ты мне дала в этой жизни очень-очень многое. А что получилось потом, то получилось. Как сказал поэт Вегин:

*У любви гарантий нет.
Чувство ведь — не корпорация.
Уходя, оставьте свет
в тех, с кем выпало расстаться.*

Что же самое главное в данном письме? Ты по-прежнему остаешься важнейшим человеком в моей жизни, в моей судьбе. Я по-прежнему убежден, что ты не случайно возникла на моем пути. Ты не исчезаешь с него почти год. Для меня это немыслимый срок. Уверен, что твоя маска отчужденности — только маска, не более того. Эту маску пора снимать. Будь собой. Не бойся этого! Не забывай, что этот мир, как поет Александр Дольский, «разделился беспощадно на любовь и нелюбовь». Будь Лю, ЛЮБОВЬЮ, кем ты являешься от рождения, иди по этому пути до конца. И помни, что все мы не бессмертны, времени для решения главных жизненных вопросов у всех нас в обрез.

Теперь что я предлагаю тебе конкретно? Развивать личные, человеческие отношения (они все-таки есть, есть!), не травмировать сознательно или бессознательно друг друга. Либо разорвать отношения полностью. Понять, что не развивая личных отношений, не общаясь цивилизованно, работать нам вместе будет невозможно. И кто-то из нас в таком случае из отдела должен уйти. Я готов это сделать сам. Не доводить ситуацию до конфликта, а по возможности жить дружно. Помнить о том, что я тебя по-прежнему люблю и в любом случае всегда поддержу. Проинформировать меня о твоих решениях.

Поздравляю тебя и Ирину Петровну с 8 марта. Желаю вам крепкого-крепкого здоровья, удачи, благополучия! Кури меньше. Это уже не ревность. Просто я не хочу, чтобы ты болела. Надеюсь, это письмо больше никто не прочтет.

С уважением,
С. И.
9. 03. 2001,
5 утра.

Отправлять письмо Лю Иванов не решился. 9 марта он ей позвонил.

— Я не могу без тебя, — сказал Иванов.

— А я думала, ты уже внутренне избавился от меня. Надо вытравлять из себя это чувство... Я боюсь тебя. Не верю тебе. Ты сделал в отношении меня несколько подлых поступков. Во-первых, ты сказал, чтобы я увольнялась. Во-вторых, ты вставил мою фотографию в свой альбом, который подготовил к печати, а Серега этот снимок распечатал. И показал мне. Потом ты, кажется, хвастался Юрке, что имел отношения со мной, он намекал мне.

Иванов никогда не хвастался ни Юрке, ни кому-то другому, что имел отношения с Лю. Серега просто украл фотографию, взял ее без спроса. Про увольнение было сказано в состоянии аффекта.

Все это Иванов — взмыленный от несправедливых и горьких обвинений — и сказал Лю. Он очень понимал ее чувства. И опять жалел ее. Ему было стыдно, что так получилось с фотографией. В остальных случаях он виноватым себя не считал.

Они разговаривали час. Предъявляли друг другу различные претензии. Просили друг у друга прощения.

Иванов был счастлив. Счастлив оттого, что между ними опять был диалог. Лю опять — впервые за последние два месяца — называла его на ты, она развеяла его ревнивые домыслы, сообщив, что у «нее никого нет».

— Нашел тоже к кому ревновать. У меня с Серегой только производственные отношения!

Иванов и Лю договорились, что они не враги.

— Я твой вечный лыцарь, — сказал Иванов.

Лю улыбнулась.

На следующий день они опять встретились на работе. И — конфликты продолжились.

* * *

Она все затягивала и затягивала удавку конфронтации. Она курила каждый час с Серогой, по десять, пятнадцать минут, она кокетничала с ним даже в комнате. Он провожал ее домой. Несколько раз они пришли вместе на работу. Иванов мучался, безумно ревновал. Он мог их разлучить. Это, в самом деле, было в его руках. Она написала заявление об уходе. Он был принят на полставки с испытательным сроком. Этот срок еще не закончился. А, если бы они не виделись на работе, они не виделись бы вовсе. Иванов в этом не сомневался.

* * *

Иванов никого не увольнял. Он понял, что выдержал. Он смог выжить и в этих нечеловеческих — зачем-то придуманных Лю! — условиях. Теперь он доподлинно знал, насколько верен постулат — сила в неприменении силы.

* * *

Он не предъявлял им никаких претензий личного характера. Только по работе. И дал себе слово, что никого никогда не уволит вследствие личной антипатии.

* * *

Он ехал в метро на работу. Она вошла в его вагон. Посмотрели друг на друга. И — поезд дальше не пошел —

* * *

Он подошел к ней, чтобы поговорить. Она убежала.

* * *

Легко размахивать остронаточенным мечом вражды, когда твой противник защищается только руками.

* * *

Легко воевать с тем, кто тебя любит. Это практически то же самое, что наносить удары матери или отцу.

* * *

Самые несчастные люди — жестокие. Они и не знают, что могут быть наказаны другой — высшей — силой.

* * *

Лю очень много болела.

* * *

Иванов сидел на первом этаже и курил. К нему подошел Володька, парень из отдела компьютерных технологий, где ранее работал Серега.

— А у Сереги с Лю хорошо развиваются отношения, — сказал он, закуривая. — Ты молодец, у тебя в отделе люди находят друг друга. Я сначала думал, что Серега для Лю слабоват. А потом, как увидел, что он с ней из мужского туалета выходит, понял, что Серега не промах. Я представляю, как они там трахались. Она, наверное, штанишки на кабинку повесит и — вперед!

— Слушай, ты что чушь несешь? — прорычал Иванов.

— Почему чушь? — удивился парень. — Я видел несколько раз, как они выходили из мужского туалета, и из женского. И со второго этажа, и с третьего. Трахаются они — это ясно. А дома у него она, небось, прыгает на нем, как на батуте.

— Откуда ты знаешь? — спросил почерневший Иванов.

— Да об этом уже все говорят.

— Что кто-то и видел?

— Да ты на них сам посмотри. Это ж понятно — любовь. Парень с девкой — музыки не надо.

— Слушай, — сказал Иванов, — то, что ты говоришь, — это бред. Я тебя прошу: никогда больше не разговаривай со мной на эту тему. Занимайся своими компьютерами. А в наш отдел нос не суй. Понял?

— Понял, — ответил парень, ехидно улыбаясь.

* * *

Иванов пришел в отдел. Провел планерку. И наврал всем, что отправляется на верстку. Он приехал домой. Выкурил пачку сигарет. И лег спать.

* * *

Утром он разговорился с Рыковым из другого отдела.

— А все-таки Лю у тебя — хороша. Раньше ее видели с тобой. Как вы частенько выходили с работы. Теперь ходит с Серегой. Но я вижу: он ей уже надоел. Скоро она пойдет в разнос. Она сейчас будет давать всем. Старик, ты не будешь возражать, если я ее трахну? Или хотя бы приглашу в ресторан?

— Володя, давай с тобой договоримся так: ты со мной на эту тему никогда не говорил. И больше не будешь. Все, что ты сказал, это чушь. А даже если не чушь,

я эту девочку никому в обиду не дам. Чтобы про нее ни плели.

* * *

Подруга Иванова Лена Горицкая размышляла:

— Она, конечно, тебя любит. И замуж за тебя хочет. Просто если один человек что-то предлагает другому человеку, тот сразу отказывается. Она хочет, чтобы все было красиво. И постоянно дает тебе новый шанс. То, что она осталась на работе, лишнее тому свидетельство. Деньги, конечно, важны для нее. Но дело не только в них. Иначе она вела бы себя очень тихо с Серегой. Она бы тихонько получала свою нехилую для девчонки зарплату, не курила бы с ним, а просто трахалась бы с ним по вечерам. Тут все — другое. Серега, как и Владимир Юрьевич, для нее — подружки. А ты — нет. Ты мужик. Она и любит тебя, и ненавидит. С тобой она и курить не может. Пойми: любовь — это война. «Двух соловьев поединок». Роковой поединок. Дружба между мужчиной и женщиной — это другое. И семейная жизнь, кстати, — тоже другое. Семейные отношения скорее напоминают производственные. Ты мне, я тебе. Лю — не жена. Она для тебя любовница, за которую ты будешь бороться вечно. Как только ты ее завоеешь окончательно — она тебе станет неинтересна. И ты сам от нее сбежишь. Первый. Она — твоя мечта, муза. А представляешь, она станет женой — будет в бигудях ходить, трусы твои стирать, денег от тебя требовать?

— Ты знаешь, я ничего не боюсь. Мне она нравится разная — даже в бигудях. Денег мне для нее не жалко. А трусы мои ей стирать необязательно — у меня есть шикарная стиральная машинка.

— По-моему, ты сумасшедший.

— Может быть. Хотя вряд ли. Я просто к ней очень неплохо отношусь.

* * *

Другая подруга Иванова — Юлия Юнисова — делилась своим наблюдением:

— В двадцать лет человек еще не может любить. Он может влюбляться. А твоя девчонка, по-моему, даже не влюблена. Она просто стремится самоутвердиться. Ты ей даешь эту возможность. Она самоутверждается за счет тебя.

— Ну и слава Богу.

— Выходит, ты тряпка?

— Может быть, и так. По отношению к ней. Но я же не тряпка с другими людьми. С сильными, серьезными мужиками. Я никого не боюсь. И делаю в жизни то, что хочу. Потом пойми: высшее благо — любить. А не быть любимым. Представляешь, тебя любят, а ты — нет. Ну и какой тебе от этого кайф? А мне нравится эта девчушка. Нравится ее вредный характер, нравится, что она многого уже добилась, что вот-вот получит красный диплом, мне по душе ее рассказы, то, что она впитывает все, как губка. Потом она многое для меня сделала. Без нее я бы никогда не изменил своего жилья, не написал бы тех стихов, которые написал. Потом фактически — она все равно со мной. И делает то, что я ей говорю. Мы прошли с ней многие стадии семейной жизни. Страстная любовь. Охлаждение. Ровные отношения. Сейчас ей нужны от меня только деньги. Но разве так живет мало семей? Я могу давать ей деньги — и даю. Мне это доставляет удовольствие.

— А ты не думал о том, что она себя ведет с тобой, так как захочет, так как ты ей позволяешь?

— Я даю ей свободу. Она вправе выбирать — с кем ей быть. Если для нее лучше Серега — пусть она будет с ним.

— Почему ты говоришь об этом так спокойно?! Ты же мужик!

— Именно поэтому и говорю спокойно. Я разделяю производственные и личные отношения. По работе она делает все то, что я ей говорю. Если делает плохо — я ее отчитываю. Равно как и всех остальных. Я знаю, что мне от нее на работе нужно. Ее функции определены. Она их выполняет. А что касается личного... Знаешь, глупо трясти яблоню в июне. Яблоки еще не созрели. Даже если их стрясешь — они еще незрелые, невкусные. Придет осень — упадут сами.

* * *

Пушкин написал гениально: «Пришла пора — она влюбилась».

* * *

Иванову домой позвонила мама Юры.

— Сидор Иваныч, у меня к вам секретный разговор. В конце февраля Юра стал очень сильно пить. В день по бутылке водки. Что с ним происходит? Скажите мне: у него пьянство вследствие какой-то причины? Или это просто алкоголизм?

— У него пьянство вследствие определенной причины. По-моему, сейчас она устранена.

— Да-да, сейчас он практически не пьет.

— Слава Богу. У вас замечательный сын — добрый, преданный. И хороший работник.

— А я думала, у него на работе, с вами конфликт.

— Юра — мой друг. И конфликтов у нас не бывает. У меня к вам просьба: докладывайте мне немедленно,

если обнаружите, что он приходит домой выпивши. Я буду принимать меры. На работе у нас сухой закон.

На том и договорились.

* * *

Причина пьянства Юры заключалась в Лю. Она кокетничала и с ним, иногда гладила его по руке во время перекуров. А потом отвергала всяческие его ухаживания.

* * *

На одном литературном вечере Иванов познакомился с какой-то грустной худой обрусевшей полькой — Еленой. Они пошли в бар. Пили, разговаривали. В ее глазах отражалась неподдельная, кровоточащая боль. От нее ушел любовник.

Они стали общаться, встречаться, шастать по Москве. Они говорили часами. Она — о подломе любовнике, бросившем ее, Иванов — о загадочной Лю. Постепенно разговоры становились все более и более раскрепощенными. Иванов чувствовал себя с Ленкой и легко, и тяжело одновременно. Он мог говорить с ней все, высказывать все свои боли, все эротические фантазии. Он домогался ее по телефону — грязно, нахраписто, развратно. Ленка охотно шла на эти разговоры, фактически они занимались вербальным сексом. Когда же встречались, она разрешала себя обнимать, гладить по бедрам и груди, залезать под юбку. Но ни разу не подарила даже поцелуя.

* * *

Они сидели в баре при московской консерватории, он положил ей руки в трусики, она облизывала свой

палец, как будто делала минет. Выйдя на улицу, она стала обсасывать его пальцы. Но поцеловать себя так и не позволила. Иванов заводился, нервничал. Перед ним опять была неприступная цель, которая маячила и не уходила с поля зрения. Он вдруг обнаружил, что уже Ленка (даже сильнее чем Лю) заводит его. Перед ним опять стоял барьер, который он должен был взять. Он уже думал все больше и больше о Ленке.

* * *

На улице он попытался ее поцеловать. Она увернулась. Он вспылил:

— Ну, может быть, хватит надо мной издеваться?! Я же тоже не железный. Целуйся тогда с другими. А меня уволь. Я ухожу.

И он поехал домой.

* * *

Вечером Ленка позвонила Оле (их общей подруге) и сказала:

— Сидор оказался таким агрессивным. Ему от меня нужна только постель. Когда я ему отказала, он сказал мне: «Аривидерчи!»

* * *

Любые отношения — даже дружеские! — корыстны. Одна знакомая как-то рассказывала Иванову про отношения со своим сослуживцем: «Мне от него нужно только общение!»

А разве этого мало? В Нью-Йорке Иванов платил психотерапевту сто пятьдесят долларов за сорок минут разговора. Фактически за то, что его слушали.

* * *

Корысть — тщеславие — влюбленность.

* * *

Иванов вспоминал свои отношения с другими женщинами. Прагматический интерес — причем с обеих сторон — присутствовал всегда. Его жена Даша, конечно, испытывала к нему психофизическое влечение. Но оно не было бы столь сильным, если бы Иванов не имел московской прописки. Даша — прекрасная, совершенная женщина — мучилась в провинции. И хотела любой ценой оттуда удрать. И удрала. А как только появилась возможность занять еще более теплое место — она заняла и его. А средством передвижения опять-таки выступил мужчина. Теперь — иностранец.

* * *

Что же касается отношения самого Иванова к Даше, то и оно было во многом прагматичным. Перед тем, как переехать к ней, он жил в общежитии, где каждый день были драки, и он за год таковской жизни чудом остался цел.

* * *

Как только экономическая зависимость от Даши и ее родителей у Иванова пропала, он стал к ней относиться хуже. Начал погуливать, грубить ей и т. д. Увы, такова природа человека.

* * *

Иванов точно знал: нужно быть сильным, богатым, и тогда завоевывать никаких женщин не придется. Они будут завоевывать тебя.

* * *

В случае с американкой Лерой (его другой возлюбленной) ситуация — по сути! — тоже была не слишком романтическая. Просто теперь уже Иванов хотел сменить место жительства. И труженник-мозг — ища способ решить вполне конкретную задачу — выдал самую красивую, единственно приемлемую для Иванова реакцию — любовь. На самом деле это, конечно, была не любовь. А всего лишь стремление переехать туда, где можно было выжить, жить и размножаться. Хотя, разумеется, Лера ему нравилась. А почему, собственно, не должна нравиться изящная, длинноногая, как манекенщица, женщина, которая учит тебя премудростям секса, имеет квартиру в Манхеттене, дает тебе деньги и восхищается твоими стихами?! Такую женщину любить очень просто. Таких готовы любить все.

* * *

Маме Лю Иванов поначалу не понравился. Но потом, когда Лю стала относиться к Сидору н(е)амного лучше, мнение о нем изменила. Она стала приглашать его на обед. Один раз даже купила три билета (для себя, Лю и Сидора) на авторский вечер Вероники Долиной. Увы, Иванов тогда не смог пойти на концерт — уезжал.

* * *

Иванов помирился с Владимиром Юрьевичем. Слава Богу, они выяснили отношения. Было бы намного хуже, решил Иванов, если бы я сохранил Лю, но потерял Пихтина.

* * *

Иванов понимал, что до тех пор пока Лю делает ему больно, она его любит. Как только она станет его жалеть и относиться к нему хорошо, это будет констатация смерти чувства. Хорошо мы относимся только к тем, кто нам безразличен. К ним у нас иная — предельно заниженная! — мерка. Они нам не нужны. Претензии предъявляешь только тому, кто дорог.

* * *

Чем сильнее удар, тем сильнее чувство.

* * *

Ходить по минному полю нелюбви просто. Это поле равнодушия. Жертв может и не быть. А вот на минном поле любви выживают единицы.

* * *

Лю не прощала Иванову ничего. Она его любила. Она — несмотря ни на что! — по-прежнему считала его рыцарем. Человеком равным себе.

* * *

Но что все-таки ею двигало?

* * *

Иванову позвонила его подруга, поэтесса Татьяна Бокова. Разговор, как обычно, пошел о мужиках и бабах.

— В основе любого конфликта ищи зависть или ревность, — сказала мудрая поэтесса. — Тебе нужна либо равновеликая девушка, либо совсем простая и спо-

койная. Конечно, Лю тебе завидует. Тебе дано все, а ей практически ничего. Только женские чары. Но век женской красоты очень короток.

— А я думаю, она, прежде всего, меня приревновала. К жене и дочке. Я по глупости в нашей многотиражке опубликовал о них свои стихи трехлетней давности. Я их взял из своей старой книжки, которую Лю читала. Но для нее это было, видимо, очень тяжело. И, конечно, мой отъезд на Новый год она не может мне простить. Теперь она мне мстит. И за отъезд, и за стихи, и за все плохое, что я ей сделал.

— Хуже всего — если эта месть ради мести. Не ради того, чтобы вернуть тебя. А просто — чтобы отомстить, сделать тебе больно. Мне кажется, Лю — неблагородный человек. После того, как она пошла на резкий конфликт с тобой, она обязана была уволиться.

Иванов промолчал. И не стал комментировать высказывания подруги.

* * *

Все хотят всех.

* * *

Никто не хочет никого.

* * *

И все-таки в последнее время он все чаще и чаще склонялся к мысли, что Лю ему просто мстила. Только мстила. Она уже не хотела его вернуть.

* * *

Он думал о ней. Думал о ее мотивации. Что все-таки двигало ее поступками? Зачем она стравливала его (а

в этом теперь у него не было ни малейших сомнений) с Головкером, Пихтиным, Серегой, Юркой, Надеждой Ивановной, Олегом, а потом и с другими сотрудниками компании — Уточкин, Мкртчян.

Во-первых, она мстила ему за его отъезд на Новый год. Во-вторых, она проверяла — с самых разных сторон! — его чувства к ней. В-третьих, ей было необходимо постоянно доказывать, что весь мир у ее ног. «Да, Иванов управляет всеми в отделе и делает что хочет, но Ивановым, как мальчишкой, управляю я». В-четвертых, она была просто очень вредным и, как она сама себя идентифицировала, злобным существом.

* * *

Иванов лежал дома на диване и, смеясь над самим собой, думал: «На самом деле все, наверное, проще. Она любила. Потом разлюбила. Поняла, что выбор неправильный. Решила уйти. Я ее уговорил остаться, покаялся перед ней. Она и осталась. А почему бы и нет? Деньги она получает приличные. Никто больше ей не предлагает. Вот, собственно, и все. А я — старый, наивный дурак — придумал целую историю. А что касается Серег, так я же сам ей пообещал, что сцен ревности больше не будет. Она никаких обещаний не нарушила. А то, что она не умеет понимать подтекст, так ей в данном случае это не нужно. Вот она и не умеет. И к тому же ситуация с Серегой (перекуры и т. д.) — это лишний случай проявить по отношению ко мне свою жестокость, а жестокость всегда сексуальна. Все предельно просто».

* * *

Иванов выпил кофе с коньячком, почистил зубы, грустно улыбнулся сам себе в зеркало, лег в кровать и безмятежно заснул.

* * *

Любовь — это высшая власть. Лю очень хотела власти.

* * *

В случае с Серегой мотивация была другая. Поначалу он увлекал ее в качестве удобного инструмента для манипуляций. Он, как телок — громко звеня колокольчиком тупости — безропотно шел у нее на поводу. Потом и у него проснулись какие-то чувства, которые в полной мере Лю оценить не за-хо-тела. И хотя она тоже поддалась на его волну симпатии, потом у нее это заглохло. Она поняла, что зашла слишком далеко. Переиграла.

* * *

Она не могла иметь полноценные отношения с толстым, неопрятным человеком, который плохо пахнет, имеет фамилию Чурбанов и получает в месяц сто баксов. Она не могла иметь полноценные отношения с человеком, которого постоянно на работе унижает начальник (ее бывший любовник). Даже если он хороший компьютерщик. Даже если у них есть общие темы для разговора. Даже если они вместе ходят в джазовый клуб «Форте». Даже если у него отдельная квартира в Гольяново. Она не могла допустить, что на работе есть человек, который может прочесть книгу, где будут описаны их отношения с Ивановым... Именно Лю начала выживать Серегу с работы. Она сознательно продолжала с ним совместные перекуры, демонстрировала свои уходы и приходы с ним в офис. Она не дорожила Серегой, как, впрочем, и никем.

Иванов это понял. И решил сделать эксперимент. Сбросил Чурбанову информацию, что написал трид-

лер. Пообещал, что скоро отдаст ему его верстать. Информация Серегой была передана в срок и по назначению. Произошла очередная накачка, дотошная обработка мозгов. В итоге Чурбанов нахамил Иванову — при всех — публично — заявил, что вообще не будет верстать журнал (а Иванов задумал выпускать и строительный журнал, посвященный фирме). И получил от Сидора немедленное уведомление об отставке.

* * *

Лю мастерски владела — как, скажем, шпионы или цыганки — искусством нейролингвистического программирования.

* * *

«Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино».

* * *

Хотя, кто знает — может быть, вечером на работе Лю, обнимая Чурбанова, шептала ему, как раньше Иванову: «Возлюбленный мой, спаси меня от этого деспота!»

* * *

От трагедии до фарса — сантиметр.

* * *

Все возможно в этом мире.

* * *

Тем более, что несколько раз Чурбанов даже пытался что-то невразумительное предпринять.

* * *

Иванов, Чурбанов и Лю курили. Потом Иванов сказал:
— Сережа, оставь нас наедине. Нам надо недолго поговорить.

— Ну, если недолго, — пробубнил Чурбанов.

Иванов вскипел:

— Мы будем говорить столько, сколько я решу.

Чурбанов, как побитый медвежонок, поплелся в комнату.

Лю злобно-недоуменно посмотрела ему вслед, как бы оправдываясь — опять-таки театрально! — перед Ивановым.

* * *

В ее поступках — равно как в ее текстах — было много лишнего, напускного.

* * *

Причина всех неурядиц человека — в его филологической безвкусице.

* * *

Хорошо сказал Серега Арутюнян: «Графомания чувств».

* * *

Верно заметил поэт Женя Данов: «Слово — сильное оружие. Но самое сильное — молчание».

* * *

В словах Чурбанова — «Ну, если недолго» — Иванов почувствовал интонацию собственника.

И еще раз убедился: ему изменили.

* * *

Когда Лю ушла в отпуск и три дня никак не давала о себе знать, не звонила ни Пихтину по рабочему (или домашнему), ни Сереге на мобильник, Иванов загрустил. Он вдруг понял, что это намного хуже — тревожнее! — чем, когда она напоминала о себе.

* * *

Через три дня она позвонила Сереге. В 17.30. И спросила его: «Что ты делаешь?»

— Газету, — ответил Серега.

Потом они еще о чем-то недолго говорили.

Извращенец Иванов успокоился. Он понял, что Лю его еще любит.

* * *

Иванов изменился. Он тоже стал играть. Он знал: Лю более для него не абсолютна. Она — одна из многих. Не более того. Да, он не прочь иметь контакты и с ней. Но она ему изменила. Он сам сказал себе: она переспала с другим. Даже если не переспала — все равно переспала. Потому что она предпочла общество других людей. Ему стало легко. Отныне он не считал ее единственной.

Единственной больше не было.

* * *

Все его многочисленные знакомые, друзья и подружки, все лечащие его психотерапевты кричали в один голос, точно сговорившись:

— Выгони ее с работы, убей ее в себе. Убей! УБЕЙ! Она причиняет тебе боль, неудобства, страдания.

— А разве это неинтересные чувства? — удивлялся Иванов. — Я должен ей еще и приплачивать. Она помогает мне познать себя.

* * *

Иванов был неумным человеком, грешным делом посвятившим себя самопознанию. Он сам — для себя! — создавал пограничные ситуации. Он строил свою жизнь, как хотел. Он точно знал: свобода выбора есть. Он выбирал. Именно поэтому он занимался в детстве одновременно музыкой и боксом, футболом и хоккеем, именно поэтому в семнадцать лет он удрал из сытой и благополучной Москвы и поступил на факультет иностранных языков нищего провинциального Университета (он хотел изучать не только языки, но и жизнь в общаге), поэтому (хотя, конечно, не только поэтому, а, прежде всего, из-за любви) он в восемнадцать лет женился, именно поэтому он сделал все, чтобы угодить в сумасшедший дом, а затем — за границей! — в тюрьму, именно поэтому он уезжал с пятьюдесятью долларами в кармане в Америку и Францию, и выживал, и очень роскошно там жил, именно поэтому он учился в университете в Брюсселе, и жил в Нью-Йорке и Филадельфии с американкой русского происхождения Лерой, которая была ослепительной красавицей и миллионершей и при этом старше его на двенадцать лет, именно поэтому он так легко и беззаботно менял

работы. Он ставил над собой эксперименты: выживет, не выживет? Он доказал себе: он выживает в любых условиях. Как таракан или крыса. В еврейских районах Америки он становился похожим на еврея, у него появлялся местечковый акцент, в Париже он начинал думать и писать стихи по-французски... С молоденькой девушкой он становился половым гигантом. Он мимикрировал. И не считал это ужасным.

* * *

Пройти мимо Лю, отказаться от нового опыта он не мог. Тем более, это был не просто интерес. Здесь совпали многие факторы. Один из них заключался в том, что Иванов созрел для создания семьи. И продления рода. Впервые за последние годы он трахался без презерватива. Он хотел детей именно от этой девочки. Почему — он не знал. Он просто фатально шел, как лосось по мелкой горной реке — по камням, по камням! — против течения, оплодотворяя молокой икру. Он понимал, что погибает, но остановиться не мог.

* * *

Л(В)ера — Лю (Любовь) — две трети духовной жизни прожито —

* * *

Он не мог на работе заниматься только работой. Это было бы слишком пресно и омерзительно уныло. Ему — во всем! — требовался экстрим. Он и вкалывал больше всех своих подчиненных — с утра до ночи! — и трахал лучшую девчонку в компании — в мире! — и вынужден был конспирироваться, точно Штирлиц, и узнавал подноготную своих товарищей. То есть, зани-

маясь вполне реальным и жестоким бизнесом, зарабатывая большие — очень большие! — деньги, он, по сути, занимался тем же, чем обычно — постигал себя и мир. Он оставался кем был — человеком, посвятившим себя самопознанию. И фактически работал над новой книгой. Ничего более интересного и выгодного он придумать не мог. Если бы Лю не было, ее следовало бы придумать.

* * *

Иногда сладостное и разрушительное безумие покидало Иванова. Он запрещал себе смотреть на Лю, запрещал себе... И — говорил о ней часами, говорил со всеми. (Или писал о ней.) Точно также как ранее говорил сутки напролет с ней. Фактически ничего не менялось. Непрожитые отношения надо было прожить. Хотя бы в слове. Или на бумаге.

* * *

Ему очень помогал его спортивный опыт. Спорт для мальчиков в советское время стал, наверное, самым эффективным институтом воспитания в условиях рыночных — именно рыночных! — отношений. Это была блестящая подготовка — с жесточайшей конкуренцией, изощренными интригами, тупым торжеством силы и т. д. — ко взрослой жизни.

* * *

Иванов записался в футбольную секцию в десять лет. И поначалу был самым ярким игроком в команде. Он стал любимчиком у тренера, начал зазнаваться и т. д. А потом пришли другие ребята, которые оказались сильнее, талантливее, коммуникабельнее. Иванов

оказался на вторых ролях. И не хотел с этим мириться. Он жаждал играть в нападении, мечтал забивать, быть центральным нападающим. (Тем более что, играя зимой за тот же клуб в хоккей, Иванов как раз и был центральным нападающим. И был очень ярким игроком. Дважды становился чемпионом Москвы.) А в футбольной команде его по-прежнему ставили в полузащиту. И даже заменяли во втором тайме другими футболистами. Однажды когда один из лучших игроков в команде как-то невежливо поздоровался с Ивановым, он решил(ся) уйти. И ушел во вторую лигу. И стал там центральным нападающим, «звездой». Много забивал. Новый тренер назначил его штатным пенальтистом.

* * *

Потом он и вовсе забросил футбол, обнаружив, что есть и другие интересные — а зачастую и более полезные в жизни! — виды спорта. Увлёкся боксом. Оказалось, что у Иванова идеальные данные. Длинные, точно рельсы, руки, небольшой вес (при высоком росте), прирожденная выносливость, воля к победе, умение держать удар, бойцовский характер. Иванов прогрессировал от боя к бою.

— Сидору сейчас нет в Москве равных, — говорил его тренер.

Иванов стал тренироваться каждый день. А затем и два раза в день. Выходил на спаринг-бои с чемпионами Москвы, своим тренером. На тренировках коч выставлял против него двух ребят, которые молотили его почем зря, а Иванову было разрешено только защищаться — нырками, уклонами, уходами в сторону. А потом у Иванова от перегрузок, нервного и физического переутомления начал барахлить «мотор». Сидор приходил на тренировку, а сердечко шалило.

* * *

Он выступил — больной, больной! — на очередном открытом ринге и безнадежно проиграл. Он понял, что больше не тянет. Он понял, что пора уходить. Он отдал любимому тренеру подаренные им боксерские трусы. И стал заниматься другими вещами. Ему было шестнадцать лет.

* * *

К шестнадцати годам у Иванова был огромный опыт побед и поражений. Иванов знал: после поражения жизнь не заканчивается.

* * *

Кстати говоря, как только Иванов завершил боксерскую карьеру, ему позвонил тренер из прежней футбольной команды — из высшей лиги — и попросил вернуться назад. Иванов вернулся. Стал играть. Его уже никогда не заменяли. В семнадцать лет он стал кандидатом в мастера спорта СССР.

* * *

По идее: если бы Иванов вернул Лю ее боевые трусики и чулки, то ситуация повторилась бы... Как в боксе.

* * *

Иванов ничего не вернул. Он оставил себе эти атрибуты женского разврата как трофеи, завоеванные в честной, изнурительной борьбе.

* * *

Бедняжка Лю еще не знала Иванова. И не знала жизни. И не знала себя. Она забывала, что мир всегда развивался — как в спорте — в рыночных условиях. Она блистала на фоне женщин, которые были старше ее вдвое.

Иванов жалел Лю. И не брал на работу ее сверстниц. Он боялся, что ей будет неприятно. И больно.

* * *

Он очень жалел Лю. Именно потому что она была неконкурентоспособна по большому счету. Она была высокая и изящная. Но не модель. Она неплохо писала. Но ее сверстницы писали рассказы и эссе лучше нее. Она имела хорошую дачу, но эта дача принадлежала не только ей, но и ее маме и брату. Она знала компьютер. Но не могла бы работать программистом. Она была филологом. Но не знала иностранных языков. Она могла очаровать только комплексом своих качеств. И, прежде всего, своей речью. Своим низким, красивым голосом. Она уступала в частности, но побеждала в целом. Она могла подчинять себе человека полностью. Она умела — речью, мимикой, недосказанностью — подчинять себе волю другого человека. Мужчины. Так она поступила с Головкером, Пихтиным, Юркой, Серегой...

Не будучи совершенной ни в одной из сфер, она должна была постоянно доказывать себе, что она лучшая. Но как? Это можно было сделать в ее ситуации только одним способом. У ее ног должны были быть все мужчины. И, прежде всего, самый лучший. А то, что Иванов в их конторе был для нее самый лучший — у нее сомнений — особенно поначалу! — не возникало.

Она не могла тягаться с Надеждой Ивановной в профессионализме или с Женей Свитковой в писательском мастерстве, но она могла бросить к своим ногам того, кого указанные женщины, по крайней мере, уважали.

* * *

Иванов понимал, что Лю очень несчастный человек. Она завидовала подлинно талантливым людям, она ревновала Иванова к его жене, одаренной поэтессе. Понимала, что неабсолютна. И не могла с этим смириться.

* * *

При всем этом Иванов видел в Лю писательское дарование. Он видел в ней умение четко формулировать мысли, давать правильный анализ собственным поступкам и чувствам.

* * *

Иванов видел в Лю талантливого человека. А талантливого человека можно научить быть добрым и великодушным. Только бездари на всю жизнь остаются жестокими и невостребованными.

* * *

Конечно, их отношения строились не только на материальной базе. Без денег она могла бы обойтись. Но понять себя до конца она могла только на работе — в обществе Иванова и Пихтина, Юрки и Сереги, Головке-ра и Надежды Ивановны...

* * *

Если бы она потеряла работу, она потеряла бы сцену. А, следовательно, и саму себя.

* * *

Иванова спасали его великие собратья по духу, по вполне реальному государству Поэзия. А где ему еще было искать поддержки? Он открывал свои любимые книги и получал тепло, любовь. Он лежал на диване и читал том лирики русских поэтов «Я встретил Вас...» Строки Пушкина — «На холмах Грузии лежит ночная мгла», Блока — «Кто бы ни звал — не хочу/ На светливую нежность/ Я променять безнадежность/ — И, замыкаясь, молчу», — всего Есенина, всю Ахматову и Цветаеву, раннего Евтушенко — «Но умирали мы навеки друг для друга,/ а это все равно, что умирать вообще», «ведь я тебя любил, как сорок тысяч братьев/, и я тебя губил, как столько же врагов», «Гуманней не твердить “люблю”, когда ты любишь/, Как тяжело потом из этих самых уст/ услышать звук пустой, вранье, насмешку, грубость,/ и ложно полный мир предстанет ложно пуст».

Наткнулся на стихотворение Кушнера. «Быть нелюбимым! Боже мой!/ Какое счастье быть несчастным!/ Что с горем делать мне моим?/ Спи. С головой в ночи укройся./ Когда б я не был счастлив им,/ Я б разлюбил тебя. Не бойся!»

Поэты, как великие подвижники и врачи прошлых лет, взяв на себя невыдуманные муки, заразившись, точно специально, любовной болезнью, показывали Иванову, как ему жить дальше, как выжить, как сделать приемлемой ту ситуацию, в какой он оказался. Что касается мысли Кушнера, то она, конечно, ему нравилась, но она не совсем соответствовала ситуации, в которой

оказался Иванов. Он был любим. Лю причиняла ему боль, а, следовательно, получала сексуальное удовлетворение. Он был источником ее наслаждения, и, разумеется, она его обожала.

Иванов читал своего любимого Георгия Иванова, его «Распад атома», который он готов был не цитировать, а декламировать наизусть полностью. «Я думаю о эпохе, разлагающейся у меня на глазах. О двух основных разновидностях женщин: либо проститутки, либо гордые тем, что удержались от проституции»; «Женщина сама по себе вообще не существует. Она тело и отраженный свет. Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня»; «Я хочу написать тебе длинное прощальное письмо, оскорбительное, небесное, грязное, самое нежное в мире. Я хочу назвать тебя ангелом, тварью, пожелать тебе счастья и благословить, и еще сказать, что где бы ты ни была, куда бы ни укрылась — моя кровь мириадам непрощающих, никогда не прощающих частиц будет виться вокруг тебя»; «Женщина. Плоть. Инструмент, из которого извлекает человек ту единственную ноту из божественной гаммы, которую ему дано слышать»; «Он не был Цезарем. Была у него только эта любовь. Но в ней заключалось все — власть, корона, бессмертие. И вот рухнуло, отнята честь, сорвали погоны»; «Может быть, это в первый раз. Может быть, это блаженнейшая в мире любовь. Может быть, Наполеон воевал и Титаник тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать»; «Каждый, как атом в ядро, заключен в непроницаемую броню одиночества. Два миллиарда обитателей земного шара — два миллиарда исключений из правила. Но в то же время и правило. Все отвратительны. Все несчастны. Никто не может ничего изменить и ничего понять. Брат мой Гете, брат мой консьерж, оба вы не знаете, что творите и что творит с вами жизнь»;

«Что же мне делать теперь с тобой, Психея? Убить тебя? Все равно — ведь и мертвая теперь ты придешь ко мне»; «Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо».

* * *

— Ну что еще сказать? — думал Иванов. — Что может добавить убогий мой язык? Ну, только имя, только иную хроникальную цепочку.

* * *

С Серегой он решил поступить неожиданно. Не ссориться с ним, не ругаться. Наоборот, работать с ним, поощрять его. Пить с ним пиво. Он решил ее союзников перетянуть на свою сторону.

Борьба — игра — любовь — продолжались.

* * *

Она твердо решила уволиться. Он твердо решил ее вернуть. И написал ей письмо.

* * *

Милая, драгоценная Лю!

Я считаю, что во многом виноват перед тобой. Прежде всего, в том, что сумев поначалу увлечь тебя, я не сумел удержать высокую планку отношений. Я виноват в том, что разочаровал тебя. Я оказался обычным человеком. Не слишком преуспевающим бизнесменом, не очень талантливым начальником, не выдающимся издателем и редактором, выпускающим не самое яркое издание. Более того, я даже сделал несколько неблагоприятных поступков в отношении тебя, о которых до сих пор мне стыдно вспоминать. Больше всего я казню

себя за то, что уехал на Новый год за границу без тебя. Оставил тебя. Не звонил. Не вернулся вовремя. Допустил, что ты ехала из Казани в одном купе не со мной, а с какими-то мужиками, которые сально смотрели на тебя. Клянусь тебе, я никогда себе этого не прощу. Ты поверила мне, поверила в меня, фактически из-за меня ушла от Игоря. И в этом моя главная вина перед тобой. Ведь я разочаровал тебя, оказавшись — для тебя — хуже Игоря. Теперь я хорошо понимаю: мой грех в том, что ты меня разлюбила. А не любя, ты не можешь (как я полагаю) ни с кем иметь полноценных интимных — столь необходимых тебе! — отношений. Отсюда твои мучения и нервные спады. Ведь ты — очень страстная, очень нежная женщина. Я никогда не хотел иметь с тобой просто интрижку. Я долго надеялся, что наши вполне успешные сексуальные отношения перейдут со временем (и с твоей стороны) в более глубокое чувство. Я хотел, чтобы ты стала моей женой. Сделал тебе предложение. Ты мне отказала. Увы. Долгое время я очень ревновал тебя, боролся за тебя. И на почве ревности сделал много других глупостей. Сейчас я изменился. Теперь я точно знаю, что ревность это скорее любовь к себе. Теперь я не ревную тебя, я тебя только люблю. Восхищаюсь тобой. Твоей гордостью, неподкупностью, умением идти до конца, твоей страстью нарушать любые табу, твоей красотой (и внешней, и внутренней). Я хочу только одного, чтобы тебе было хорошо. С кем угодно — лишь бы хорошо! Я считаю тебя уникальной, очень красивой, одухотворенной и талантливой женщиной. Женщиной, которой невозможно жить без любви. Если ты не любишь, ты начинаешь ненавидеть весь мир. Я желаю тебе как можно скорее выйти из этого состояния. Обещаю, что с моей стороны никаких приступов ревности, никаких препятствий для твоего счастья с кем-то другим больше не будет. Мы только начальник

и подчиненная, как много месяцев назад. И, конечно, я считаю тебя очень толковым работником, умеющим брать интервью, обслуживать сайт, находить новости и т. д. То, что я сказал в порыве эмоционального срыва, только слова. Если можешь, прости меня за них. Исходя из всего этого, я убежден, что тебе не стоит уходить с работы. Я коленопреклоненно прошу тебя не уходить. Тебя у нас все любят, тебе есть чему поучиться у Владимира Юрьевича и у Сережи (умница, кстати, что научилась размещать новости на сайте). Ты еще не отгуляла свой законный отпуск, ты имеешь полное право уйти в дипломный отпуск за свой счет и т. д. Уходить в никуда, не найдя нового места, не очень разумно. Тем более, что — я повторяю тебе — ты абсолютно свободна, никаких прав у меня на тебя нет. Я никогда больше не посягну на твою свободу. Если бы я мог хоть в чем-то тебе помочь (хотя бы обеспечивая тебе нормальную зарплату и премии), я был бы счастлив! Я не ищу оправдания себе. Во всем виноват только я. Но если можешь, пойми меня и прости. Просто, в самом деле, мне было нелегко работать вместе с женщиной, которая для меня являлась смыслом жизни. Очень сложно быть всегда на высоте, будучи постоянно на глазах у любимой, у большого количества людей, которыми ты должен управлять. Эти условия очень тяжелые. Помнишь, я рассказывал тебе, что в царской России одна из самых изощренных пыток заключалась в том, что влюбленных сковывали в камере общими кандалами. Через три дня они начинали ненавидеть друг друга. Фактически мы оказались в такой камере. В очень тесном пространстве, среди огромного числа людей и компьютеров. И у нас просто немного сдали нервы. Хотя заметь: мы очень долгое время (многие месяцы) оставались на высоте. Я не профессиональный управленец, я профессиональный

литератор. И я думаю, что главное мое дело — книги. Их я скоро допишу. И тогда, быть может, тебе будет не очень стыдно за меня. А за меня не беспокойся. Курить я уже бросил. Все остальные свои проблемы я тоже решу. Оставайся!

* * *

Сидор вручил Лю письмо на работе. Она тут же его прочитала и сказала, что подумает, посоветуется с мамой.

Через три дня она позвонила и сообщила, что остается.

* * *

Иванов решил объяснить и с Пихтиным, открыть ему все карты. Написал письмо.

Дорогой Владимир Юрьевич!

Никто не виноват. Кроме нас самих. Лю — человек, посланный на землю свыше. Видимо, для того, чтобы мы посмотрели пристальнее на самих себя. Наша фирма была (и есть) ее первым местом работы. И что она увидела? Близкие люди предают друг друга, поливают за глаза грязью, ведут себя, как дети. Вы, равно как и Сережа, и Головкер, и Юра, оказались марионеткой в руках девчонки. Вы крыли меня, а я об этом узнавал через пять минут, Вы допускали профессиональные ошибки, а меня обвиняли в том, что я придираюсь к Вам. Но мое отношение к людям складывается из двух моментов — как человек работает и как он ко мне относится. Вы и работали, на мой взгляд, неважно, и ко мне относились скверно. Наш конфликт (разрыв) с Лю произошел после разговора о Вас. В январе Вы пригласили меня пообщаться конфиденциально, речь пошла о

деньгах. Вы попросили, чтобы разговор остался между нами. Вы говорили о том, что делаете нормальную газету, претензий со стороны Головкера нет, а я, мол, решил Вас депримиловать.

Я объяснил свою позицию. Нельзя платить полную сумму за некачественный товар. Если печник сложил печку, а она коптит — полную сумму платить неправильно. Даже если обговаривалась конкретная сумма. Даже в советское время за ошибки вычитали из зарплаты. В целом Вы согласились с моей позицией. И даже извинились передо мной за те сцены, которые происходили накануне Нового года. На следующий день у нас состоялся с Вами еще один разговор. Я постарался Вас ободрить, сказал, что все нормально. Вы в тот день — уже с утра — плохо себя почувствовали. Обо всех наших разговорах Вы рассказали вечером Лю. А она — мне. Я высказал свой взгляд на вещи. Она согласилась со мной. Но признала за Вами — за пожилым человеком — право мыслить по-старому.

Таков сюжет. Такова правда. Мы все в этой ситуации оказались не на высоте. И Вы, и я. И, наверное, Лю. Но она — девчонка, она ведет себя так, как ей предписано природой. Она обязана — как самка — стравливать мужиков. А мы... А мы, Владимир Юрьевич, — дерьмо. И это надо признать. Чтобы потом не повторять ошибок.

Я не держу на Вас зла, я сам перед Вами во многом виноват, я Вас крыл еще более гнусными словами. Мне от этого отвратительно. Я прошу у Вас прощения. Обещаю, что никогда больше за глаза не скажу о Вас ни одного плохого слова. Говорить в кулуарах можно только то, что можешь повторить при людях. Это единственный способ изменить себя и мир. Всего Вам самого хорошего.

Ваш С. И.

* * *

Передавать письмо Пихтину Иванов не стал. Раскрыть тайну своих отношений с Лю он — при всем тщеславном желании! — не смог.

Дружба с Пихтиным вскоре возобновилась сама собой. Во время отпуска Лю.

* * *

Женщина — это роскошь. Это не только совершенный инструмент получения наслаждения, но и безупречный инструмент получения боли, страдания. Женщина — это способ познания мира. Только пройдя все стадии отношений с одной женщиной, можно что-то понять. Тот, кто бежит по кругу и хочет найти только покой и удовольствие, тот очень слабый человек и никогда не увидит мир с разных сторон.

Иванов знал, что он достаточно сильный индивид. Он не боялся жизни. Он был очень любопытный. И ни от чего интересного в своей жизни не отказывался.

* * *

Он брал в жизни все, что хотел. И столько сколько хотел. Никаких преград на своем пути он не обходил. Он шел на любое деяние (даже преступление) для достижения своей цели. Он с отвращением к самому себе вспоминал, как в детстве, придя с братом на день рождения его друга, увидел у того дома патрон-зажигалку... Он страстно захотел иметь эту вещь. И украл ее. Он не мог ее не украсть. Он действительно страстно ее захотел. Он реализовывал все свои мечты. А, реализовав, успокаивался. Если бы Лю не убежала от него, он убежал бы сам.

В свое время он очень хотел шестисотый «Мерседес». И купил его. Потом он просто стоял и гнил в гараже —

Иванов понял, что в Москве удобнее ездить на метро. Ложные желания, ложные чувства. Но если в желании была хотя бы толика здравого смысла — Иванов вообще шел напролом.

* * *

Иванов знал: секс и общение он давал ей лучше всех. Обеспечивал лучше всех. Мучил изощреннее всех. Вел себя благороднее всех. Вел себя подлее всех. Он понимал, что от такого набора качеств Лю отказаться не могла. И, конечно, дорожила Ивановым. Он был искренний. Он не играл. И если ревновал, то мучился. Как написала поэтесса Лиза Храмова:

*За мною следом ненависть твоя,
Как тень, крадется.
Меня так любит ненависть твоя,
Что застит солнце.
В бессильи, в злобе, в страсти и в огне,
Как в жесте мима.
Беззвучна. Неотступна и так мне
Необходима!*

* * *

Он помнил слова Лю, что все вокруг — только статисты. И служат лишь для того, чтобы выявить их отношения. Показать их гармонию (или дисгармонию).

* * *

Писатель — это человек, научившийся не терять.

* * *

Он понимал, что она явилась в его мир не случайно. Она показала всем кто есть кто. И ненавидеть ее за это было бы нечестно. Ненавидеть можно было только себя.

* * *

До тех пор, пока она презрительно смотрела на него, он и сам смотрел на себя презрительно.

* * *

И только иногда его посещала черная мысль: а, может быть, он все придумал? И мир намного проще? Девчонке нужны деньги. И нужен другой мужик. Деньги даешь ты, чувства — другой. Мечтает она о третьем.

* * *

Он вспомнил любимый тост одной своей сотрудницы. У женщины должен быть лев в постели, ягуар в гараже, соболь на плечах. И козел, который за все это заплатит.

В роли козла быть не хотелось. Но — увы.

* * *

Ее гениальность заключалась в том, что она точно вычислила характер Иванова. Он не мог проиграть. Он всегда добивался того, что хотел. И хотя она уже была совершенно не нужна ему как сотрудница, он держал ее рядом, готовя новые нападения... Она отбивалась. Она знала: как только она уступит, он вышвырнет ее вон. А пока он будет ее держать. И финансировать.

* * *

Девчонка в самом деле оказалась неглупой. Она выбрала — вместо Иванова — слабого кавалера и тем самым спутала карты. При этом она не сказала точно, что спит с ним. Она обронила однажды, во время очередных разборок — точно вскользь: «Я не целуюсь с Серегой. А, может быть, и целуюсь».

* * *

В последнее время Иванов, отлученный от тела Лю, встречался с женщиной, которая в принципе поступала также, только еще изощреннее. Она иногда прерывала на полпути акт. Обещала приехать на следующий день. И не приезжала. И понимала, что Иванову плохо. И получала от этого удовольствие.

* * *

В любовной игре только убегая от партнера, можно его догнать.

* * *

Постоянное и безуспешное преследование Лю начало развивать в Иванове комплекс неполноценности. Он решил его в себе преодолеть. Он сказал сам себе: «Посмотри вокруг!» И посмотрел. На работе хорошенькие молоденькие девушки проявляли к нему интерес. Он позвонил некоторым своим бывшим возлюбленным. Месяц встречался с Таней Волковой, с которой до этого не виделся год. Возобновил отношения с женщиной, с которой жил четыре года, а расстался три года назад. Она по-прежнему его любила. Он даже выписал к себе домой Таньку Шелкунчикову. Она приехала, провела с ним ночь. Утром он смотрел на нее — ее худое — в

бородавках — тело — с отвращением. И хотя она потом регулярно ему звонила, он под любым предлогом встреч избегал.

Олегу, кстати говоря, она так и не дала.

* * *

Ему звонили какие-то безумные поэтессы. И спрашивали:

— Сидор Иванович, чем помочь?

Он довольно улыбался.

Он понимал, что все еще востребован. Вакуума не было.

* * *

Иванов начинал понимать женские уловки. Их отношения с мужчинами — обобщать, впрочем, не обязательно — выстраиваются по одной схеме.

Первый этап. Увлечь мужчину.

Второй этап. Отжать от него все, что можно — деньги, работу, знания.

Третий этап. Заменить другим мужчиной, если возможности первого оказались ограничены.

А прежнего держать про запас.

* * *

Так происходило и будет происходить всегда. И победит только тот, у кого всего много. Денег, терпения, выдержки. Любые чувства женщина сможет в себе подавить, если ей это будет выгодно.

* * *

Женщина намного рационалистичнее мужчины. Это нормально. Она должна думать не только о себе...

* * *

Лучше всех к Иванову относилась Ирочка, с которой он познакомился через службу знакомств. Она была, наверное, святой. Она приезжала к нему домой на протяжении четырех лет, проводила с ним ночь, а утром уезжала. Иванову она не говорила, где работает, когда у нее день рождения. У него не было ни одной ее фотографии. Он не знал о ней ничего. Иногда он пропадал на полгода, на год. Звонил — и она опять приезжала. В последний раз он отсутствовал три года. Он позвонил — она приехала опять. И сказала:

— Я люблю только тебя.

* * *

Иванов любил жизнь. Любил родителей, жену (бывшую) и дочку, Ирочку, путешествия, Москву, ночные кабаки, бильярд, стихи, Олега Мусаева, Татьяну Боккову, Лю, свою квартиру, дачу, Париж, Нью-Йорк, любил вкалывать и сочинять, болтать по телефону.

* * *

Он любил всех. А, может быть, никого?

* * *

Любая женщина — тем более творческая — актриса и писательница. Писательница — потому что пишет историю своей жизни, свою биографию. Кстати говоря, Лю не раз говорила: «Я не знаю, что бы еще придумать экстравагантного — лишь бы ты писал обо мне!»

* * *

Женщина больше всего боится старости. Она к ней готовится. Она должна прийти к старости с багажом

эмоций, чтобы потом рассказывать, как из-за нее — еще девчонки! — сорокалетние мужики сходили с ума. Лю ждала стихов, рассказов, писем. И, конечно, она была актрисой. Иванов это очень хорошо понимал. Она могла заплакать когда нужно, могла разыграть ненависть с криком «ненавижу» — чтобы все видели и слышали.

* * *

Лю использовала любую ситуацию, чтобы насолить Иванову. Почему-то она выбрала его. Видимо, это, в самом деле, была любовь.

* * *

Лю находила любые средства, чтобы передать Иванову информацию. На работе выдали новые диктофоны. Начали их проверять.

— Лю, скажи что-нибудь! — попросил Серега.

— Человек — это сосуд страдания. Будда. — сказала Лю.

Она давала знать Иванову о том, что всем плохо и больно. И ей в том числе.

* * *

В отпуске она звонила Сереге на мобильный каждый день в 17.30. Почему не в 18.00, когда заканчивается рабочий день? Выходило так, что она по-прежнему пыталась задеть Иванова за живое, причинить ему боль.

* * *

Или все не так? Может быть, Иванов просто страдал манией величия?

* * *

Елена, польская леди, сказала:

— Она познает мир. Она не знает, как на него реагировать, для нее все внове. Я жалею, что ты так рано встретился на ее пути. Она приучится думать, что с ней все будут поступать гуманно. Но жизнь намного жестче. И никто с ней цацкаться особенно не станет. Она играет. Выставляет тебя в дураках. И получает от этого удовольствие. Почему ты ее не уберешь?

Иванов молчал.

* * *

Иванов хотел понять Лю.

Мир взрослых людей предстал перед ней фактически впервые. Иванов (и его отдел) давал ей необозримую площадку для экспериментов. На этой унавоженной почве могли вырасти любые цветы. В воронку их взаимодействия (противодействия) вовлекались все новые и новые персонажи. Театр абсурда продолжался. А режиссеры — их, конечно, было два! — радовались и мучались. И мучались, и радовались.

* * *

Если она была полностью равнодушна к Иванову, если не давала ему никаких шансов, почему же она до самого последнего времени иногда бросала на него жаркие взоры, почему иногда — во время перекура — тайно прижималась к нему под столом ногами, почему проявляла какие-то другие знаки внимания?

Или человек говорит только словами? А взгляды, жесты, мимика? Слова — дерьмо. Иванов давно в этом не сомневался. Ее слова о том, что она не дает ему никаких шансов были, конечно, сильным ударом, но не смертельным. На сто процентов Иванов им не верил.

* * *

Иванов понимал, что Лю каждый раз давала ему еще шанс. А он — убогий урод! — никак не мог красиво им воспользоваться.

* * *

Он решил затаиться. И подождать.
Он сказал сам себе: «Пусть будет — что будет».

* * *

Он понял: Лю обожает причинять и получать боль. Боль для нее — синоним слову секс. Общаясь с Ивановым, она имеет беспронятный вариант — либо она мучает его, либо он мучает ее. Им обоим это было нужно.

* * *

Не общаясь с Ивановым, Лю приходила в отчаяние, ходила, как бешеная по клетке своей квартиры, курила одну за другой сигареты, подбегала к телефонному аппарату, порывалась набирать номер Иванова, но оставалась. Иногда все-таки звонила Сидору, но, услышав его, бросала трубку. Она разрушала сама себя. И получала от этого кайф. Сексуальный кайф. Лю — японка по происхождению — оказалась очень русской. То есть склонной к суициду.

* * *

Все, чем они занимались, являлось, по сути, различными вариациями секса. Для нее очень важны были новые грани падения, захват новых территорий греха. Именно поэтому она в свое время притащила его заниматься сексом в монастырский парк (святотатство),

именно поэтому она просила его в постели, чтобы он изнасиловал ее, придумал для нее новые пытки, именно поэтому она завела на глазах у Иванова роман с Серегой (кровавая форма садизма). Все это ее возбуждало. Все это отчасти возбуждало его. Они, точно герои фильма «Ночной портье», были созданы друг для друга.

* * *

Однажды Иванов пришел на работу и обнаружил, что шторы в их комнате задернуты. Так раньше делали Иванов с Лю. Сидор не был уверен, что Серега трахал Лю в офисе, но знал точно: шторы занавесила она. Чтобы причинить Иванову большую боль.

* * *

Иванов знал, что как только он перестанет реагировать на ее отношения с Серегой, она тут же заведет роман с кем-то еще, более серьезным человеком. Она пойдет до конца. До тех пор, пока Иванов будет на нее реагировать.

* * *

Он решил терпеть. Но ему было очень тяжело. Он думал: я не святой, но веду себя чересчур допорпорядочно. Я не член королевской семьи, но проявляю максимум выдержки. И это — каюсь, каюсь! — греет мое самлюбие. И это тоже форма гордыни. Почему я должен ее культивировать в себе?

Он понимал: она не остановится. И дело может закончиться очень плохо и для нее, и для него. Потому что наркотик жестокости постоянно требует новых доз. Он спрашивал себя: почему не порвать со всем этим решительно и бесповоротно? Ведь так будет лучше всем.

* * *

Он позвонил Олегу Мусаеву. Рассказал ему о своих чувствах. Олег сказал:

— Ты должен стать выше этой ситуации. Ты должен любить всех. Но другой любовью. Как святой. И тогда она успокоится. Пока ты реагируешь на нее, она не остановится.

— Но если я перестану реагировать на нее, она начнет беситься еще сильнее.

— Это правда. А, может быть, побежит за тобой.

— Так уже было. И мы даже обсуждали ранее с ней эту ситуацию.

— Что же тебя не устраивает?

— Наши отношения в любом случае греховны. У нас с ней очень своеобразная любовь, которая, скорее, похожа на самоуничтожение. Причем, с обеих сторон. Я не могу понять, почему я не могу ее выгнать с работы?

— Это будет проявление слабости. Это самое простое решение. Реши все-таки проблему в самом себе. Потом станет легче.

— Ну что ж, ладно, — сказал Иванов, — я постараюсь.

* * *

— Ваш конфликт, — сказал Серега Арутюнян, — фактически религиозный. Ты любишь жизнь и людей. Она — ненавидит. Ты хочешь строить. Она — разрушать.

Иванов молчал.

* * *

Однажды Лю сказала ему:

— Ты не хозяин жизни. Поэтому я не хочу быть с тобой.

— Но хозяин жизни — Дьявол, — возразил Иванов.
— А я всего лишь человек. И не хочу быть хозяином жизни.

Она презрительно ухмыльнулась.

* * *

Валентина Михайловна, соседка Иванова по даче, выслушав душещипательный рассказ Сидора, сказала:

— А ведь это ты во всем виноват. Соблазнил молоденькую девочку и выбросил ее.

Иванов молчал.

* * *

Как Иванов относился к Сереже? Он удивлялся ему. Его выгнали. Его приютили в другом отделе. И он повел себя так, как повел. Он видел, что тот, кто его спас, мучается, ревнует. Сережа вел себя по-прежнему. Курил с ней, препирался с ним. Ухмылялся, когда Иванов прибегал на первый этаж за ними. Сережа пришел в чужой монастырь со своим уставом. Он нарушил закон джунглей. Что с ним делать? Иванов сначала хотел набить ему морду, потом собрался вызвать его на дуэль, потом поговорить по-человечески. Но ничего этого не сделал. Он перестал ему платить дополнительный гонорар за верстку. Он стал бороться с ним самым мощным оружием — деньгами. Он оставил его нищим. На сто долларов — даже при самой большой любви — нельзя прожить с девушкой. Она все равно уйдет. Даже если будет полная гармония в сексе, даже если будет полная духовная гармония. Сто долларов — это отсутствие девушки. И детей. И будущего. Увеличивать Сереге зарплату Иванов не собирался. Серега и не просил. Он вообще ничего не просил. А выполнял только то, что ему поручали. Никакой инициативы

никогда не проявлял. Он и в этой ситуации оказался полностью пассивным. Никакой его заслуги в том, что Лю оказалась с ним не было. Иванов это знал. Но вместе с тем и знал, что Серега для Лю — хороший вариант. Потому что Лю была мужчиной (но в женском обличье), а Серега оказался бабой (но в мужском обличье). Как два оборотня, они нашли друг друга.

* * *

— Но если она делает мне больно, значит она по-прежнему ко мне равнодушна? — спрашивал Иванов Ленку.

— Может быть, и нет. Не исключено, что она просто получает кайф от жестокости. Все дети жестоки. И притом ей нужны деньги. Работу за такие деньги она больше не найдет нигде.

— Тогда зачем она ведет себя вызывающе? Ведь так я ее точно выгоню.

— Она уверена, что ты будешь любить ее вечно. Она забывает, что «любовь — это птица из райского сада и к ней относиться заботливо надо». Иначе она улетит.

* * *

Он стоял перед дилеммой — либо жить спокойно, нормально работать, найти другую подругу и т. д. Либо мучаться, но постигать новые грани человеческой души, новые грани женской жестокости, подлости, идиотизма взаимоотношений полов?

* * *

Она мыслила инстинктами. И признавала только силу. Когда он орал на нее, она пугалась, угодливо —

как секретарша — набирала ему номер телефона, который он называл, испуганно, а, следовательно, влюблено смотрела на него.

* * *

Она удивляла его, изумляла. Порой он просто ненавидел ее. Но ведь с другими он вообще не мог жить. А здесь страстный союз длился несколько месяцев. Да и сейчас они все-таки были рядом. Все произошло, как в семье. Любовь, страсти. Совместный быт. Разочарование. Ненависть. Равнодушие. Печаль. Совместная жилплощадь. Супругам некуда уйти. Они вынуждены жить под одной крышей. Он содержит ее. Только в данном случае вместо совместной жилплощади была совместная работа. И к тому же она привела на эту площадь другого мужика. В этом заключались ее особые цинизм и жестокость.

* * *

Но он любил ее разной — в том числе и жестокой. Когда она ходила босиком по его спальне, он видел, что и ноги она ставит, как ребенок, и пузико у нее совсем несовершенно, и мордашка абсолютно детская. Она становилась другой на работе — собранная, в строгом черном костюме — роковая. И такая она ему нравилась больше, чем слабенькая, хрупенькая девочка.

* * *

Друзья говорили ему:

— Она не стоит тебя. Она хочет только твоей смерти. Такие союзы иногда кончаются фатально. Просто так она тебя никогда не отпустит. Ты ей нужен даже больше, чем она тебе.

Может быть, ею даже кто-то руководит. Не исключено, что она спала с твоим начальником. С этим легко разобраться.

— Она просто мерзавка, бессовестная девка. Ее уличили в том, что она всех настраивает против тебя, а ей — пофигу.

— Она никогда не изменится. Маленькая собачка до старости щенок.

— То, что она требовала от тебя дом, это чудовищно. Ребенок, дескать, должен жить на природе. Ребенку не нужен дом. Ему нужна кровать и питание. Все. И не надо с жиру беситься.

— Ваш конфликт — это мини-конфликт Моцарта и Сальери. Конечно, она тебе завидует. Поэтому и говорит, что ты неталантливый.

* * *

Чтобы как-то выжить, он стал записывать все свои мысли и эмоции. Так он лечился. Он выговаривался. И она — Лю — точно тяжелейшая болезнь — выходила из него.

* * *

Как появляется жемчуг? Ракушка болеет. Освобождается от болезни. И как результат — драгоценный камень. От небольших ракушек ждать жемчуга не приходится.

* * *

Из Иванова болезнь выходила не жемчугом, скорее — литературным дерьмом. Но он все равно был счастлив. Это, наверное, высшее счастье — когда заканчивается любовная ломка.

* * *

Каждый день он решал один-единственный вопрос: оставлять ее на работе или нет? Ему было очень непросто. Постоянно возникали следующие ситуации. Она — вечно на больничном! — звонила, говорила с кем-нибудь из сотрудников отдела. Потом Иванову передавали:

— Сидор Иваныч, Лю звонила, голосок бодрый.

— Ага, — думал Иванов, — значит, у нее все в порядке. Она не скучает. И т. д.

Это становилось похоже на сумасшествие.

* * *

Каждый раз он репетировал их последний разговор. Он хотел избавиться от нее окончательно.

— Я благодарен тебе за все. Столько эмоций мне не давала ни одна женщина. Но оставь, ради Бога, меня в покое!

* * *

— Нет, лучше по-другому.

— Я благодарен вам за все. Столько эмоций мне не давала ни одна женщина. Однако я говорил вам, что больше ни о чем вас предупреждать не буду. Вы по-прежнему мне вредите. Это вы упросили Серегу остаться на работе, сказав ему, что без него вам будет здесь невмоготу. Вы врзаете в мои дела. Поэтому давайте расставаться. Но сначала отгуляйте отпуск. Я даю вам время найти другую работу. Это последнее, что я могу для вас сделать хорошего.

* * *

— А, может быть, произнести такой монолог?

— Обстановка в коллективе сейчас очень хорошая. Как никогда. Постарайтесь сделать так, чтобы я не почувствовал, что она изменилась. Постарайтесь войти в коллектив. Найти свое место, свою нишу.

* * *

И вдруг он понял: она любит его очень сильно. Она отпустила его. И сказала ему, что не дает ему никакой надежды. Значит, теперь она будет мучить кого-то другого, а не его. Она оставляла его в живых. Он опять восхищался ею. И был ей за все благодарен.

* * *

Иванов говорил сам себе: «Женщина может болтать что угодно о любви и ненависти. Верить ей не надо. Она остается с тем, кто ее содержит».

* * *

Серегу Иванов иногда все-таки хотел уволить. Когда Серега отказался верстать журнал, они вышли в коридор, и у них состоялся такой диалог.

— Чего ты добиваешься? — спросил Иванов.

— Чтобы эксплуатация труда была соразмерна зарплате. Мы договаривались, что я буду делать только сайт и газету. А вы меня заставляете заниматься всем подряд. К тому же, если я на полставки, то должен работать четыре часа, а не шесть, как вы меня принуждаете. И, вообще, вы меня завлекли своими посулами, а сами... Я бы, если к вам не пошел, получал бы вдвое больше. И ничего бы не делал. Мне биржа как уволенному по сокращению штатов платила бы. А я лопухнулся...

Иванов не стал спорить. Сережа получал ровно полную ставку. Иванов освободил его от многих обязан-

ностей, даже от работы над сайтом. Поэтому его обвинения были несправедливы. Но они были. Это Иванова порадовало больше всего. Серега выглядел раздосадованным. Он считал, что Иванов его обидел. Следовательно, он не спал с Лю. Или уже не спал. Иначе — он не чувствовал бы себя обиженным.

— Я не нуждаюсь в твоих услугах, — сказал Иванов.

У Сереги вытянулась челюсть.

— Я не нуждаюсь в твоих услугах. И это решение окончательное, — подтвердил Иванов.

— А я в ваших, — нашелся Серега. — Сразу после праздников я уйду в отпуск. С последующим увольнением.

— Согласен, — сказал Иванов.

Он был очень доволен.

* * *

Иванов понимал: это увольнение спровоцировала Лю.

* * *

Кстати, и Лю вела себя по-советски.

* * *

— Что тебе во мне не нравится? — спросил он ее однажды.

— Я не знаю, — ответила она. — Но если мелочи раздражают, это уже не любовь. А в целом у меня какое-то внутреннее сопротивление против тебя.

Иванов не понимал: как это так — два месяца полной гармонии, а потом какие-то мелочи? Если они есть, их нужно устранять.

* * *

Самым большим удовольствием для Лю было унижать и унижаться. Мужчин она выбирала сама. Она унизила Головкера, показав ему, что как бы он ни был крут, он не сможет затащить ее в постель. Она унижала Игоря, которого уговорила жить вместе с ней и ее мамой. Что может быть более отвратительнее для человека, выросшего в Грузии и у которого в жилах течет азербайджанская кровь, чем жить примаком у тещи?! Она кокетничала с безобразным — внешне! — Серегой, не уважая и не любя его. Она кокетничала со слабым Юркой, который не мог на нее надышаться. Она попыталась растоптать Иванова, который был старше ее на пятнадцать лет. Это поначалу разговоров о возрасте не заходило. Они — сто процентов! — начались бы в будущем. Иванов стал бы старым, ненавистным мужем, которому постоянно наставляют рога молодые и пыльные любовники. Вот что могло бы быть. Но Иванова Лю все-таки любила. Ведь она его отпустила.

* * *

Иванов очень хорошо знал, что такое детская жестокость. Однажды он поссорился с матерью. И — подонки! — живя с ней в одной квартире, год с ней не разговаривал. Мучил ее, свою мать. Лю вела себя так же. Видимо, она считала, что Иванов ее любит по-отечески. Увы, это оказалось не так.

* * *

Роман заканчивался. Иванов понял, что такая жена ему не нужна. И такая сотрудница ему не нужна. А любовниц на работе все-таки лучше не держать. Это очень опасно. Он знал, что так или иначе освободится от нее.

* * *

Иванов любил менять места жительства. Три года он прожил в центре Москвы, потом переехал в Кузьминки, одно время обитал на даче, которую в общем-то терпеть не мог. Свою квартиру в Кузьминках он купил довольно случайно. Он планировал приобрести двушку в центре, уже присмотрел два варианта, вел активный торг с хозяевами, которые не хотели уступать ни рубля. В итоге Иванов уже решил остановить свой выбор на одной квартире в районе «Беговой». Повез отдавать задаток, по дороге купил по традиции «Из рук в руки» и обнаружил еще один вариант — в Кузьминках. Он созвонился с хозяевами, посоветовался с отцом, посмотрел квартиру. И на следующий день ее купил. Искал одно — нашел другое.

* * *

Так часто бывает и в отношениях с женщинами. Ищешь одну — находишь другую.

* * *

Иванов использовал в жизни все шансы. И не терял времени. Он делал то, что считал нужным. И не шел против воли Свыше. Три с половиной месяца он, имея с Лю контакты, не предохранялся. Он хотел детей. Именно от нее. Но Господь не давал. Не дал. Значит, это не было нужно.

* * *

Иванов смотрел в окно своей квартиры. Сучка, истекающая похотливым соком, бежала по улице. За ней трусила свора самых разнообразных дворовых собак. К

ним хотели присоединиться и некоторые породистые кобели, но хозяева (хозяйки) их властно одергивали. Сучке нравилось, что она нравится. А кто победит, тот и победит. Других мыслей у нее в голове не было.

* * *

Лю хотела нравиться всем. И, в общем-то, не скрывала этого. За это она могла заплатить любую цену. Ту, которой было достаточно. Одному ей хватало улыбнуться, другого погладить по руке, со вторым вместе покурить, третьего надо было поселить у себя дома, четвертого — развратно ублажать.

* * *

Она хотела быть боготворима. Ей была необходима абсолютная власть.

* * *

Иванов не исключал, что Головкер спал с нею.

* * *

Она считала, что она самая-самая-самая. Так считают практически все женщины. И в чем-то они правы. Каждая из них самая-самая-самая для какого-то одного мужчины. Но далеко не для всех. В этом женщины, увы, ошибаются. Как ошибаются все люди, которые не прошли в детстве суровой конкурентной борьбы — в спорте, музыке, в пионерском или спортивном лагерях.

* * *

Лю никогда не занималась спортом, не ходила в спортивные секции. А лето проводила исключительно на даче.

* * *

Тот опыт, который Лю приобрела на работе в двадцать один год, Иванов получил в десять лет в футбольной и хоккейной командах.

* * *

Иванов уже в десять лет понял, как все относительно в этом мире.

* * *

Молодость — самый ненадежный капитал.

* * *

У нее были детские, незащитные руки.

* * *

Когда Лю кричала, что не хочет давать Иванову ни малейшего шанса, это была ложь. Это стало очевидно после того, как она осталась на службе. Иванов тоже не списывался со счета, как не списывался со счета никто — ни Игорь, ни Серега, ни Леша из Думы...

* * *

Точно так же ее мама не желала расставаться со старыми вещами. И ничего не выбрасывала из квартиры.

* * *

Плюшкины — в нас самих! — бессмертны.

* * *

Иванов давно не верил словам — верил исключительно фактам.

* * *

Что получила Лю? Трудовую книжку, свободный график, возможность нормально закончить институт, полную свободу на работе — право общаться с тем, с кем считает нужным, весьма приличную — даже для взрослых опытных женщин! — зарплату. Она интуитивно понимала, что не будь у нее особых (не обязательно сексуальных) отношений с руководством, всего этого ей не видать бы как собственных ушей. Это ее и мучило.

* * *

Поэтому, когда Иванов однажды сказал Лю, что вакуума у него нет, что он абсолютно счастлив, у нее от горя вытянулось лицо. Она поняла, что просто так остаться на работе не получится.

* * *

Он не держал на нее зла. Он учился понимать ее. Хохотал над ней, умиляясь ее детским выкрутасам. Она была абсолютно прогнозируема. Это его тоже забавляло.

* * *

При этом он очень хорошо к ней относился. Адекватно. Не идеализировал ее. Но видел ее и сильные, и слабые стороны.

* * *

Он хорошо осознал, что она в большей степени зависима от него, чем он от нее.

* * *

Он понимал: она отказалась от него не потому, что он ее любил слишком, а потому что — недостаточно. У него были: жена (пусть бывшая), дочка, творчество. А ей хотелось абсолютной власти над ним. Любой ценой. Она говорила: «Ты самый лучший. Но не для меня».

Это была ревность. Прежде всего, ревность.

* * *

Иванов встретился с Мусаевым. Разговорились.

— Ты знаешь, я точно знаю, что круг общения на протяжении всей жизни — 10-15 человек, — сказал Иванов. — Они то появляются, то исчезают, но они рядом. Лю всегда была в моей жизни. Я был уже чемпионом Москвы по хоккею, пятнадцатилетним здоровенным подростком, ездил на тренировки через станцию Выхино, а она только родилась и жила недалеко от Выхина, в Краскове. Ты, мой лучший друг, — ее сосед по даче. Моя подруга Диана, устроившая меня на работу в фирму «Головкер и братья», познакомилась со своим будущим мужем у меня дома, на Никитской улице, где я раньше жил. Недалеко от Никитской находится Университет, где учится Лю. В дальнейшем в этом ВУЗе снял офис муж Дианы. В доме Дианы гадалка (которая жила на Никитской) точно сказала мне, что Лю уходит из моей жизни. Все происходит на одном квадратном пятачке, с небольшой горсткой людей.

— А, может быть, ты все-таки преувеличиваешь, демонизируешь ситуацию?

— Может быть. А, может быть, наоборот, преуменьшаю роль мистики. Степень отчуждения, вражды равна степени сближения в прошлом. Мы с Лю очень сильно любили друг друга и так же сильно ненавидели. Эта любовь (а затем ненависть) могли вызывать, не смеяся, тектонические, о, бабочка Бредбери, изменения в мире. Ее ревность и ненависть приводили к тому, что мою бедную маму увозили в больницу, дочка едва не утонула в речке. Все это происходило во время наших самых сильных конфликтов. Не сумев погубить меня, Лю хотела (точнее, те мрачные, потусторонние силы, которые за ней стоят) погубить самых близких мне людей, самых незащищенных. Бог спас. Вывод простой: сильно ни с кем сближаться нельзя. Сблизился — поругался. И получай страшные конфликты, опасные и для себя, и для близких, и для всех остальных.

* * *

Иванов выпивал с друзьями детства во дворе. Разговорились. Его лучший друг Игорек, выслушав его историю, сказал:

— Даже не знаю, что тебе посоветовать? Я никогда подобных чувств не испытывал.

* * *

Другой дворовый друг, Олег, поделился соображением, что женщин нужно держать на расстоянии.

— Необходимо, чтобы они были зависимы. Иначе они распоясываются.

* * *

Игорек добавил:

— Я со своей Маринкой никогда в ЗАГС не пойду. И прописаны мы на моей жилплощади только с сыном. Как только я ее пропишу, у меня против нее не останется никаких козырей. Это смерти подобно. Я же поддаю. Она при случае меня сразу выпишет. У меня с Маринкой ровные отношения. Уважительные. Но ближе я ее не подпускаю.

* * *

Другой мужик — шофер из больницы Витек — сказал:

— Все бабы — ведьмы. И лучше с ними дел вообще не иметь. У нас на работе девяносто пять процентов женщин живут одни. Ни с кем не уживаются.

* * *

Иванов знал: многие женщины, с которыми он имел интимные отношения, потому и относились к нему настороженно и порою даже враждебно, что он им полностью никогда не принадлежал. Он сам мог их заколдовать и делать с ними что захочет. Он под их дудку не плясал. И особенно на них не тратился.

* * *

В конце концов, даже на Лю он потратил минимум своих денег.

* * *

Иванов пришел на встречу выпускников школы. Увидел друзей, которых не видел двадцать лет, классную руководительницу. Она была к нему очень нежна:

— Сидор, а ведь тебя все любили. И у меня ты был любимый ученик. Мы следим за тобой по публикациям в прессе. Читаем твои статьи, стихи. Молодец! Я рада, что ты добился всего, чего хотел.

Соученицы тоже разговаривали с Ивановым тепло.

* * *

Он шел домой и думал: школьные подруги меня любят, дворовые ребята уважают. На работе ценят. Литераторы признают. Только в одном месте меня не ставят ни в грош. Странно. А, может быть, это место неправильное?

* * *

Дома он открыл свой последний сборник стихов. И вдруг с ужасом обнаружил, что его стихи беспомощны и неглубоки. Во всяком случае, по сравнению с теми, которые он посвятил ей. До него дошло: она была необходима ему. Он стал немножечко лучше писать. А смысл его жизни заключался именно в литературе. Он понял, что обязан быть благодарным Лю.

* * *

Через два дня они в очередной раз посорились. Она опять курила с Серегой, опять с ним кокетничала.

Иванов был в ярости. Отчитывал ее за плохую работу над сайтом.

* * *

Вечером она позвонила:

— Почему ты так со мной обращаешься?

— Ты все равно ничего не поймешь. Наши отношения закончены.

— Почему?
— Я не хочу больше попадать в бездну.
— Ты попал только в маленькую ямку. Испугался. И не хочешь из нее выкарабкаться.
— Может быть.
— Но что же все-таки произошло?
— Много вещей.
— Перечисли.
— Я ничего не буду перечислять. Я написал о тебе книгу. Мне все стало ясно. Ты для меня понятна.
Она бросила трубку.

* * *

На следующий день они беседовали по делу в кабинете. Иванов прижался к ней — под столом — невидимо для остальных — ногой — и она не противилась этому.

* * *

Вечером она все-таки ушла с Серегой. Иванов мрачно посмотрел им вслед. Она вернулась, улыбнулась Иванову. Он улыбнулся ей в ответ. Она, как ребенок, просияла.

Иванов понял, что мир может быть восстановлен.

* * *

На следующий день она, как всегда, опоздала.

Иванов сказал:

— В Америке за это следует увольнение.

— Я готова написать заявление хоть сейчас, — тут же ответила она.

Он опять напрягся. Он понял ее мысли. Она тоже хотела примирения. Но этот процесс пошел не по ее сценарию. А чужой сценарий ее — гордячку! — устроить не мог. И она опять пошла на конфронтацию.

* * *

Они вышли в коридор в очередной раз поговорить. Она опять решительно заявила о том, что хочет уволиться. Он опять уговаривал ее остаться. Она отпросилась и пошла домой. Он поплелся ее проводить. В метро он сказал:

— Я хочу тебя обнять. Просто по-дружески.

Обнял ее. Она закричала:

— Ненавижу.

* * *

На следующий день она не извинилась.

* * *

Они опять выясняли отношения.

— Ты вчера сказала, что меня ненавидишь. Так мне никто никогда не говорил.

— Я тебя не ненавижу. Просто вырвалось. Ты сам виноват. Вел себя, как дурак.

— Мне сейчас — вообще — очень плохо.

— Мне тоже. Я практически не сплю. Нервничаю. Но это не из-за тебя.

— У тебя кто-то есть?

— Тебе от этого будет легче?

— Нет. И все-таки.

— У меня никого нет. Но я поняла: я люблю только Игоря.

— Так возвращайся к нему.

— Я пытаюсь его вернуть. Но он сам не хочет. У меня теперь к нему такое же отношение, как у тебя ко мне. Я хочу, а он нет. И, наверное, это глупо, что мы остались с Игорем друзьями. Это надо было рвать. Иначе очень больно. В данном случае мне.

— А я все равно к тебе отношусь с любовью. Я считаю, что мы ближайшие родственники. Тем более, что два месяца у нас вообще все шло прекрасно.

— Да, энергетика была.

— Любовь — это тайна. В ней участвуют не только мужчина и женщина, но и какая-то высшая сила.

— Да, это мистика.

— По-моему, любовь как приходит непостижимым способом, так и уходит. И наоборот.

— Да, согласна.

— Знаешь, ты все-таки не уходи с работы. Оставайся. А жизнь сама все рассудит.

— Но ведь мне будут звонить другие мужики, будут приезжать за мной на машине.

— Пускай.

* * *

Через неделю она начала распускать сплетни, что Иванов ее преследует, домогается. Сидор, узнав об этом, решил с ней встретиться, объяснить.

* * *

И вот они в кафе. Возле станции метро «Бауманская». Иванов специально предложил там встретиться, потому что затем он должен был идти — это неподалеку — на литературный вечер поэта Очередного. Уселись на открытой террасе. Она отказалась от пива. Нервно закурила. Иванов заказал себе кружку «Балтики».

— Ну, в чем дело? — грубовато спросила она.

— Подожди, не гони лошадей.

Потом Иванов начал свой монолог. Лю услышала слова о том, что она долгое время стремилась причинять ему боль, а теперь перешла в категорию людей, которые стремятся причинить ему, Иванову, вред.

— Все твои приемы, все особенности твоего характера, все твои уловки я знаю очень хорошо. Я вообще знаю тебя лучше всех.

— Да, это правда.

— Пойми: устраиваемые тобой — для меня — при помощи Сереги — садистские шоу говорят о том, что именно у тебя еще не прошла душевная травма. Но это твой вопрос. Ты можешь делать все, что хочешь. Поверь: сейчас я абсолютно счастлив.

Она грустно и нервно наморщила лоб.

Иванов продолжил:

— Да, удар ты мне нанесла сильный. Таких ударов я ранее не получал. Я оказался в нокдауне. Однако нокдаун — это еще не нокаут. Я выстоял. И теперь чувствую себя неплохо.

Она совсем поникла.

(И тут, точно рояль из кустов, в кафе появилась новая знакомая Иванова, Лиза. Они планировали встретиться на литературном вечере, но не договаривались, что встретятся в кафе.) Радостный Иванов кинулся к Лизе. Поцеловал. Предложил посидеть с ними. Она отказалась.

— Я жду тебя на вечере, — сказала она. И упорхнула.

* * *

Иванов перешел к главному:

— Я коленопреклоненно просил тебя остаться. Теперь я коленопреклоненно прошу тебя не познавать все стороны моей души, не вредить мне. Не надо распространять про меня ложь! Зачем тебе это? Ты зашла, как сталкер, в запретную зону. Зашла очень далеко. Но дальше идти не стоит. Вспомни, за что исключили человека из рая. За познание. Давай мы это познание ограничим. Давай сосуществовать дружно! О всех твоих

нехороших делах я все равно узнаю. Вот, собственно, и все, что я хотел тебе сообщить.

Она сидела и молчала.

— Хочешь что-нибудь сказать?

— Нет. Спасибо. Спасибо за информацию. Спасибо за предупреждение.

Ни тени раскаяния на ее лице он не увидел. Но увидел иное лицо — тонкие, поджатые губы, ротовую горькую складку, каменный взгляд.

Напоследок он подарил ей новую кассету О'Шеннона. Она выдохнула свое традиционное «Вау». И они пошли в разные стороны.

* * *

У нее начался отпуск.

* * *

Она стала ему не нужна. Когда она выходила на работу, производительность труда в отделе снижалась, частота и протяженность перекуров увеличивались, моральный климат в коллективе катастрофически портился.

* * *

Любил — как мечту и музу! — он уже другую — ту, которой восхищался и которая ему помогала.

* * *

Он знал, что даже если Лю согласится быть с ним, он уже вряд ли сам этого захочет. Но почему-то он ее не увольнял, а она все — дурашка! — продолжала строить ему козни. Не подозревая, что никакой власти над ним у нее больше нет.

ЭПИЛОГ

...Прошел год. Иванов уволился из компании «Головкер и братья», сконцентрировал все свои силы на собственном рекламном агентстве. Набрал молодых сотрудников, нашел новые заказы, кстати, получил заказ и от Головкера — на роскошный подарочный буклет о его фирме. Производительность труда в рекламном агентстве Иванова оказалась в разы больше, чем в отделе рекламы фирмы «Головкер и братья». Конфликтов не возникало. Все были заняты своим делом.

Вскоре Иванов купил большую трехкомнатную квартиру возле метро Аэропорт и переехал туда. Практически сразу после этого Лю позвонила Иванову и сказала:

— Я уволилась от Головкера. Давай встретимся. Мне кажется, я многое поняла...

2001 — 2012

РАССКАЗЫ

СПАСЕНИЕ

На исторический факультет в областной педагогический институт я поступил сразу после школы. Это было в 1981 году.

Учился хорошо и непринужденно, без «удочек». Легкие, как ласточки, студенческие годы пролетели быстро.

В 1986 году меня распределили в сельскую школу в Кубиковскую черноземную область.

В отличие от многих своих сверстников, я за областной центр не держался — у меня складывались сложные отношения с моей девушкой-однокурсницей, мы изводили друг друга взаимной и не знающей пощады русской ревностью, спортивную боксерскую карьеру я к тому времени завершил и готов был уехать куда угодно. Да и в армии служить не шибко хотелось. А на сельских учителей распространялась бронь.

...Я приехал в район в августе, накануне учебного года. Прошелся по селу. Увидел огромные колхозные поля, свежие не вырубленные просеки. Село состояло из двух больших улиц, вдоль которых виднелись низенькие одноэтажные бревенчатые избы с мезонинами. Магазин был один. Туда привозили белый хлеб (который местные жители ласково называли булочкой), черный ржаной хлеб, водку, жигулевское пиво и мыло. Еще иногда на прилавки выбрасывали консервы. За всем остальным приходилось ездить в райцентр.

Я шел через поле к старой двухэтажной деревянной школе, комья жирной, питательной черноземной земли прилипали к моим нелепым городским туфлям.

Поле перерастало в лес. Я зашел и в лес — красивый, сосновый, правда, немного загаженный. Повсюду валялись пустые бутылки из-под водки и жигулевского пива...

Директор школы — сорокавосемилетний стареющий бородатый математик Сергей Иванович Хорин — встретил меня очень радушно, я оказался вторым (кроме него) мужчиной в школе; он предоставил мне в пользование пустующую избу, газа и телефона в ней не было. Удобства — во дворе. Но посередине небольшой комнаты стояла внушительная русская печь с лежанкой.

Я стал обустриваться.

Дрова мне приходилось колоть самому, но я не расстраивался. Это была хорошая физкультура. Березовые чурбаки горели долго и хорошо, хотя и оставляли опасную копоть в дымоходе. Печка нагревалась нескоро, но держала тепло до утра.

Когда печка протапливалась, я прислонялся к ней спиной и блаженствовал.

Во время топки иногда открывал задвижку и смотрел на огонь. Дрова умирали в печке быстро, как мои молодые дни и ночи здесь, в деревне.

В школе, помимо того что я стал вести историю в старших классах, за мной закрепили пятый класс как за воспитателем группы продленного дня. Мне положили очень приличную зарплату — сто сорок рублей. Это со всеми прибавками.

Кроме того, директор школы Сергей Иванович раз в квартал привозил мне бесплатно мешок пшеники и мешок картошки.

До ближайшего райцентра было недалеко — километров пятнадцать. Я туда ездил на выходные — за-

нимался в районной библиотеке, смотрел подшивки газет, покупал крупы, сухари, сухофрукты, грецкие орехи, хурму... В нашем райцентре делали замечательные куры-гриль, и, отстояв в очереди часа два, можно было запастись местным деликатесом.

На центральной площади в райцентре функционировали горком партии и горком комсомола. Напротив стоял величественный храм, куда в основном ходили старушки.

В райцентре я набирал домой побольше книг и уезжал. Больше развлечений у меня практически не было. Но и не читал я никогда так много, как в те годы.

С детьми я ладил, относились они ко мне неплохо.

Я оставался с ними на продленке, мы делали вместе уроки, я кормил их в столовой, собирал взносы за питание. Сделав уроки, мы играли в футбол или писали сказки.

Дети у меня были не самые развитые, многие из них состояли на учете в психоневрологическом диспансере как умственно-отсталые. Они были запущенные. Многие жили без отцов. Это были очень интересные дети, совсем непонятные мне. Как, наверное, и я был непонятен им. В общем, можно сказать, что они наблюдали за мной, а я наблюдал за ними.

Особенно шалопаистых было несколько — Володька Сухотин, Сережа Чижиков, Пашка Тиханов... Но обижаться на них я не мог. По ряду причин.

Как-то я вел урок истории в пятом классе, а маленький, низенький Володька Сухотин все время елозил на парте, болтал с соседкой. Я ему пригрозил:

— Володька, прекрати. А то родителей вызову.

Он спокойно ответил:

— А у меня их нет.

Он не солгал. Он жил с бабаней (так он говорил); она получала пенсию и тянула на своей шее единственного внука.

Сереежа Чижиков вдруг ни с того ни с сего во время того же урока снял штаны и залез на парту. Класс зашелся смехом.

Я опешил:

— Ты что, у/о? Ну-ка живо сядь на место — иначе я тебя в дурдом определю.

Сереежа спокойно ответил:

— Я там уже был.

...Иногда к нам в школу заезжал врач местного психоневрологического диспансера Юрий Иванович Селезнев. Он проводил с нами, педагогами, занятия, как воспитывать ребят, как не травмировать их психику, приучать к труду и занятиям.

У меня не очень получалось.

Во второй четверти к нам прислали двух молоденьких учительниц — литературы и французского языка. Мне стало повеселее. Хотя за кем-то можно было приударить.

...Больше всех на продленке я занимался с Пашкой Тихановым. Жалел его. Он был какой-то вечно голодный, тощий, неприкаянный. Я учил его правильно говорить. Занимался с ним историей, математикой. Я жалел его и не хотел, чтобы его опять отправили в интернат для умственно отсталых.

Бабушка Пашки меня любила. Как-то принесла утром молока.

— Евгений Викторович, попей, парное. Только что надоила. Такого в городе небось не пил.

Я долго отказывался. Но бабулька уговорила.

...Прошло два года. За это время директор района несколько раз предлагал мне стать директором школы в другом селе, но я отказывался. Я не чувствовал в себе административной жилки.

Жизнь текла спокойным и размеренным образом.

Я вступил в связь с учительницей русского языка Еленой Васильевной. Она приезжала к нам в деревню

каждый день на рейсовом автобусе из райцентра. А на выходные я приезжал к ней в райцентр. Свои отношения мы тщательно скрывали, но, разумеется, все все знали.

Лена заводилась:

— Про нас даже пятиклашки шушукаются, обидно. Когда же мы поженимся?

Я отшучивался. Тянул время. Мне было с ней все-таки скучновато, я не мог поверить: неужели это то, о чем я мечтал?

Однажды я засиделся с учениками на продленке и пошел домой после вечерних занятий часов в десять вечера. Вдруг почувствовал острую боль в голове. Успел обернуться: сзади было несколько парней в масках. Меня повалили и стали бить ногами.

Когда пришел в себя, то обнаружил, что я весь в крови.

Когда меня утром увидели коллеги, они сразу же вызвали милиционера. Он приехал на следующий день на мотоцикле. Расспрашивал меня об инциденте. Потом отвез меня по доброте душевной в районную больницу. В больнице мне искололи задницу шприцем и через неделю отпустили.

Когда я лечился, Лена приходила каждый день, приносила мне сухофрукты, яблоки, лимоны, бананы (где-то доставала) и опять талдычила про женитьбу.

Вернувшись в школу, я продолжил работу. Вел историю, «Этику и психологию семейной жизни», возился с детьми на продленке.

Поздно вечером занимался с Пашкой Тихановым, который уже перешел в седьмой класс, историей. Гонял его по средним векам.

Он отвечал неохотно, бубнил что-то себе под нос.

А потом неожиданно сказал:

— Я знаю, кто вас тогда избил.

— Кто? — изумился я.

— Это мы с ребятами — с Володькой Сухотой и Сережкой Чижом...

— Зачем?! — изумился я.

— А мы не знали, как поступить. Ведь вас возле дома ждал Еленин жених. Он наш, местный, и раньше е...ал Елену. Он хотел вас убить. А мы не знали, как вас остановить, как отвадить вас от Елены, вот и скумекали... Мы думали, что принесем вам спасение... Хотели вас спасти. Но он скоро опять приедет. Так что будьте осторожны!

— Во-первых, не произноси матерных слов. Во-вторых, не надо сдавать товарищей. А в-третьих, иди домой, — сказал я. — Завтра разберемся.

Я шел домой и не знал, что делать.

Дело разрешилось само собой. В субботу в своей квартире в райцентре Лена холодно приняла меня и сказала:

— Ты знаешь, я выхожу замуж. Володька Синицын, мой земляк, сделал мне предложение и увозит меня в Тюмень, он там работает на нефтеразработке. А ты ко мне больше не приходи.

Мы расстались. А в школе я проработал еще три года. Когда мне исполнилось двадцать семь лет, я решил вернуться в областной центр, где меня ждали родители. В армию меня уже взять не могли. А в школе перспектив никаких больше не было.

В ЛУЧШИХ ДОМАХ ФИЛАДЕЛЬФИИ

Только сейчас, спустя годы, начинаю понимать, как нахален, неосмотрителен, порой просто безрассуден я был в молодые годы.

...Позвонил мне как-то в начале девяностых мой приятель Игорек Тараскин, видный советский фотограф, и сказал:

— Старик, мы с тобой отстали от жизни; пока мы делали интервью и фоторепортажи, все умные люди уже сделали «бабки», либо отвалили за кордон. Пора и нам. Не навсегда, кстати. Нарубим «капусты» и вернемся.

Я начал задавать занудные вопросы, типа: а что мы будем там делать?

Игорек отвечал, что работы навалом. Больше того: нас, дескать, там уже ждут. Будем диспетчерами в таксомоторном парке. Или кем-нибудь еще.

И в скором времени нам в самом деле прислали из США приглашения.

Получили мы визы. И — не поверите! — даже не созволившись с принимающей стороной, вылетели в Америку.

— Там, на месте, договоримся! — решил отчаянный, истинно русский человек Игорек.

Я же (все-таки есть во мне неславянская практичность!) на всякий случай подстраховался и позвонил своему давнему товарищу по длительной переписке, эмигрантскому поэту Мише Трутневу.

И — оказался прав.

Только Миша нас в аэропорту и встретил. Друзья Игорька про нас забыли решительно и бесповоротно.

Переночевали мы у Миши, в Филадельфии. Его друзья предложили Игорю остаться, но Тараскин рвался в Нью-Йорк, на заработки. И укатил. А я остался в Филадельфии у Миши.

...Он жил с мамой, милой еврейской старушкой лет семидесяти пяти. Мама получала восьмую программу (это и денежное пособие, и бесплатное медицинское обслуживание, и так далее). Миша получал, как и мама, велфер, то есть пособие по безработице. Не работали они за двадцать лет эмигрантского бытия ни часа.

Первый день в Америке прошел для меня спокойно.

Я гулял по городу вместе с Мишей. Удивлялся незатейливому пейзажу русско-еврейского райончика города. Скучные, однообразные двухэтажные домики, спокойные улицы, никаких небоскребов, никакой манящей неоновой рекламы. Экзотики — ноль. Но зато спокойно, сытно, уютно. Рядом с Мишиным домом находился бассейн под открытым небом. Бесплатный. Бедные люди там в уикенды купались. Богатые купались в своих собственных бассейнах.

Говорили мы с Мишей на одну тему. О нем. О его гениальном, неповторимом, великом, эпохальном и т. д. творчестве.

— Если честно, старик, знаешь, в чем твое основное предназначение? — как-то раз спросил меня Миша. И тут же сам ответил на свой вопрос: — Ты должен добиться того, чтобы мне дали Нобелевскую премию. Понимаешь, я великий, а премию дают всяким проходимцам типа Бродского.

Я слушал Мишу молча. Его это не устраивало. Он заводился.

— Ну что, ты считаешь, что Бродский заслуживает Нобеля?

— Уверен,— отбивался я,— что не побывай Бродский в ссылке и в эмиграции, не будь он, в конце концов, действительно очень талантливым человеком — премии бы ему не видать. Тут все совпало.

— А у меня что, не совпало? — кипятился Миша.— Двадцать лет страданий на чужбине, стихи *величайшего* (Миша выговорил почти по слогам!) накала — все с подлинной любовью к Родине. А сколько книг я собрал для России! Составил картотеку. Преподнесу в двухтысячном году в дар нашей с тобой Родине.

Я одобрительно улыбался и старался отмолчаться.

Каждое утро Миша стабильно будил меня в семь утра, и мы уходили заниматься, как он говорил, бизнесом. Мы искали деньги. В прямом смысле этого слова.

— Смотри, Женька, я квотер нашел! — кричал счастливый Миша, увидев двадцатипятицентовую монетку.

— А вот гривенник, тоже пригодится! — вторил Трутневу я, найдя десять центов.

Иногда нам крупно везло — кто-нибудь из нас находил токин. Это жетон для метро стоимостью доллар двадцать пять центов.

Монеты лежали повсюду, особенно денежные места находились в районе стадиона, рядом с бассейном и на бейсбольном поле.

Любил Миша мне делать подарки: он брал меня, например, в еврейский клуб, там продавались кроссовки по доллару, костюмы по два бакса, другие полезные вещи за мизерные деньги. Миша платил!

Иногда мы, грешным делом, ходили и на помойки. Миша очень любил там находить различные ценные вещи. То статуечку какую-то отыщет, то новый телевизор. Помойки в Филадельфии — это особый разговор. Люди выбрасывают все что ни попадя. Если бы все это

можно было бы вывезти в Россию, Америка стала бы самым чистым государством в мире. Увы, перевозка дорогая.

Так мы и жили: разговаривали о Мишиной гениальности, искали деньги, ходили на помойки, смотрели телевизор, читали книги.

Иногда к нам наведывались гости. И мы опять говорили о Мишиной гениальности, щедрости, доброте. Другие (не хвалящие поэта) люди в дом не приходили. Тут Мише надо отдать должное — он был, точно Сталин, последователен.

Однажды к нам в гости заявился видный меценат Игорь Палкин, главный редактор литературного художественного журнала на русском языке «Эпопея». Журнал выходил тиражом двадцать экземпляров и пользовался известностью в узких кругах творческой русскоязычной интеллигенции.

Как-то уж так получилось, что Игорь прямо с порога начал кричать:

— Женя, какие у вас красивые глаза, какие у вас красивые глаза! Поехали, я вам покажу центр города.

Я был молод и глуп. Я поехал. Мы ходили по центру города, он действительно оказался красивым. Большие стеклянные небоскребы, уютные старинные особнячки, оживленные веселые улицы. Я начинал понимать, что Филадельфия — это не только наш русско-еврейский район. Мы ели мороженое, фисташки, посидели в кафе, где сожрали по аппетитному гамбургеру, посетили порно-шоп. Все шло прекрасно.

Стали возвращаться. По дороге заехали к Игорю в гости. На полчаса, как он выразился. Начали выпивать.

Тут я должен сделать нравоучительные ремарки: дамы и господа, если вам наливают водку с апельсиновым соком — значит, вас хотят соблазнить.

Тогда я этого еще не знал.

Я выпил много. Чуть не потерял сознание. Прилег. Игорь попытался меня поцеловать. Я его оттолкнул. Он начал приставать опять.

Я понял, как тяжело быть женщиной.

В итоге он ушел к себе, а я так и не сомкнул глаз — боялся новых поползновений на свою мужскую девственность, которую мне сохранить все-таки геройски удалось.

От Игоря я сбежал. Но и к Мише возвращаться не хотелось. После этого я жил еще у огромного количества людей в Филадельфии. А потом и вовсе уехал в Нью-Йорк, где у меня началась совсем другая жизнь.

Спустя несколько лет я вновь приехал в Филадельфию, уже по журналистским делам. Практически никому из прежних знакомых я не звонил, никого не видел. Кроме... Игоря. Мы — совершенно случайно так получилось! — встречали Новый год в одной компании, компании новых моих (и, как выяснилось, его) друзей. Игорь потерял работу, постарел. Но бодрости духа не утратил, держался молодцом. Даже подарил мне хорошую кожаную куртку.

Кстати говоря, Игорь каким-то своим сверхъестественным, непостижимым шестым чувством заранее узнал, что я приеду. И на стенах дома, где мы отмечали Новый год, за несколько часов до моего приезда написал немало милых, а также шутейных слов обо мне. Например, таких: «Ура, к нам едет резидент из бывшего Советского Союза».

Было весело.

Сейчас я живу и вовсе в Москве, даже не в Нью-Йорке.

Ностальгии по Филадельфии нет.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Когда-то давно, в 1991 году, я, по стечению репортерских обстоятельств, был стажером французского журнала для подростков «Фосфор». Денег мне за это не платили, но обеспечивали жильем, которое находилось под Парижем, в маленьком городке Мант ля жоли. Это примерно полчаса езды на электричке. Поскольку мой начальник — заместитель главного редактора журнала Жан-Жак — вскорости стал моим близким товарищем, условия стажировки были весьма свободные: ходил я в контору не слишком часто, в основном занимался своими делами, а именно писал книжку о русских в Париже.

А по вечерам возвращался в родимый Мант ля жоли.

Денег, повторю, не было совершенно. И посему ездил я всегда, каюсь, каюсь, без билета. И в метро (перепрыгивая турникеты, как большинство парижской молодежи), и в пригородных электричках.

В двухэтажных пригородных французских электричках были в прошлом веке замечательно просторные тамбуры, а в них что-то вроде железных шкафов-подсобок. Вот в этих вместительных железных ящиках я и провел многие часы своей кочевой жизни.

Однажды я чуть не опоздал на последний поезд — прибежал на вокзал Сан-Лазар где-то около часа ночи.

На перроне находилось уже не так много народа. Какой-то здоровенный негр целовался с молоденькой белой девушкой, несколько тинейджеров с цветными рюкзачками за плечами бежали на свой поезд. У первого встреченного парня я спросил, где поезд на Мант. Парень показал рукой.

И я, проворный, точно истинный парижанин, запрыгнул в электричку. И — в свой шкаф.

Поехали. Все пассажиры — их оказалось немного (электричка-то последняя!) — уселись на втором этаже. Я — в шкафу. Сидел и думал о превратностях своей судьбы и о том, как тяжело в этом мире приходится любителям приключений.

Вдруг в тамбур вошла эта парочка — здоровенный негр и белокурая девчонка.

Опять начали целоваться. Потом — я глазам своим не поверил! — темпераментный негр расстегнул (это ж надо!) ширинку. Я зажмурил глаза. Заерзал. И башкой ударился о свой железный шкаф. Ребята на минутку замерли. Осмотрелись по сторонам. Негр на всякий случай ширинку застегнул. Потом — успокоившись — они опять начали целоваться.

Слава Богу, на следующей остановке вошли другие люди. Влюбленная парочка удалилась на второй этаж. Я было облегченно вздохнул. Но — преждевременно. Дело в том, что вошедшие новые пассажиры оказались ментами, то есть самыми обыкновенными гадкими полицейскими. Я опять — само напряжение, струна натянутая, как нерв. А менты начали болтать о чем-то своем, ментовском. С ними — баба, тоже, мать ее, полицейская. Вот баба-то и залезла зачем-то в «мой» шкаф. А там я — во всей своей коммунистической красе. Потребовали документы. Я предъявил потрепанную красную паспортину. Ничего, не высадили. Это, как мне они объяснили, «не их бизнес — ловить безбилет-

ников». А виза у меня была — чики-чики, в порядке, в розыске я тоже не состоял.

Мы посмеялись. Менты попались добродушные, даже пожелали мне удачи, назвали камарадом. Спасибо.

Менты вышли. Я опять — в шкаф. Не дай Бог — контролеры нагрянут. Эти либо высадят, либо в полицию отведут. Я сидел в шкафу и не высовывался.

Как на грех, опять нагрянули негр с белой девушкой. «Процесс» продолжился. И благополучно закончился. По всей программе. Прямо у меня на глазах.

Поймите меня правильно, я тоже человек. Я возбудился. Я начал излишне ерзать в своем шкафу. Короче говоря, вы все понимаете, шкаф открылся.

Я сказал, как истинный интеллигент: «Добрый вечер!»

Девушка упала в обморок. А негр, поражая мое и без того измученное воображение, почему-то заорал благим матом:

— Арабы поезд заминировали!

Это он, падла, меня за араба-террориста пренебрежительно принял.

Потом негр успокоился. Мы вместе начали откачивать затраханную им и тяжелой парижской действительностью девушку.

Откачали.

А спустя месяц мне предложили контракт в другом парижском издании, и я стал зарабатывать приличные деньги. И больше никогда «зайцем» не ездил.

1991 — 2011

НЕВЕСТА ИЗ ПИТЕРА

С Аришкой, загадочной красавицей из Питера, мы познакомились на сайте dating.ru. Она сама мне написала.

...В первый же день, как только девушка приехала ко мне в гости из северной столицы, она вычистила до ослепительной белизны мою не самую, прямо скажем, чистую ванну, перемыла все чашки и ложки. При этом она постоянно приговаривала таинственные фразы:

— Маленький хочет купаться в беленькой ванночке, маленький хочет пить из чистеньких чашечек. Жоня (это она меня почему-то стала так называть) должен радовать маленького. Не сорить, не мусорить.

Я не возражал.

Приехала девушка на выходные, а осталась надолго.

По ночам Аришка тоже удивляла меня своей милой оригинальностью. Почему-то как только я засыпал, она толкала меня в бок своим изящным, спору нет, коленом и властно требовала:

— Жоня должен почесать маленькому спинку, а также сделать массажик.

Этому я сопротивлялся, спинку чесать не хотел, массаж делать (тогда!) не умел. Аришку это не устраивало. Она хмурила брови:

— Подлый Жоня устраивает бунтик на кораблике. Маленький бросит Жоню.

В итоге я, трусливый и запуганный подкаблучник, чесал спинку и делал массажик.

Иногда по ночам Аришка учила меня и вовсе каким-то немислимым вещам, которым я никак не мог обучиться.

— Милый, милый Жоня, — говорила Аришка, — зажмурь глазоньки, сейчас твой маленький черепашонок, ленивый такой черепашонок, научит тебя делать хрю-хрю.

— Какие такие хрю-хрю? — испуганно спрашивал Жоня, то есть я.

— Жоня глупый. Не понимает, — отчитывала меня Аришка, — хрю-хрю — значит хрюкать.

И Аришка демонстрировала, что значит делать хрю-хрю. Получалось по-своему очаровательно.

Рано утром я уходил на работу, рассказывал о нашей семейной жизни секретарше Полине. Она смеялась. Я тоже. Мне было хорошо. И радостно. Потому что первые за три последних года я жил не один и не был один.

Когда я возвращался домой с работы, Арина кормила меня сытным ужином, потом мы уходили в театр или на концерт, либо оставались дома. Жили мы тогда на Тверской-Ямской улице, в квартире гостиничного типа, среди других неординарных и вовсе небогатых — как правило, сильно пьющих! — личностей. Квартира хоть и в центре, но крошечная — всего 19 квадратных метров. Богатые в таких не живут.

Как-то раз к нам стали стучаться. Аришка спросила наигранным детским голосочком:

— А кте тям?

— Милиция!

— Мамоськи и папоськи дема нет, а откливать они мне не лязлесяют.

Менты отвалили.

Аришкин лексикон меня изумлял, как и весь ее образ жизни. Аришка слова творила. Я уважал ее, как Хлебникова.

Ну чего стоит, например, «ушляндия»! Или такие словосочетания, как «свободные уши» (то есть человек, который охотно слушает собеседника), «зацепились языками» (разговорились)! А фраза «куй железный пока горячий» поражала меня как филолога своей глубинной полисемантической.

Возможно, конечно, что все эти перлы придумала не сама Аришка. Но, во всяком случае, аккумулировала она в себе нестандартные, яркие вербальные образы несравненно.

При этом надо заметить, что никакого образования она не получила, на работу никогда регулярно не ходила, занималась (кроме того, что сдавала квартиру, доставшуюся ей по наследству от бабушки военного) мелкой спекуляцией...

Красота Аришки меня пугала. Длинноногая, кареглазая, молодая (ей тогда было двадцать восемь лет). Светлые волосы до плеч.

Я боялся, что она от меня уйдет, и я лишусь не только приятной спутницы жизни, но и милой носительницы русского новояза, за которой я иногда записывал всевозможные слова и выражения. Корыстный меркантильный интерес (интерес литератора) подогревал мои любовные чувства. Я не считал и не считаю, что это плохо. Мне представляется, что в основе любой поэзии (если широко!) лежит проза. А прагматичные союзы наиболее прочны.

Потом неутомонной Аришке жить в Москве надоело. Она где-то купила приглашения в Штаты. И мы оказались в Нью-Йорке. Я стал, как проклятый, писать статейки в эмигрантское «Новое русское слово», платили мне тогда, в середине девяностых, 30-50 долларов

за статью. Аришка работала уборщицей, мыла полы в богатых домах. Мы начали вживаться в американскую жизнь, связи с Россией особенно не поддерживали.

Но однажды нам из «Раши» позвонили.

— Аришка, Женька, приветики, это Светик, — защебетала наша общая питерская знакомая, работавшая в городе на Неве парикмахершей. — Я получила приглашение в Штаты. И, как ни странно, мне визу дали. Я уже и билет приобрела. Встречайте! Я у вас поживу... Прилетаю в четверг, в аэропорт Кеннеди, в 12.00 по нью-йоркскому времени, рейс 1518.

Мы напряглись. Что значит — поживу? Почему именно у нас? Как долго? Но Светка уже положила трубку.

Встретили мы в аэропорту Светку, пухленькую, сияющую молодку. Привезли в нашу однобедренную квартирку. Выдали подруге надувной матрац, стали думать — куда бы ее пристроить? Но прав у Светки на работу, конечно, не было, ничего толком делать она не умела. А парикмахеров в проклятом Нью-Йорке — как собак нерезаных.

Стали мы ей кавалеров искать. Я сначала всех своих знакомцев, писателей-евреев, в гости пригласил. По очереди, разумеется. Двух-трех невзрачненьких ребят Светка с Аришкой сразу отвергли. А вот один из последующих произвел весьма яркое впечатление.

— Джозеф, — представился жених, — я еврей, ортодоксальный, на счету у меня триста тысяч долларов США. Годовой доход — сто пятьдесят тысяч долларов США. Работаю программмером в крупной компании, в свободное время сочиняю стихи. Я имею кооперативную квартиру из трех комнат в Квинсе стоимостью семьдесят тысяч долларов США и дом из шести комнат на южном побережье стоимостью четыреста тысяч долларов США. В Союзе меня звали Иосиф. Здесь я

все изменил. Даже имя. «Рашу» вспоминаю с ужасом. В Америке я уже двадцать пять лет. Справка о том, что не болею венерическими болезнями и СПИДом, у меня с собой. Теперь вы, кажется, знаете обо мне все. А вы кто? Расскажите о себе!

При этом он посмотрел почему-то на Аришку.

Аришка смутилась. И сказала, что она моя герл-френд, а невеста у нас — Светка.

Пока Светка что-то мычала невразумительное о себе, мы с Аришкой старательно подливали им чаек в чашечки и подкладывали в блюдца русские дорожные шоколадные конфеты, заблаговременно купленные на Брайтоне.

На следующий день Джозеф и Светка сходили в ресторан. А еще через день она к нему переехала.

Мы вздохнули.

Однако ровно через недельку Джозеф привез Светку с вещами назад. И прорычал:

— Юджин, вы меня обманули. Вы сказали, что ваша знакомая — порядочная девушка, но она же выпивает, да-да, выпивает, и здорово! Короче, она жрет, как лошадь...

Светка рыдала:

— Я что, вещь, я вещь? Чтобы меня так перевозить с места на место!

Гадкий Джозеф оставался неумолим.

Мы опять стали жить втроем.

Вскорости я догадался, как избавиться от Светки. Я деликатно подсунил девушке мое любимое «Новое русское слово», где всегда в изобилии печатались брачные объявления.

Мы позвонили по некоторым указанным телефонам.

К нам опять стали ходить женихи. Один даже было согласился взять Светку к себе. Но вскоре опять нарисовался Джозеф и... сделал (о, таинственная еврейская

душа!) Светке официальное предложение. Ее руки он попросил у... меня.

Светка и Джозеф уехали через полгода в штат Висконсин. Джозеф получил там более высокооплачиваемое место. А через два года он умер. Все его деньги и недвижимость, разумеется, перешли к Светке. И она сделала нам с Аришкой хороший подарок — две тысячи долларов. Мы долго думали, как их потратить и придумали. Мы купили билеты домой. Домой, в Россию.

1996 — 2011

СЕРГЕЙ И ВАДИМ

В детстве Сергей и Вадим, дети рабочих завода имени Ильича, жили на одной улице, в подмосковных Люберцах. Ходили в один класс, играли в расшибец, вместе гоняли в хоккей на замерзшем пруду, ездили в один пионерский лагерь, дрались с пацанами из соседнего двора. Были не разлей-вода.

А потом их пути-дороги разошлись. Сергей связался с блатной компанией, участвовал в драках район на район, с кольями, финками, потом, в разгар Перестройки, стал заниматься рэкетом, потом и вовсе сел. За разбой.

А Вадим учился, окончил университет, защитил диссертацию, женился, жил бедно, но честно, преподавал в институте основы рекламы и маркетинга, воспитывал двоих детей, девочек-близняшек. С квартирой, правда, была напряженка, но они как-то уживались с тещей, да и жили теперь в Москве, в Кузьминках, в маленькой трехкомнатной тещиной хрущобе.

...Прошло десять лет.

Экстравагантные девяностые были в самом разгаре. Серега имел за плечами семилетнюю ходку, работал грузчиком на чаеразвесочной фабрике, а Вадим по-прежнему преподавал в институте и заочно учился в докторантуре.

Встретились друзья после стольких лет разлуки совершенно случайно, в пивной в Выхино (это место

испокон века объединяло людей разных социальных групп и возрастов). Выпили по две кружочки, закусили чахлыми креветочками, потом пошли в знакомый с детства до слез Кусковский парк прошвырнуться.

Сначала, как водится, пораспрашивали дотошно друг про друга, про ребят и девчонок из двора. А потом Серегу как будто прорвало.

— Мы все-таки, Вадя, живем в стране непуганых идиотов. И воров. Здесь, представляешь, все воры, все жулики, все хотят тебя на...бать, — начал жаловаться бывший заключенный.

— Почему ты так думаешь? — удивился Вадим.

— Да потому! — кипятился Серега. — Торговал я раньше, сразу после отсидки, по ИТД медикаментами, обратился в специальную фирму, чтобы лицензию дали, — пять «штук» «зелени» за это отгрузил. Год проработал, потом проверка — лицензия оказалась фальшивой. Надули.

— А ты что?

— А хули я? Я тоже малька подворовываю. Ну а что остается делать? Жрать-то надо. На зарплату грузчика и на ворованном чае не разживешься. Да ничего и не охраняется здесь. Вот недавно с ребятами «взяли» склад с икрой, балычком, кальмарами... Консервы, короче. На семьдесят тысяч бачей. Мы сначала-то на этот склад как порядочные пришли, закупили за свою «капусту» сто килограммов товара, все заодно посмотрели, где у них что... Как сигнализация отключается? Где охранники дремлют? Ну и «взяли» потом складик. Охрана, как всегда, спала. Товар ушел за неделю. Через обычные московские ларечки. Перестройка все-таки имеет свои плюсы — ларьков понастроили ху...ву тучу! Ну, а вообще, мой бизнес — это машины.

— Завозишь и продаешь?! — обрадовался Вадим.

Сергей засмеялся.

— Угоняю. Потом продаю. Машин сто уже на моем счету. Но скажу по чесноку, жить становится все тяжелее и тяжелее. Горбач и Эльциноид все, говнюки, испортили. Воровать стало намного труднее. Страна хорошо жила только при Лене. Воровали ВСЕ. Работал на птицефабрике — тащил птицу, на чаеразвесочной фабрике — выносил чай. В неограниченном количестве. Сейчас больше десяти кг хер вынесешь. А это разве деньги! Леня Бровастый всем давал воровать. Настоящий был руководитель.

— Серега, а у тебя что, — замялил Вадим, — не возникало проблем с милицией? Все так легко сходило с рук? Если ты сто машин угнал...

— Ну приключались, конечно, мелкие неприятности, — ответил Серега. — Взяли мы как-то с пацанами шестисотый «Мерс» у одного банкира. Позвонили ему: «Так, мол, и так: двенадцать “штук” — и вернем!» Но, понимаешь, посредники еще с нами работали. Цену накрутили до семнадцати «тонн», пидоры. Короче, приехали мои орлы на «стрелку». А их ху...к — окружили. Всех повязали. Корешки мои, естественно, меня сдали. Я сидел в тот вечер дома, счастливый, комедию какую-то тупорылую, американскую смотрел. Корешки доложили по мобиле, мол, все о'кей, Сергун, везем «капусту». Через полчаса позвонили в дверь. Я, даун, дверь и открыл (обычно без предупреждения не открываю). Ну и мне ручкой пистолета — в е...лице. У меня кровяца, на башке — рог. Наручники надели. И — в воронок. Посадили в одну камеру с каким-то бомжом. Зае...ал, козел. Воньца от него стояла хуже, чем в сортире. Дал я какому-то сержантику денег, послал за жрачкой. Он притащил, я похавал, начал кумекать — хули делать? Вызвали на допрос. Начальник мусоров спрашивает: «Твое, Сергей, дело — “Мерсюк”?» — «Нет, говорю, начальник, не мое. Оклеветали». «Ну, Сергей, — слышу

в ответ, — смотри сюда. Даю тебе три часа, “Мерса” не подгонишь, я тебя лично из “ТТ” пристрелю».

И — лох — отпустил меня. Я и срулил. Никто даже не проследил за мной. На понтах меня хотели взять. Дома я, правда, с тех пор не появлялся. Может быть, я даже в розыске сейчас состою, хотя вряд ли, они на такую мелочь, как я, времечко свое драгоценное тратить не будут.

...Через полгода Серегу опять посадили. Теперь уже на восемь лет. А Вадим закончил докторантуру, но докторскую не защитил. Так и не смог ее дописать — не хватило ни сил, ни времени, ни таланта.

1992 — 2011

ВИЗИТ НАСЛЕДНОГО ПРИНЦА

Позвонил мне однажды загадочный советский человек по фамилии Ли (у него отец китаец, а мать русская), с которым мы раньше вместе работали в отделе рекламы одной не слишком преуспевающей газеты.

— Женюра, у меня есть дружбан — очень солидный предприниматель, один из лучших переводчиков в стране с арабского языка Игорь Валерьевич Тимохин. У него сеть фирм. Им нужен специалист по рекламе. Звякни ему — мне кажется, вы найдете общий язык.

Я — чтобы не обижать товарища — покорно записал телефон. Звонить совершенно не собирался. Но тут у нас на работе начались кошмарные сокращения. И я на всякий случай позвонил. Договорились встретиться.

Игорь Валерьевич подал мне машину. И мы повстречались у него в офисе, который тревожно располагался возле станции метро «Пыхино» — то есть далеко не в центре.

...Офис представлял собой двухкомнатную обшарпанную квартиру, расположенную на первом этаже четырехэтажного сталинского дома.

Игорь Валерьевич, человек сорока с лишним лет, был одет в идеально-строгий костюм. Его преждевременная лысина намекала на то, что вся молодость прошла в жарких любовных баталиях. Маленький рот и тонкие губы говорили о повышенной чувственности...

Игорь Валерьевич предложил работу в арабской конторе, в которой он являлся исполнительным директором московского представительства. Контора называлась «МАР ХАБАР» (что по-арабски означает «Здравствуй»), ею владел некий господин Шмарси из таинственного государства, которое мы условно назовем Бархадор.

Я поблагодарил за предложение, но ответил, как всегда, витиевато:

— Я не могу постоянно ходить на работу, надо бы нам учредить фирму, которая занималась бы рекламными делами, а заодно обслуживала бы и «МАР ХАБАР». Я готов участвовать в финансировании этого проекта, но исполнительным директором быть не готов. Человек на это дело у меня есть.

Неожиданно Игорь Валерьевич быстро согласился. Фирму решили делать на двоих. Пятьдесят на пятьдесят.

На следующий день я привел своего дружка Александра Абрамовича Росомахина, с которым мы раньше вместе трудились в одном рекламном агентстве. Сашка искал работу, предлагал мне учредить фирму на двоих. Мы все не решались. И вот такой реальный случай. Я пообещал Сашке двадцать пять процентов. То есть вычел из своих пятидесяти ровно половину.

Я познакомил господ предпринимателей. Немного поучаствовал в беседе, а потом откланялся — меня ждали какие-то мелкие литературные делишки.

Вечером мне позвонил Игорь Валерьевич и неожиданно спросил:

— Вы давно знаете Александра Абрамовича?..

Оказывается, Абрамыч решил вопрос поставить ребром. Он резонно поинтересовался:

— А зачем нам, собственно, Евгений? Денег у него нет. Работать он не будет. Будет сидеть дома и писать

свои ничтожные стихи, я-то его знаю. Давайте трудиться, Игорь Валерьевич, с вами. На пару.

Игорь Валерьевич, как на грех, оказался порядочным человеком и показал Росомахину на дверь.

Сашка даже не понял — в чем дело.

Потом я опять замотался. Связь с Игорем Валерьевичем временно потерял. Летом ко мне приехали жена с дочкой из Германии.

У меня как бы несколько жизней. В одной из них я — примерный семьянин. Эта жизнь длится ровно полтора месяца в году. И протекает в глубинном российском городке с романтическим названием Кубиково.

Семейная жизнь, как ни странно, для меня самое главное. Именно в Кубикове мы шалим с моей дочкой, русской немкой из города Грифенрода, именно в Кубикове мы ведем с моей бывшей женой общее хозяйство и ездим на ее машине «Фольксваген» на дачу. Дача у нас в пяти минутах езды от квартиры.

Наши отношения с моей бывшей женой настолько туманны и запутаны, что лучше в них не разбираться совсем. Дело в том, что уже пять лет Наташа замужем за странным немецким альтруистом и по совместительству строителем Гербертом, который строил в Кубикове дома, а построил новую семейную ячейку. Знакомы Наташа и Герберт лет восемь. Живут под одной крышей пять лет. При этом Наташа упорно убеждает меня, что ее муж — это я, а Герберт просто друг, который вывез ее за границу из гуманных соображений. Наташа человек — очень талантливый. И врет настолько виртуозно, что я ей верю. Она, например, утверждает, что с Гербертом даже не целовалась. Наиболее оглушительная ложь всегда имеет успех.

В общем, живем мы с Наташей полтора месяца в году, но за этот период получаем столько и положительных, и отрицательных эмоций, что хватает надолго. Как раз до следующего лета.

Нужно признать, что в последнее время вопрос ее верности (или неверности) волнует меня почему-то все меньше и меньше. То ли я постарел, то ли понял, что измен вообще никаких не существует... Есть просто законы сохранения рода... Вот и все. Мне кажется, что в любом случае моя ситуация сейчас гораздо лучше, чем ситуация Герберта. Если учесть, что Герберт наставлял мне рога раньше (даже если наставлял!), то нынче наставляю ему рога я...

Главный человек в моей жизни — дочка Настюшка, человек веселый, хитрый и насмешливый. Больше всего Настюшка любит хулиганить, играть в жмурки, мучить бедного кота Миньку, мешать мне спать, а также слушать смешные истории.

Иногда по вечерам мы с Настюшкой и Наташей гуляем по нашей родной Ленинградской-street, где почти на каждом доме гордо висит забавная вывеска — «Лучший дом улицы».

Каждый день мы ездим на дачу, где я сплю либо читаю стихи Евгения Винокурова, а Настюшка меня будит и заставляет играть в жмурки.

Еще мы лазаем на чердак, ходим на речку, она течет прямо вниз, и собираем черную смородину. У нас такой договор с Настюшкой: маленькое детское ведро смородины — пять раз в жмурки. Просто так я не играю. Настюшка собирать ягоду не любит, но очень любит играть. Ей приходится идти на компромисс.

...Мы сидели с Настюшкой с удочками на берегу, ловили, по-моему, несуществующую в нашей маленькой речке рыбу, играли в слова (эта игра еще называется «колокольчик раз-два-три»). Мне, как всегда, хотелось спать, но проворная Настюшка набрала два ведра смородины и обменяла их у меня на две игры в слова, вместо жмурок.

Вдруг раздался звонок на мой мобильный. Звонил Игорь Валерьевич:

— Женя, наша фирма будет проводить визит наследного принца Бархадора Абдуллы ибн Абдуллы. Прошу вас срочно приехать. Зарплата — пять тысяч долларов в месяц.

Что мне оставалось делать? Пять тысяч долларов на дороге не валяются. Я никогда, во всяком случае, не видел. И я согласился.

Приехал я в город-монстр, конечно, рановато. До визита, как выяснилось, оставалось три недели. И сотрудники фирмы пока не знали, чем заняться.

Завхоз Михаил Анатольевич Головастых, выпускник МИСИ, как всегда, разгадывал кроссворд. Делал он это весьма успешно. Например, в кроссворде вопрос — вид медовухи? Миша уверенно вписывал ответ — пчела.

Однажды я зашел к нему в кабинет, просто так, потрепаться. Его почему-то не оказалась. На письменном столе лежал очередной кроссворд из газеты. Отгадан был ответ только на один вопрос. Приспособление для хранения канцелярских принадлежностей? В клеточках аккуратным почерком Миша написал — п и н а л.

Кроме Миши у нас работает его жена Альбина Николаевна Головастых, женщина суровая, но справедливая, также выпускница МИСИ. Альбина Николаевна — бухгалтер, она выдает зарплату и делает баланс. На работе ее боятся все. Особенно Миша, которого она не только ругает, но иногда и бьет.

Выясняют они отношения постоянно и очень громко.

Однажды, войдя в офис, я вдруг услышал громкий и властный голос Альбины Николаевны:

— Открывай рот и соси, открывай рот и соси!

Я испугался, я не понял, что происходит.

Потом Альбина продолжила более ласково:

— Я же тебе говорила, урод, чтобы взял с собой побольше валидола.

Оказалось, что у Мишани прихватило сердце.

Еще у нас на окладе — видные арабисты, в прошлом сотрудники АПН Владимир Юрьевич Пихтин, Геннадий Иванович Гномиков, Борис Дмитриевич Зажатных (прозвище «Бидэ») и два водителя — Саша и Сережа. Очень милые, интеллигентные люди. Особенно водители.

Смысл нашей служебной жизни — обслужить визит диковинного принца.

Лично мне Игорь Валерьевич поручил заниматься непосредственно рекламой. К приезду принца мы выпустили книгу его воспоминаний «Чингисхан пустыни». И вот теперь решили эту книгу прорекламирровать. Мистер Шмарси выделил нам на это семьдесят тысяч баксов.

Книжка получилась удачной. Она о войне в Большом заливе, в которой Абдулла ибн Абдулла принимал самое активное участие. Он был главнокомандующим объединенными войсками союзников. Война шла с Большим врагом.

Половина страниц книги посвящены самому жгучему вопросу: кто же был главнее в стане союзников — Абдулла ибн Абдулла или Хитрый Норман, главнокомандующий объединенными войсками? Абдулла упорно доказывал в своей книге, что он. При этом обосновывал он это весьма оригинально. Тем, что у него было больше телохранителей, чем у Хитрого Нормана...

Во время войны Абдулла также отвечал за продовольствие, то есть был вроде нашего завхоза Миши. Но рассказывал принц в книге в основном о своих ратных подвигах. В упитанном фолианте мы разместили примерно пятьсот фотографий: Абдулла в танке, Абдулла в самолете, Абдулла с известными людьми...

Первым делом я заказал рекламный видеоролик своему приятелю Володе Банджеву, который он успешно и

сделал. Правда, Володя решил немного сэкономить и дикторский текст прочитал самостоятельно. А нужно сказать, что Володя с детства имеет некоторые особенности произношения. Во-первых, он, как многие поляки, шепелявит, а во-вторых, чудовищно заикается. Так что авторская речь, прямо скажем, получилась не совсем удачно. Посему Игорь Валерьевич ролик Володи «зарубил». Нашел другого диктора, профессионального. Дал мне его телефон, чтобы я ему позвонил и все уладил.

Звали диктора... Хому Арамисович Хошабо. Он оказался айсором, то есть ассирийцем. Родился Хому Арамисович в Москве. Говорил действительно очень красиво.

Я позвонил Володе и попросил его сделать переозвучку. Мол, диктора мы тебе привезем сами на машине.

Володя охотно согласился.

— Ста-ста-рик, нет во-во-во-просов, — прошепелявил, заикаясь, Володя, — то-то-лько скажи, как фа-фа-фа-милия диктора, я должен заказать ему про-про-про-пуск заранее, иначе его на сту-студию не про-про-про-пустят.

— Фамилия его Хошабо.

— А и-и-мя, отчество?

— Хому Арамисович.

Возникла минутная пауза.

Потом Володя резонно спросил:

— Слу-слу-шай, а ты уверен, что он про-про-про-чтет текст лучше меня?

Хому Арамисович постарался. Ролик был утвержден. После этого я отвез его другому своему приятелю Андрюхе Розенбауму, чтобы он разместил его на ТВ.

А сам начал писать хвалебные статьи о книге и проталкивать их в газетах. Протолкнуть материалы я пытался исключительно через главных редакторов.

В беседе с каждым из них я туманно и невольно-угрожающе намекал, какая величина к нам приезжает:

— Совладелец нефтяной фирмы «Дамко», будущий король Бархадора, это сулит вам колоссальные перспективы! — несколько преувеличивал я.

Некоторые мне верили. И тогда я проталкивал статьи не по рекламным расценкам, а просто за гроши. В конвертике.

Подготовительную работу наша крошечная фирма проделала большую. Мы заказали гостиницы, договорились о встречах с первыми лицами в государстве — спикером, мэром, секретарем Совета Безопасности. Хотя визит носил не официальный, а частный характер. Подготовили большую культурную программу... Так много я не работал никогда.

И вот, наконец, принц приехал.

Он оказался толстым усатым дядькой, удивительно похожим на актера Семена Львовича Фараду.

Начались важные встречи. На одной из них — с мэром нашего города-монстра — я даже присутствовал. Как руководитель пресс-службы «МАР ХАБАР».

Мэр опоздал минут на пятнадцать, было видно, что особенно церемониться с каким-то Абдуллой он не будет.

На встрече шеф города-монстра сразу начал говорить по делу:

— Мы вкладываем сейчас очень много средств в строительство. Это нужно городу. И это выгодно. Строим квадратный метр за тысячу долларов, продаем за четыре. Выгодно? Выгодно! Вкладывайте, не пожалеете!

Принц отвечал по-восточному туманно и витиевато:

— Я приехал сюда с визитом мира, меня прислал король Бархадора, чтобы сообщить вам, как мы уважаем вашу страну-песню, ваш город-сад, ваш народ-труженник...

Мэр опять:

— Давайте вкладывать в проект «Тити-мити», прибыль за год — четыреста процентов. Вкладывайте, не пожалеете!

Принц не сдавался:

— Король Бархадора прислал меня с миссией мира... Давайте налаживать мосты взаимопонимания, это так важно!..

Толстая, жутковато-мафиозная физиономия мэра начинала багроветь. Становилось страшно. Мне даже показалось, что еще один подобный пассаж Абдуллы ибн Абдуллы — и шеф города-сада ударит кулаком по столу (в лучшем случае!) и вообще устроит международный скандал.

Слава Богу, этого не произошло. Стороны обменялись подарками. И разошлись с миром.

После того, как все важные государственные встречи закончились, начались встречи неофициальные. Мы даже договорились с одним институтом Минобороны, что Абдуллу ибн Абдуллу сделают почетным доктором военных наук.

Я как большой туз встретился с директором института, каким-то молодым адмиралом. Дал ему ценные инструкции, как вести себя с принцем. Адмирал все время испуганно повторял:

— Будет сделано, Евгений Викторович, будет сделано, Евгений Викторович!

И вот последний день визита. Программа состояла из двух пунктов: встреча в институте, отлет на историческую Родину.

Вояки, надо признать, постарались на славу. Выстроили на первом этаже почетный караул, пригласили оркестр из Министерства обороны, чтобы он сыграл любимые Абдуллой военные марши, накрыли банкетный стол, заказали шикарный диплом, правильные профес-

сора старательно написали рецензии на эпохальную книгу.

Мы с Игорем Валерьевичем приехали за час до начала церемонии. Сразу — по-хозяйски! — зашли в кабинет к директору. Он нас радушно принял. Там уже находилось несколько особо заслуженных полковников, участников встречи, два седых профессора.

— Не волнуйтесь, товарищи, — сказал, обращаясь к нам с Игорем Валерьевичем, адмирал, — все идет нормально. Я уже и в генштаб доложил. (Мы, нужно сказать, работали в тесном контакте с генштабом, где у нас оказался свой человек Игорь Владимирович Пузин, тоже в прошлом арабист.) Диплом получился удачным. Не желаете взглянуть?

Взглянул Игорь Валерьевич. В дипломе было написано по-английски и по-русски — «За выдающиеся заслуги перед развитием мировой военной мысли присвоить звание почетного академика Института оборонной стратегии имени танка Т-34 г-ну Шмарси ибн Шмарси».

У Игоря Валерьевича перекошилось лицо.

Но он взял себя в руки.

— Шмарси награждать еще рановато. Вообще-то у нас в гостях Абдулла ибн Абдулла, — холодно заметил Игорь Валерьевич.

И тут произошло следующее. Импозантный адмирал почему-то снял с себя белоснежный китель, бросил его на стол и крикнул в пространство:

— Срочно новый диплом!!! Даю вам, гребаные господа-товарищи полковники и профессора, пятнадцать минут. Иначе — всем п... Уволю! Ну и мудаки народились, никто работать не умеет.

Полковники и профессора пулей вылетели из кабинета.

Новый диплом лег на стол адмиралу через три минуты. Мы даже не успели выпить по чашечке кофе.

Началось торжественное обсуждение. Первым взял слово профессор Лев Сигизмундович Чечулин.

Он произнес такую смелую речь:

— Господа, я скажу с присущей мне откровенностью, не взирая на титулы и звания... (Мы с Игорем Валерьевичем тревожно переглянулись.) Книга меня по-трясла. Это настоящие боевые мемуары настоящего боевого генерала, которые наконец-то пролили нам свет на то, кто же играл первую скрипку в оркестре военных действий в Большом заливе. Ясно, что это наши братья-бархадорцы под руководством лично товарища Абдуллы Абдулловича, а не голуби союзничков под руководством Хитрого Нормана...

Все зааплодировали. Принц улыбнулся. Практически все заседание он просидел молча, сыто ухмыляясь в усы. Видимо, он привык к грубой лести и другую лесть уже просто не воспринимал.

В тот день его опять называли великим, гениальным, могущественным. Он сидел и улыбался в усы.

Потом адмирал торжественно вручил принцу диплом почетного академика. Они обнялись.

Ответная речь Абдуллы ибн Абдуллы была не слишком длинной.

Он сказал:

— Спасибо!

И хотел уже было откланяться, но раздались такие бурные и продолжительные аплодисменты, что принц оказался вынужден произнести еще несколько слов. И он их произнес:

— Друзья, король Бархадора прислал меня в Вашу страну-песню с миссией мира, налаживать мосты взаимопонимания — это так важно...

А потом наследный принц Абдулла ибн Абдулла улетел к себе на Родину. Милый, он обещал вернуться.

1996 — 2011

САН САНЫЧ

...Встретил я как-то вечером своего соседа, тихого алкоголика Сан Саныча, военного неработающего пенсионера 48 лет. Он сидел на скамеечке возле нашего старенького дореволюционного дома, расположенного в самом центре Москвы, задумчивый и благодостный.

— Все, Женька, — сказал он мне, — уезжаю на дачу, дам тебе пожить нормально.

И в самом деле, через несколько дней куда-то отвалил. Наш этаж, на котором размещалось двадцать квартир гостиничного типа, вздохнул — пьяный Саша обычно буянил по ночам и спать не давал никому.

А еще через несколько дней из его каморки стал доноситься зловещий запах, откровенно напоминающий трупный яд.

Я перепугался. Жив ли Саня? А может, умер? И не по моей ли — хотя бы отчасти! — вине? Ведь сколько раз я бил ему морду за его пьяные кутежи вместе другими алкашами.

Кто-то из соседей вызвал милицию.

Менты приехали ночью. Вскрыли дверь, но ничего не нашли. Встревоженная и бдительная соседка Клавка кричала:

— Ищите лучше, ищите лучше! У него там чемоданы стояли. Может быть, его убили, распилили и положили в чемодан?

Менты ничего не нашли. Уехали.

А запах не убывал.

Другая соседка, красивая Ирка, давала мне ценные указания:

— Женья, главное — не дыши! Трупный яд — это очень опасно. Глотнул такого воздуха и — на тот свет. Не дыши! Послушай меня!

Я пробовал «не дышать» — у меня, к сожалению, ничего не получалось. Озлобленный на свою нерадивость и запах трупного яда, я не знал что делать. Настроение в душе воцарилось паршивое.

Наконец, я не выдержал и уже сам вызвал милицию. Менты приехали рано утром. Я их встретил, показал рукой на квартиру, откуда доносился опасный, всепроникающий запах. Один мент сразу определил:

— Труп. Узнаю это «благовоние». Только вчера в морге был.

— Да-да, — подтвердил другой защитник правопорядка, — мокрое дело. Понятно.

При этом второй мент как-то странно посмотрел на меня. И неожиданно спросил:

— А вы кто, собственно, будете?

— Сосед. Это я вас вызвал. Дышать, понимаете ли, нечем, — нервно пробормотал я.

— А документы у вас есть?

Я принес паспорт.

Они все переписали и сказали неприятные слова:

— Ладно, пока свободны. Только из Москвы не уезжайте, можете еще понадобится. В случае чего мы вас вызовем. На допрос.

Я чуть не заплакал от страха.

— Повесят еще на меня мокрое дело, — размышлял я. — Ведь все у нас на этаже видели, как я поколачивал и Санька, и всех его дружков-приятелей, как только они начинали «квасить».

Приперся я на работу. Я тогда трудился в одной «пираровской» фирме. Рассказал все нашей секретарше, длинноногой, глазастой Полине. Она, как могла, меня утешила. Со свойственной молодости «дипломатичностью».

— Все будет нормально. Я это чувствую. Ничего не бойся. А в крайнем случае буду тебе сухари в тюрьму носить.

Вернулся я с работы домой от страха ни жив, ни мертв. С удивлением обнаружил, что возле подъезда нет черного «воронка». Был уже уверен, что меня должны забрать. Все-таки на всякий случай опять позвонил в милицию:

— Ну, как дела? Нашли труп?

— Нет, — ответил знакомый ментовский голос, — никакого трупа там нет. А вот бельишко ваш сосед замочил. Носочки свои решил постирать. Хорошие такие носочки. Не волнуйтесь, мы там уже все убрали.

1996 — 2011

ЛОЛИТА

...Впервые за многие годы я оказался тогда вне системы. Я просто ж и л. Я по большому счету никому ничего не был должен. Не должен был, как в студенческие годы, заучивать наизусть огромные тексты на латинском, французском и немецком языках, не должен был сдавать тексты в номер, не должен был обязательно находить рекламу в те журналы, в которых ранее служил рекламным деятелем.

Как-то так я хитроумно поставил себя, что мой шеф в рекламном агентстве не требовал в тот период от меня практически ничего — даже прихода на работу. Есть заказ — хорошо. Нет — и не надо. Наше рекламное агентство вполне благополучно обходилось без меня.

Я вставал в двенадцать дня, ложился в два-три ночи. Спал, читал, ел, ходил на литературные вечера.

Дочери и родителям я деньги давал. Зарплату мне платили, как ни странно, весьма неплохо.

...Женщин ко мне приходило не много. Это поначалу я, дорвавшись до так называемой свободы, бросался чуть ли не на всех. И у меня было примерно пять регулярных любовниц. Очень быстро я от подобного тлетворного образа жизни отказался, талантливо сохранив с бывшими любовницами чисто дружеские, товарищеские отношения.

Приходила в основном одна. Звали ее романтично — Лолита. Она была балериной. И кроме балета в этой жизни знала очень немного вещей. Ориентировалась в мире, прямо скажем, не лучшим образом. Например, она могла сказать, что президент России — Владимир Жириновский или Михаил Жванецкий. Ей было все равно.

А своим гениальным телом она владела, как, наверное, никто. Вот на его изучение и ушли у меня пронзительные дневные часы и тягучие поздние вечера холостяцкой жизни. Я так полюбил это натренированное, изящное, миниатюрное, виртуозное, как слово какого-нибудь гениального поэта, тело, что понял: тело Лолиты — это и есть ее душа. И душа, и мозг, и сердце...

Днем, после репетиции, она обычно забежала ко мне, и через некоторое время я провожал ее домой — жили мы убийственно по соседству.

Вечером она заходила еще раз.

К ночи я опять провожал ее домой.

Она любила спать (в прямом смысле) одна.

Постепенно Лолита стала единственной моей женщиной. Со всеми другими я даже меньше начал болтать по телефону — а это мое любимое занятие.

А потом она уехала на гастролы в Штаты и не вернулась.

И не вернулась.

И не вернулась.

Я не знал, как на это реагировать. Я ждал от нее известий.

И спустя три месяца она позвонила мне. Она сказала, что вышла замуж.

Я понял, что мне опять надо будет возрождаться из пепла.

1995 — 2011

КУРОЕДОВ

В детстве его дразнили «куроед», «кур» — из-за фамилии.

Но уже в подростковом возрасте дразнить перестали — он стал известным самбистом, чемпионом Москвы. И все его уже называли только по имени — Володя. Был он взрывным, непредсказуемым, искал всегда на свою задницу приключений, постоянно влезал в какие-то потасовки, если на улице шла драка, обязательно становился ее участником, будто не имел страха. Даже если перед ним была толпа — все равно не отступал. Щуплый, маленький, но отчаянный.

Самбо Володя занимался до 21 года, был призером первенства Союза, ездил на Европу, но выше полуфинала не пробился.

В 1991 году, во время распада СССР и реставрации капитализма в России, ему стукнуло 23 года.

За плечами была тренерская школа в Малаховке, повешенное на гвоздь кимоно, надорванное от постоянных изнурительных тренировок сердце и школа систематического труда в экстремальных условиях — условиях профессионального спорта.

Многие его друзья по самбо тогда остались не у дел, некоторые уехали на Запад, некоторые ушли в рэкет, а Куроедов колебался. Чем заниматься — он толком не знал.

Друзья-спортсмены устроили его телохранителем руководителя банка «Славяне» Левона Варданова. Работа была непыльная — он сопровождал президента банка в его поездках по городу, в командировках по России и за рубежом. Познакомился с семьей Левона Сергеевича, его единственной дочкой Светланой. И как-то быстро у них все со Светланой завертелось. Любовь с первого взгляда... это бывает. Шеф не возражал против свадьбы. Ему нравился этот молодой, спортивный парень. И уже вскоре Володя был не просто охранником тестя, а замом руководителя банка по безопасности и общим вопросам.

Куроедов оказался способным организатором. Быстро вникал во все вопросы, поступил учиться в финансовую академию. К третьему курсу — в 27 лет — стал внештатным советником правительства России, оброс там связями. Все шло удачно.

...Прошло 20 лет. Располневший и седовласый, страдающий отдышкой сорокасемилетний долларовый крепкий миллионер Владимир Иванович Куроедов проводил в своем офисе планерку, перед ними сидели наиболее приближенные топ-менеджеры его Холдинга — страховой компании, банка, руководитель бизнес-центра, директор управляющей компании.

— Всем все понятно? — спросил Куроедов.

— Все, — отчеканили его подчиненные.

— Тогда за работу, меня не будет два дня, надеюсь, справитесь. За меня остается Андрей Александрович, мой первый зам. По всем вопросам — к нему.

Куроедов сел в машину и поехал домой. Он жил в особняке в центре города, в Замоскворечье. Особняк был окружен, как положено, гигантским кирпичным забором, по периметру стояли вооруженные охранники. Жил Куроедов один, с женой они хоть и не разве-

лись, но общего крова уже не имели, дети у них учились за границей.

Куроедов выпил сто грамм виски и, сказав Ахмеду, начальнику своей службы безопасности, чтобы его не сопровождали, вышел на улицу. Охранники знали, что примерно раз в месяц шеф куда-то уходил пешком и просил оставить его одного.

Куроедов пошел в метро, купил билет за 28 рублей и доехал до станции Выхино. Потом он спустился к билетным кассам и приобрел билет до Рязани.

Раз в месяц он совершал такие поездки в электричке до Рязани или выходил раньше — в зависимости от ситуации.

Протиснуться в Выхино в электричку в час пик — дело сложное даже для бывалых жителей Подмосковья. Это целая наука. Нужно предвидеть, где остановится вагон, чтобы забежать в него одним из первых и занять место. Иначе — можно всю дорогу простоять.

Куроедову не повезло, вагон остановился вдалеке от него, места быстренько заняли, а богачу досталось место в тамбуре нос к носу с трудовым народом. Куроедов не мог шелохнуться. Душный перегар, запах едкого пота пронизывал тамбур — Куроедов терпел. В Люберцах народу стало меньше и можно было хотя бы продвинуться в вагон.

Пассажиры были заняты своими делами — читали, говорили по телефону и друг с другом.

Пожилая пара (мужчина и женщина) оживленно дискутировала:

— Ну как жить в этой стране? — возмущался мужчина, — Горстка людей захватила власть и радуется. А про нас никто не заботится.

— Почему вы так говорите?! А коммунисты? Зюганов всегда защищает простых людей.

— Ну, я вас умоляю. Зюганов защищает собственную персону. Путин, сохраняющий власть на последующие годы, сохраняет ее не только для себя. Он ее сохраняет в том числе и для так называемой оппозиции, которая совсем неплохо устроилась. Все эти Зюгановы, Немцовы, Явлинские, Лимоновы — часть путинской системы. Если бы было по-другому, они бы уже давно торчали в тюрьме. Как Ходорковский, или как — на Украине — Тимошенко. А если господа на свободе, значит, они не оппозиция.

— Нет, я не согласна. Зюганов многие смелые вещи говорит. Если бы он был президентом, он бы такого беспредела не допустил.

— Ну это ваше мнение — я не буду его оспаривать, — отступал мужчина.

— Хорошо, допустим вы правы. Что же делать? Куды крестьянину податься?

— Во-первых, нужно понять: Путин — это мы. Он нас, ленивых, инертных, вороватых, боящихся брать ответственность на себя потомков крепостных, устраивает. Не устраивал бы — давно бы власть изменилась.

— Я, знаете ли, ничего не своровала, и дед у меня был дворянин.

— Я не о вас, я вообще, фигурально...

— А... фигурально. Тогда понятно. А во-вторых?

— Во-вторых, конечно, нужны новые лидеры оппозиции, иначе застой будет хуже брежневского. В-третьих, надо использовать ту здоровую витальную энергию, которая еще есть в народе. В частности, максимально поддержать дачников, то есть нас с вами, это огромный процент населения. Подвести к дачам газ, свет, канализацию. Дать возможность людям жить в домах, почувствовать хозяевами своей земли. Если этого не сделать, так и останемся рабами.

— Да, тут я с вами согласна, если бы у меня на даче был газ, я бы вообще там круглый год жила, и внуки бы со мной были, да и дочка с зятем работу нашли бы рядом с домом. А то и фермерством могли бы заняться.

— Вот-вот...

Куроедов слушал молча, в разговор не встревал. Ему было интересно, о чем говорят люди.

Неожиданно он заметил, что в одном купе сидят не шесть человек, как положено, а пять.

— Свободно? — спросил Куроедов группу молодых мужиков, играющих в карты и потягивающих дешевое отечественное пиво.

— Занято, — сказал один из парней. И продолжил опустошать бутылку.

— Почему занято? Для кого?

— Для женщины.

— Ну, вот она придет — я уступлю, — сказал Куроедов и решительно уселся на свободное место.

Мужики промолчали, только не слишком дружелюбно посмотрели на возрастного дядьку.

Откуда-то подошел еще один молодой человек.

— Вот, мы для него место заняли, — сказали мужики.

— Я не вижу перед собой женщины! — парировал Куроедов.

— Сейчас увидишь, — прорычал самый молодой. И попытался ударить Куроедова.

Тот увернулся и нанес обидчику удар в челюсть. Парень схватился за лицо, однако не упал, силы у Куроедова уже были не те, что в молодости. На него набросилось еще пять человек. Били руками, ногами. Куроедов защищался. Неожиданно за него заступились — трое здоровенных парней из соседнего купе, они встали стеной между Куроедовым и молодыми мужиками.

Драка закончилась, мужики сошли в Бронницах, а Куроедов поехал дальше.

Он доехал до Рязани. Снял номер в гостинице, позвонил своему заму и попросил прислать за ним машину.

Когда утром Андрей Александрович спросил у шефа, как дела, то услышал обычный в таких случаях ответ:

— Все нормально, всего одна драка, но адреналин выделился по полной программе. Через месяц поеду на электричке в Можайск, белорусское направление мной еще плохо изучено. А люди у нас все-таки хорошие. Пропасть не дадут. И за слабого заступятся.

2011

СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ

Семен Семенович чувствовал себя несколько уставшим от всего, что преподнесла ему судьба. Ему исполнилось тридцать восемь лет, а ему казалось (видимо, справедливо), что прожил он уже несколько жизней.

Последние несколько лет он жил один. В центре Москвы, в солидной трехкомнатной квартире, доставшейся ему по наследству от дедушки, который в свое время занимал весьма ответственный пост в каком-то министерстве.

Семен Семенович работал фотографом в журнале мод, но считал себя прирожденным философом, потому что любил разговаривать о жизни со своими друзьями.

Личная жизнь нашего героя протекала странным образом. У него было примерно семь женщин, с которыми он одновременно поддерживал связь, то есть разговаривал по телефону, ходил в театры, иногда в близлежащее кафе (рядом с домом). Примерно раз в месяц каждая из них приходила к Семену Семеновичу в гости и происходило то, что иногда должно происходить между мужчиной и женщиной. То есть женщина как таковая приходила в дом практически каждую неделю. Одна из семи. Круг своих пассий Семен Семенович не расширял. Все были довольны. Женщины ничего от Семена Семеновича не требовали. С теми, кто что-то требовал, он просто не общался.

Интересное дело — Семен Семенович два раза был женат, и обе жены сбежали от него за границу — одна в Голландию, а другая в Израиль. Поначалу он сильно переживал по случаю бегства своих жен (каждой в отдельности), а потом практически понял, что на все воля Божья, и особенно не убивался.

Иногда он ходил в церковь, где его журил молоденький, но очень мудрый и светлый отец Николай за то, что Семен Семенович имеет контакты с несколькими женщинами. Семен Семенович искренне каялся, просил прощения. Батюшка прощал его. Но, увы, в скором времени Семен Семенович опять совершал грех прелюбодеяния.

В принципе он очень хотел найти женщину, которая заменила бы ему целый мир, найти одну-единственную, которая стала бы всем. Но пока не находил. Таким человеком была для него когда-то его вторая жена. И, видимо, он все-таки до конца не мог прийти в себя после их разрыва.

Жизнь проходила на работе и дома. Забот хватало. За квартиру заплатить, за телефон, продукты купить, постирать, погладить...

Кроме того, Семен Семенович был дачником. А также обожал читать философские книжки.

Еще Семен Семенович очень любил поспать. Спал всегда один, терпеть не мог, когда женщины оставались у него дома ночевать, в таком случае стелил им отдельно в маленькой комнате на роскошном финском кожаном диване.

Ночами Семен Семенович слушал музыку, читал Библию, либо стихи своих любимых поэтов. Максимилиана Волошина и Александра Блока, Дона Аминадо и Марину Цветаеву, Георгия Иванова и Иосифа Бродского.

Семен Семенович жил и понимал, что жизнь — мгновение и, в общем, все действительно суета сует, как писал неслабый парень Екклесиаст.

Семен Семенович постоянно перечитывал этого библейского мудреца. «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки».

Еще ему нравились высказывания Екклесиаста о женщинах.

«И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею».

Семен Семенович как холостяк со стажем любил процитировать эти сентенции при случае. В компании таких же холостяков. Например, в обществе своего друга, офицера российской армии Санька Пузанова, от которого в свое время тоже сбежали две жены.

Семен Семенович понимал, что сам был однажды очень серьезно уловлен (все по Екклесиасту!) в женские сети.

И данное обстоятельство ему очень не нравилось. Потому что вырывался он из этих чарующих пут (пут своей второй жены) долго и мучительно. И не слишком успешно. Хотя, конечно, в последние годы Семен Семенович душу свою уже ни одной из женщин не отдавал. Держал всех своих барышень на определенной дистанции. Как бы сказал поэт Юдахин, Семен Семенович вышел из брака, как вор в законе из зоны.

Жили мы с Семеном Семеновичем по соседству. На одной лестничной клетке. И очень часто общались. В общем, я был одним из его постоянных слушателей-собеседников.

Как-то раз Семен Семенович зашел ко мне за спичками. Я пригласил его на кухню. Мы стали по обыкновению пить чай. И разговаривать. На сей раз Семен Семенович поспешил поделиться со мной своей новой идеей, которая, признаться, не очень меня порадовала:

— Вы знаете, Женя, а ведь вам даже и невдомек, что вас на самом деле просто не существует. Не удивляйтесь, не удивляйтесь. Я еще не сошел с ума. Но все дело в том, что нет никого и ничего. Есть только, помните Шварца, тени, отражения. Вот вы — литератор, писатель, на работу почти никогда не ходите. Следовательно, вы почти не отражаетесь в глазах других. Вывод? Вас почти нет.

— Ну, а как же мои произведения? — пробовал возразить я. — Ведь кто-то их читает! А разве я и мои произведения — разные субстанции? Они суть одно.

— Нет, это все-таки разные субстанции! — поспешил пессимистично заверить меня Семен Семенович. И — замолчал. И — забрав свои спички, удалился.

А я включил телевизор и стал смотреть новости. Передали, что завтра похолодает.

Я хотел уже было лечь спать, когда в дверь снова позвонили. Я посмотрел в глазок, на пороге стоял все тот же Семен Семенович.

— Вы знаете, Женя, — сказал он, — сегодня у меня какое-то огромное желание выговориться, а поговорить, кроме вас, в данный момент просто не с кем. Так что если вы позволите, я бы хотел с вами поделиться еще кое-какими наблюдениями. Например, о женщинах.

Эта перспектива мне, разумеется, понравилась больше, и я опять-таки пригласил соседа на кухню.

Семен Семенович продолжил:

— В последнее время мне стало казаться, что женщина влюбляется не в мужчину как такового, а в своего и этого мужчины г р я д у щ е г о ребенка. Инстинкт самосохранения женщины, ее генетический код диктуют свои законы, спорить с которыми очень трудно. Эта теория, в общем-то, не нова. Но я в какой-то мере являюсь ее прямым доказательством. Не в смысле мо-

его появления на свет (об этом я судить не берусь), а в смысле моей личной жизни. В моей судьбе было не так много настоящих женщин, но все же... Я бы хотел рассказать вам о некоторых из них. Вот, например, Даша. Она любила меня страстно. А я тогда еще не развелся с первой женой. Возникали проблемы. Даша требовала, чтобы я принадлежал только ей. Когда я уезжал из Москвы хотя бы на несколько дней, Даша заболела. Морально и физически. Словом, в чувства свои не играла. И, представляете, она забеременела от другого мужчины через три дня (рассказала потом сама) после того, как мы расстались. Другую женщину звали Викуля. Она все написала в своих чувственных стихах, посвященных моей скромной персоне. Викуля тоже меня любила. Но теперь ситуация изменилась. Я в то время уже был свободен, а вот Вика находилась в законном браке. Поначалу это не мешало нам радовать друг друга всевозможными интимными ухищрениями. Да и просто радоваться общению друг с другом. Вика говорила, что кто-то «подключил ее ко мне».

— Она тоже забеременела не от вас? — грубовато спросил я.

— Вот именно, — вздохнул Семен Семенович. — Она забеременела через неделю после нашего разрыва от своего мужа, которого презирала и даже иногда ненавидела (случалось, он ее бивал!). И, наконец, я хочу рассказать вам про Машу. Она уходила от своего сожителя Ивана ко мне, пыталась жить со мной, его называла предателем и алкашом. Показателен такой факт: с Иваном они жили, не предохраняясь, почти три года. И — хоть бы что. Я, кстати, имел контакты с Машей только в презервативе. После нашего разрыва она все-таки забеременела от Ивана.

— Я что-то не пойму, к чему вы, Семен Семенович, клоните? — недоумевал я.

— А к тому, Женя, что, видимо, ее генный атом искал более сильного партнера (видимо, я все-таки сильный индивид!), а не найдя, вернулся к тому, что имел. Организм ждал три года, искал замену носителю мужской энергии. Найти не удалось. Маша родила от Вани. При чем они никогда не лечились ни у каких врачей. Материя человеческой биоэнергетики оказалась мудрее любых академиков. Я мог бы привести и другие примеры. Но сейчас в этом нет необходимости. Я просто хочу еще вам сказать о том, что одна из самых важных и мудрых наук на земле — это евгеника, наука об улучшении рода. Ребенок должен быть совершеннее родителей. И он — еще неродившийся! — диктует потенциальным родителям правила бытия. Правила жизни. И правила смерти.

— Но, если следовать вашей логике, генные атомы мужчин, от которых родили ваши бывшие возлюбленные, оказались сильнее ваших. Выходит, что дети выбрали не ваши, как вы изящно выражаетесь, атомы...

— Может быть, вы и правы, — неожиданно для меня согласился Семен Семенович. — Впрочем, какое это сейчас имеет значение. Кажется, мой поезд уже ушел.

Семен Семенович вернулся к себе. Я опять включил телевизор.

Через полгода я решил обменять свою однокомнатную квартиру в центре на трехкомнатную на окраине, что и сделал, доплатив небольшую сумму.

С тех пор Семена Семеновича я не видел.

1996

ВАСЯ

Сорокапятилетний бывший учитель французского языка и вечный бобыль Вася преуспевающим мужчиной себя не считал, но жил все-таки неплохо. Пребывал он круглый год на даче, в уютном трехэтажном особнячке, в Рузском районе Подмосковья.

Тех денег, которые в постперестроечные годы Вася заимел благодаря полученному от бабушки наследству, ему на хлеб с маслом хватало. Бабушка умерла и завещала трехкомнатную квартиру в сталинской высотке единственному внуку. Он быстренько продал трешку, купил двушку на Аэропорте и дом в Подмосковье. А после этого послал свою среднюю школу и кровопийц-учеников куда подальше и переехал на дачу.

...Это только кажется, что если ты нигде не работаешь, ты ничего не делаешь. И это только поверхностный человек не отдает себе отчета в том, что работать и зарабатывать — разные вещи.

Вася — зарабатывал. Он сдавал квартиру. Выходило, конечно, не много, однако на жизнь — спокойную и несуетную! — хватало.

Вставал он часов в двенадцать. Умывался ледяной артезианской водой, топил печь. После этого, как правило, шел в деревню за продуктами. Ел Вася довольно скромно — картошку, консервы. Старался покупать и фрукты, в основном апельсины.

Он готовил еду сразу на весь день — большую сковородку картошки с тушенкой. Этого ему было достаточно.

По вечерам Вася либо читал философские книги (Соловьева, Лосского, Хлебникова и т. д.), либо слушал музыку. Он очень полюбил в последнее время неоклассицистов типа Эннио Морриконе, Стива Клайдермана, а также музыку Китаро. Мелодии уносили Васю далеко-далеко от Подмосковья, и он мысленно бродил по белоснежному, нежно-воздушному греческо-болгарскому городу Несебру, собирал ракушки и гладкие большие камни. Иногда Васе казалось (почти как Декарту), что метафизический сон превращается в явь, а явь в метафизический сон. Он не мог со стопроцентной уверенностью определить, где его и с т и н н о родная земля, кто его всамделишные пращуры. Хотя — и это, наверное, довольно странно — в Несебре — в земной видимой реальности — Вася был только один раз. На экскурсии. Экскурсия длилась т р и часа.

Впрочем, Вася пребывал в уверенности, что Абсолют ниспосылает нас в очередной раз на землю за тем, чтобы мы имели возможность взглянуть на те места, где были когда-то счастливы, где жили в прошлых своих воплощениях, в минувших эпохах.

Зимой в дачном поселке было упоительно тихо. Люди приезжали только в выходные. И Вася, очарованный дачник, смотрел на быстрые заячьи и лисьи следы, внимал беззлобным «доносам» красавца дятла, выходил на абсолютный контакт с пронзительным биополем берез и орешника. И — понимал, что, живя в лесу, он совершенно не одинок.

Вместе с Васей в доме жила кошка Маруська, которая сама пришла зимой в дом. Пришла и осталась. При чем она появилась только тогда, когда Вася доделал в доме печку.

Вася не читал газет, не смотрел телевизор, он находился в своем собственном измерении. И выйти из него не мог. И не хотел.

Большую часть времени Вася проводил все-таки в метафизическом сне. Либо просто спал. Ему снились все тот же Несебр, Крым (он учился в седьмом классе в Евпатории), его нерожденные дети, большой круглый семейный стол, за которым он никогда не сидел, веселье и смех.

Когда он реально просыпался, кошка Маруська лежала у него либо на груди, либо на плече.

Маруська очень походила на женщину.

Больше всего в жизни (это, конечно, шутливое преувеличение) Вася боялся, что Перестройка закончится и больше нельзя будет жить на деньги, полученные от сдачи квартиры, а «тунеядцев» начнут сажать, как сажали раньше, в коммунистические годы.

Когда наступало лето, приезжало много дачников. Вася начинал сезонные работы. Кому-то полы настелить надо, кому-то просто бревна потаскать. Платили хорошо. Вася денег не откладывал. В основном их пропивал. Летние месяцы были запойными.

К зиме он приходил в норму и возобновлял свой зеркальный образ жизни.

Так проходила его жизнь.

Но однажды все изменилось. К одному из его работодателей приехала в гости русскоязычная американка, эмигрантка «третьей волны». Ее звали Ирина. Было ей, как и нашему герою, сорок пять лет. Моложавая, поленькая, одинокая...

Роман между ней и Васей закрутился на удивление быстро. И через два месяца Ирина и Вася вместе отбыли в Филадельфию. Васе — по Ириному приглашению — оформили визу на два года.

Свою дачу он сдал. За тысячу долларов в месяц. Сразу на год. Кошку оставил младшему брату Евгению, ко-

торый был довольно преуспевающим бизнесменом и жил в центре Москвы.

Ирина в Штатах работала художницей. Уехала она из Москвы восемнадцать лет назад, окончила Пенсильванскую Академию художеств, жила на то, что оформляла офисы в различных американских городах. Жила не богато, но и не бедствовала, конечно. В общем-то ей везло. Заказы не переводились. Хотя найти их в Америке даже дипломированному специалисту очень трудно.

Ирина имела небольшую (однокомнатную) собственную квартиру (студию) в Филадельфии и снимала просторную мастерскую неподалеку. В мастерской не было центрального отопления, но зато функционировали канализация и газ. Платила Ирина за мастерскую сто пятьдесят долларов в месяц. Это очень дешево. Хорошая цена, как говорят в Америке.

Ирина работала много, мазала, как она выражалась, краски.

Вася жил как прежде. Слушал любимую музыку, читал своих философов. Отдавал Ирине пятьсот баксов в месяц, которые ему жильцы пересылали по системе Western-Union. И жили они, поживали.

Если Ирина довольно часто выходила из дома (в магазин, на выставки, на русские литературные вечера), то Вася вел абсолютно замкнутый образ жизни. Русская Филадельфия его не устраивала. Двухэтажные невзрачные типовые домики, засилье пишущей братии, несуразный суржик с одесским акцентом, невкусная еда в магазинах... Он тосковал по своему дому и кошке Маруське...

Через год их совместной жизни Вася вернулся к себе в Подмосковье.

Маруську у младшего брата забрал.

1995 — 2012

«АЛЛЕ, ЕВРОПА»

Кое-что в этой жизни испытать я все-таки успел. Сидел в кутузке в Швейцарии (пусть и совсем недолго), ночевал на улицах Нью-Йорка и Парижа, работал вышибалой в ресторане в Москве. Всякое бывало. Но все это — жалкие цветочки по сравнению с моим тяжким опытом работы сопровождающим туристических групп.

...Это раньше, в золотые годы «застоя», за границу советских людей отправляли только две замечательные организации — «Интурист» и КГБ. Сейчас — отправляют все, кому не лень. Туризм постсоветских людей принял для иных стран просто угрожающий характер. Русские — всюду! Только ленивый не побывал где-нибудь на Мальдивах или Гавайях. Про Париж и Нью-Йорк я вообще не говорю.

Турфирма, в которой я работал, специализировалась на Европе. Мы совершали автобусные туры по следующему маршруту: Москва — Варшава — Берлин — Прага — Париж — Люксембург — Берлин — Варшава — Москва.

...Это была самая рядовая поездка.

Группа состояла из... семидесяти человек. И когда я собирался в поездку, сдав заблаговременно все статьи в печатавшие меня издания, одна моя знакомая, которая была занята в свое время в аналогичном бизнесе, поже-

лала мне только одного: «Женюра, вернись на Родину живым...»

...Я встретил свою веселенькую группку на Белорусском вокзале (до Польши мы ехали на поезде).

Среди туристов было много детей. Слава Богу, с ними оказалась классная руководительница, на которую я возложил ряд обязанностей.

Прямо у вокзала ко мне подошла одна мамаша и вручила, точно новогодние подарки, двух своих несовершеннолетних ребяташек тринадцати и пятнадцати лет. Соответственно, девочку и мальчика. Машу и Лешу. Я стал персонально отвечать и за них. Сама мамаша вместе с нами не ехала, поскольку через три дня отбывала с мужем отдыхать в Египет...

Забегая вперед, скажу, что поначалу я детей опекал весьма активно. Покупал им мороженое, конфеты. Но, видимо, покупал не то. Уже в Варшаве, в первом попавшемся магазине, Маша приобрела весьма эффектную кофточку и поспешила мне похвастаться:

— Дядя Женя, смотрите, какую я купила развратную и прикольную штуквину. Отпад! Правда, клево? Я торчу! А вы?

После этого, опасаясь непредвиденных последствий, опекал конкретно Машу я стал несколько меньше.

В Прагу мы ехали уже на автобусе (двухэтажном). По дороге он благополучно сломался. Пришлось звонить в нашу принимающую фирму и просить заменить автобус.

Сотрудники фирмы решили автобус не менять, но пообещали прислать механика.

Он приехал. Через сутки.

За это время я разместил людей в близлежащей гостинице. Еще на один день. Принимающая фирма обреченно оплатила.

Пока автобус починяли, пропал один из туристов. Мальчик.

Его моложавая, милая мама — Татьяна Ломацкая — была, мягко говоря, взволнована. Она схватила меня за рукав, запихнула в такси и повезла в полицию. Там она начала кричать, что пропал ее малолетний сын Виталик.

Чешские учтивые полицейские стали спрашивать приметы малолетнего сына.

— Он совсем несмышленный, Виталька, маленький, — сквозь слезы причитала несчастная мать, — рост сто семьдесят три сантиметра, размер обуви сорок пятый, семнадцать лет.

Молоденький офицер галантно пригласил нас в полицейскую машину, и мы поехали по ночной Праге искать малолетнего сына семнадцати годков отроду. Нашли. Совершенно случайно. Виталик забрел в ночной клуб и безмятежно пил пиво. Очень удивился нашим поискам: оказалось, он предупредил мать, что вернется в гостиницу поздно ночью.

А публика тем временем начала показывать характер.

Утром в Праге, на завтраке, парочка молоденьких женщин, Бубенчикова и Рачкова, опоздали, как говорится, к раздаче, а школьники, разумеется, не опоздали. На столах было неряшливо и несколько пустовато.

Бубенчикова и Рачкова стали требовательно спрашивать: где еда? Я объяснил, что на столе. Нужно, мол, подойти и взять свою порцию.

— Не будем!

— Кто же за вас это должен сделать? Я?

— Неужели мы?

Я не стал препираться, просто отдал им свой сухой паек, приготовленный мне моей дальновидной женой еще дома, в Москве.

Лучше всех вели себя пожилые, восьмидесятилетние ветераны отечественного туризма Берс Аронович

и Марта Вениаминовна Розенберги. Ничего, что они то и дело задавали «детские» вопросы типа: «А в Брно мы будем? А в Дрезденскую галерею зайдём? А по Нилу покатаемся на плотках? А Ниагару увидим?»

Иногда мне казалось, что они что-то перепутали и просто совершают кругосветное путешествие. Но я отдавал себе отчет в том, что восемьдесят лет — дело серьезное. И многие вещи в столь уважаемом возрасте элементарно можно перепутать.

Я отвечал пожилым людям просто и лаконично: едем строго по маршруту.

Этим ответом я, вероятно, только укреплял их таинственные наполеоновские планы.

В Париже я поселил всех в очень хорошей гостинице, прямо в центре города, на площади Италии. Правда, при размещении выяснились странные обстоятельства. Супруги Зотовы, ранее всегда располагавшиеся в одном полулюксе, неожиданно пожелали жить в отдельных одноместных номерах.

Зотовы поссорились.

— Я хочу спать в отдельной кровати и в отдельном номере! — особенно решительно настаивал Зотов-муж.

— И я хочу спать отдельно (не уточняя от кого!), — говорила Зотова-жена.

Я долго любезничал с девочкой-марокканкой, менеджером отеля. Каких только комплиментов я ей не наговорил! Пришлось даже наврать, что я обожаю Марокко и провожу там все свои отпуска.

Девочка была умная и верила с трудом. Но трогательно улыбалась от сентиментальности.

Проблему решили, не переплатив ни евро. Поселили-таки супругов в разных отдельных номерах.

Но тут же возникла другая проблема. Оказалось, что школьникам (а со мной ехало около двадцати тюменских девятиклассников) выдали ключи не от обычных

номеров, а от семейных... То есть номера были, как мы и договаривались с принимающей стороной, двухместные, но кровати там стояли семейные, двуспальные. В каждом номере — одна огромная кровать. Наши поляки опять что-то перепутали, забронировали не те номера.

Девочка-марокканка, отбросив невыгодную сентиментальность в сторону, точно красивую, но бесполезную вещь, сурово объяснила мне, что поменять столько номеров невозможно. Точнее, возможно. Но это стоит денег. И больших.

Я задумался: что же делать?

Как ни странно, проблема разрешилась сама собой и очень просто. Тюменские школьники выразили активное желание провести ночи в Париже именно в семейных кроватях...

В Париже от принимающей стороны с нами работала гид Яна, полька, живущая во Франции. Нужно признать, она старалась, куда только нас не водила! Мы посетили величественный Лувр и захолустный Версаль, поднялись на скрипучую и качающуюся Эйфелеву башню, сходили в умопомрачительные Диснейленд и аквапарк, сделали сладостно-неизбежный шопинг и цетера, и цетера.

Однако туристы почему-то совсем не радовались жизни.

— Зачем нас привезли в «Тати»? Здесь такой дешевый товар! — кричали они в одном месте.

— Зачем нас привезли в Дефанс? Здесь в магазинах все дорого! — кричали в другом...

И т. д.

В Париже мы пробыли около недели.

Я привык к постоянному стрессу и сну размером в пять часов.

Я понял, что такова моя селяви. И не грустил.

А разные мелкие приключения продолжались. У Бубенчиковой пропал фотоаппарат.

Она прибежала ко мне в номер и начала, извините за каламбур, бубнить:

— Вы за это ответите! Если бы у вас фотоаппарат пропал, вы бы его обязательно нашли. Знайте, если не найдете мой «Кодак», я из гостиницы не уеду.

Я бы, конечно, очень этого (чтобы Бубенчикова не уезжала) хотел. Но — промолчал. Глубоко в душе я жалел работников гостиницы. Они и не подозревали о тех мрачных перспективах, которые опасно замаячили на их горизонте.

Иногда, в редчайшие минуты свободного времени, я позволял себе немного поразмышлять на отвлеченные темы, повспоминать не худшие времена «застоя», когда для того, чтобы выехать за границу, требовались комсомольские и партийные характеристики (необходимо даже было пройти собеседование в горкоме КПСС), справки из поликлиники и т. д. Как показала жестокая жизненная реальность, это были неприятные, однако не самые бесполезные процедуры. Все-таки выезжало не так много неадекватных людей. Но это так, к слову.

Как ни странно, меня оценили в фирме «Алле, Европа», стали приглашать в поездки регулярно. Именно там, на Западе, я стал зарабатывать приличные деньги. Причем совершенно неожиданно. Обычно вторым сопровождающим работал поляк (представитель польской фирмы). Эти ребята ориентировались в прогнившей буржуазной Европе, как рыбы в воде.

Однажды я привез туристов в Париже в музей парфюмерной промышленности «Драгонар» (где духи не только демонстрировали, но и продавали); наши бедные, истощенные невообразимо тяжелой жизнью тетки накупили там образчиков буржуазной парфюмерной промышленности на тысячи евро.

После этого поляк Джозеф (второй сопровождающий) отвел меня в сторонку и тихонько вручил в конвертике тысячу евро.

— За что? — изумился я.

— Как за что? Это откат. Мы же привезли очень выгодных клиентов, директор музея нас с тобой отблагодарил. У них сегодня огромная выручка! Самое главное — не вози туристов в другие магазины, вози в этот замечательный, своеобразный музей.

Я понял, что к чему. Однако даже эти милые откаты не могли оставить меня в нервном и утомительном туристическом бизнесе. Все-таки лучше за границей отдыхать, а не работать.

1996 — 2011

ТРИ ЗНАЧКА

О том, что жизнь прошла, не успев начаться, понимаешь внезапно. И эта мысль ошпаривает, как первый глоток неразведенного спирта, как первая бомба, взорвавшаяся неподалеку от тебя, как первая баба, которая сказала тебе: «А пошел ты, козел...»

Сорокадевятилетний бизнесмен Сергей Кротов (для близких Крот) ехал по Ленинградке к себе домой, в достаточно большие четырехкомнатные апартаменты на станции «Аэропорт»; за рулем просторной «Тойоты Камри» был его постоянный водитель, даргинец Арсен, который работал с ним почти десять лет. Арсен слушал неприятное «Радио Дача», а Кротов просто молчал. Говорить ему не хотелось. Ни с водителем, ни с кем другим. В принципе, он хорошо знал, что́ ему могли сказать его шофер, другие сотрудники, жена и дочь, клиенты. Они говорили всегда одно и то же. Арсен, как правило, рассказывал футбольные (околофутбольные) новости; он, дагестанец, точнее, даргинец по национальности, болел за «Анжи» и всегда изумлялся большим зарплатам футболистов; жена (обычно довольно тонко, надо признать, и ненавязчиво!) просила денег; двадцатипятилетняя дочь (она жила с мужем отдельно) хотела новую квартиру; сотрудники намекали на добавку в жалованье; клиенты требовали скидок. В общем, все сводилось к одному — к финансам. В двадцать

первом веке жизнь в Москве предельно упростилась, отношения развивались строго по экономическим законам.

У Кротова деньги водились. Но они у него потому и водились, что он не любил с ними расставаться. Он был риэлтером. Еще в начале девяностых он сумел выгодно продать доставшуюся по наследству от дедушки — генерала КГБ — «двушку» в сталинском доме на Тверской. А потом пошло-поехало. Он продавал и покупал. Продавал и покупал. Риэлтерский бизнес (да, впрочем, и любой другой), по сути, очень прост: нужно что-то дешево купить и дорого продать.

У Кротова в Москве и за границей находилось в собственности десять объектов недвижимости (квартиры, апартаменты, офисы, склады), которые он теперь, в двухтысячные, благополучно сдавал. Сдавал, впрочем, не он сам, а его небольшая фирма, в которой работало всего-то пять человек. Они, вышколенные и натасканные, как бойцовые тупорылые псы, охраняли кротовскую элитную недвижимость от рейдеров, следили за порядком в апартаментах и офисах, убирали там, а самое главное — каждый раз собирали дань с клиентов, арендаторов. За почти двадцать лет риэлтерства Кротов ни разу не получил деньги в срок, всегда приходилось клиентов подгонять, а то и просто выбивать из них наличку. Таковы нелегкие будни капиталиста. А кому сейчас легко?

Кротов ехал и молчал, он думал о том, что проиграл свою жизнь. Он не стал олимпийским чемпионом (хотя был очень перспективным боксером: при росте сто восемьдесят четыре сантиметра он весил в юности пятьдесят четыре килограмма и своими длинными, как рельсы, руками держал соперников на дистанции, утюжа их, на манер нынешних кумиров подростков — братьев Кличко, прямыми джебами в челюсть и сол-

нечное сплетение), не стал многодетным отцом (хотя детей любил, и женщин у него было предостаточно), не написал в жизни ни одного хорошего стихотворения, хотя пробовал это сделать неоднократно, еще в детстве и отрочестве — в школе. Не получилось. Не срослось. Так бывает.

Задребезжал ненавистный мобильник. Кротов поначалу не понял, кто говорит. А потом сообразил.

— Привет, Игорек, конечно, узнал. Что, что ты говоришь?

Ему звонил его школьный приятель Игорь Петров (Петруня), которого он не видел и не слышал... тридцать два года. Он приглашал на встречу выпускников... Неужели уже прошло тридцать два года? Ведь вроде все это было вчера. Москва семидесятых... Спокойная (как сейчас оказалось), размеренная жизнь, пирожки по четыре копейки, красное фруктовое мороженое за семь, газировка за трюндель, метро за пятак, секция бокса, тренер Александр Петрович, открытый ринг, метро «Ждановская» (нынешнее «Выхино»), первые поцелуи, Кусковский парк, рядом с которым находилась их школа...

Кротов пообещал, что придет. А сам задумался: «Ну что я им скажу? Мы не виделись так долго... Какой смысл в этой встрече? Хвастаться друг перед другом поздно, да и нечем, а просто так поточить лясы... Обычно одноклассники собираются регулярно, а мы как закончили школу, так и разбежались в разные стороны. Кто-то свалил за бугор, кто-то спился и отбросил коньки, кого-то захватил бизнес, жестокий и беспощадный; московская бессмысленная и подлая суета не оставляет времени на сантименты. Что я скажу этим взрослым теткам и мужикам, с которыми меня ничто не связывает, кроме случайного (или случайность закономерна?) пребывания вместе на протяжении долгих школьных лет?»

И все-таки повод встретиться был... Точнее, несколько поводов.

...В шестом классе Сережа Кротов (его тогда уже многие называли Кротом) был влюблен в одну девочку — Беату Кучицкую, худенькую белобрысую польку (она переехала с родителями из Варшавы, ее отец работал в СЭВ). Крот посвящал ей наивные и трогательные детско-подростковые стихи, носил портфель, пытался обнять — Беата не разрешала.

У нее было необычное хобби для девочки — она собирала значки. Кротов покупал их в киоске возле метро и дарил ей, она это принимала радостно и благосклонно. У одноклассника Крота — Сеньки Берга (его прозвали почему-то Бурый) — была большая фалеристическая коллекция, и вот у него-то дома однажды Крот и украл три значка, поступил подло, отвратительно, он это понимал, но отступать уже не мог — поздно, поздно, и он, разумеется, подарил их Беате. Значки — большие, круглые, пластмассовые, с изображением Парижа, точнее, Эйфелевой башни — Сенькин отец привез из Франции, где каким-то чудом оказался в туристической двухнедельной поездке.

Беата так обрадовалась заграничному подарку, что даже отблагодарила Сережку поцелуем в щеку.

Крот был на седьмом небе от счастья, никогда раньше девочки его не целовали. Но миг блаженства длился совсем недолго. О воровстве Крота стало известно Бурому и его родителям, они стали его «прессовать», Крот во всем сознался, повинился, но как вернуть значки — не знал, потому что уже подарил их Беате; в общем, ситуация зашла в тупик, и парень находился в состоянии, близком к депрессии, хотя тогда он еще и не знал такого мудреного слова... Однако Бурый и его родители почему-то отстали от Крота: то ли простили его, то ли поняли, что все рав-

но от него ничего не добьешься. Ворюга — он и есть ворюга. Пусть подавится.

А Кротов переживал, не находил себе места, не знал, что предпринять. Как посмотришь в глаза Бурому? Как скажешь Беате? Как попросишь назад? Не то что поцелуя в щеку не получишь, но и портфель нести не дадут. Парень оказался между молотом и наковальней...

Впрочем, мучился он недолго. Себя мы всегда простим и пожалеем. Кротов постарался удобно забыть о своей подлости, но дал себе слово, что когда-нибудь обязательно поедет в Париж и там купит похожие три значка с Эйфелевой башней, и даже больше значков — целую коллекцию, чтобы Сенька остался доволен.

Итак, это была первая причина, по которой следовало идти на встречу выпускников. Значков у Кротова, правда, не оказалось, он их так и не купил во Франции, хотя отдыхал там неоднократно (не успел, забыл, замотался), но он решил отдать Володьке тысячу-другую долларов, чтобы покаяться и закрыть неприятную тему. А что, красивый жест: на тебе, Бурый, тыщонку «гринов» — небось, не лишняя. Купишь себе хоть сотню таких пластмассовых безделушек. Как говорится, примите должок с процентами. Наше вам с кисточкой.

Вторая причина, по которой он решил идти на встречу, была тоже не слишком радостной. В восьмом классе он поссорился со своим очень близким другом, Сашкой Локшиным, и они с ним подрались в мальчишеском туалете; Локша ударил Крота по фейсу, сильно ударил, Крот потом еще аффективно махал кулаками, но в цель не попал (именно после этой драки он, кстати, и записался в бокс).

«А что, наверное, пришло время нанести Локше ответный удар,— подумал повзрослевший, но, кажется, не поумневший Крот.— Надо бы смыть с себя тот под-

ростковый позор. Око за око. Зуб за зуб. Небось, до сих пор Локша надо мной смеется: мол, Крот струсил».

Он решил посоветоваться с женой — набрал ее номер. Наташа в это время была в Праге, она частенько уезжала туда на несколько недель, просто жила — они с Кротовым несколько лет назад приобрели там квартиру в центре, — отдыхала и заодно, по мере возможностей, контролировала зарубежные активы (два небольших апарт-отеля) супруга.

Рассказал о звонке одноклассника, поделился своими идеями...

— Ну ты совсем одурел, старый идиот, — резко сказала Наташа. — Какие одноклассники, какая тысяча-другая баксов за дурацкие пластмассовые значки, какой ответный удар?! Тебе через полгода пятьдесят лет, а ты все как подросток... Все ветер играет в жопе. Когда же, наконец, ты повзрослеешь? Ну подумай сам: все придут на встречу, выпьют, начнут рассказывать про себя и детей, а ты затеешь драку? Всем морду набьешь? Мало того что мне жизнь испортил, так ты еще и одноклассникам хочешь удружить... Ну как ты это себе представляешь? И кстати, ты лучше мне тыщонку-другую (лучше — пять!) пришли. А то денег совсем нет. Или ты хочешь, чтобы я сама твои квартиры убирала?

— Да-да, пришлю. И драться, конечно, глупо, — мнимо покорно ответил Крот, но от планов своих, разумеется, не отказался.

Третья причина, из-за которой он собирался на встречу и о которой он, конечно, не рассказал жене, была следующая.

В восьмом классе Кротов, не продвинувшись дальше причмокиваний в щеку с Беатой, коварно перевернулся в сторону Нуне Саркисовой, пылкой и более стоворчивой армянки, — они целовались, как взрослые, в засос, но к желанному результату дело не шло и с ней, хотя

Крот очень темпераментно настаивал. Нуне стояла на смерть и прямо говорила, что если ее отец узнает даже о том, что они целуются, то им обоим секир-башка.

...Сорокадевятiletнему Кротову было стыдно. Стыдно за то, что тогда, в школе, как-то агрессивно добивался своего... Уже во взрослом возрасте он понял, что ничего не надо добиваться силой, просто надо уметь ждать. Глупо трясти яблоню в июне. Нужно в августе подставить ладони — и яблоко само упадет тебе в руки.

Кротов хотел попросить у Нуне прощения. Да и просто захотелось ее увидеть. Что с ней? Как она выглядит? А может быть?..

Приехав домой, Кротов принял душ, надел халат, лег на свой любимый кожаный диван и, как обычно, врубил висящий на стене телевизор; передавали (как по заказу!) бокс, лучшие бои Майка Тайсона. Кротов взбодрился. Потом позвонили с работы, он опять должен был решать какие-то несуразные и вечные, как человеческая глупость, проблемы; потом по скайпу вышел на связь институтский сумасшедший дружок Ривкин, который просил денег на очередной номер литературного журнала «Парнас».

В общем, жизнь завертелась, и Кротов на время о грядущей встрече выпускников забыл. Однако за день до назначенного мероприятия ему опять позвонил Петруня, и Кротов принял окончательное решение: приду.

Он приехал (сознательно!) на встречу с опозданием. Пусть чуваки дойдут до кондиции, подумал он, так мне будет психологически проще с ними общаться.

Ребята и впрямь уже были подшофе. Они поставили три столика (сделав из них один большой) в парке Кусково (рядом со школой) и выпивали. Многих изрядно развезло. Некоторых Кротов не узнал: толстенькие, седые или лысоватые дядьки, неузнаваемые девочки...

Многие из ребят сами подошли к Сереге. Пожимая одноклассникам руки, Кротов называл каждого по школьному прозвищу: Серый, Шитя, Петруня, Валек, Цыпа, Завал, Проскур...

Его все называли Кротом.

Выпив, Кротов быстро вошел в общую тональность разговоров: все рассказывали о детях, дачах, меньше всего — о работе. Шитя (Славка Шитиков) оказался уже дедом, Света Сторчикова — матерью троих детей и бабушкой, Наташка Смирнова поменяла четырех мужей, родила дочку и сына...

Беата Кучицкая не пришла.

Сенька Берг, у которого Крот украл значки, тоже не пришел.

Кротов разговорился с его приятелем Пашкой Сахаровым (Рафинадом).

— Ну как Семен? — спросил Крот.

— Что ты, Крот, он теперь не Семен, а Саймон Берг. Он сменил имя, крутейший бизнесмен, у него пять гигантских заводов на всех континентах, принял иудаизм, пейсатый, живет в основном в Израиле, Штатах и Цюрихе, а точнее — в самолете, гражданин США; в общем, забурел он, в первой сотне списка «Форбс». Состояние — двенадцать миллиардов долларов. А ты что, раньше не знал? Он самый крутой из нашей школы. Так сказать, отличник капиталистического труда.

— Да-да, конечно, что-то слышал, — сказал ошеломленный Крот, — он и в школе всегда неплохо соображал... Замечательно...

Кротов понял, что зря взял с собой две тысячи долларов, долг Сеньке отдавать (передавать через Рафинада) было нелепо, лучше он их отдаст Ривкину на его безумный литературный журнал, где он зачем-то печатает разных графоманов со всего света. И где он их столько находит?

...Сашка Локшин сидел на другом конце длинного стола и увлеченно беседовал, выпивая, с Ромкой Цыплаковым (Цыпой).

Кротов слушал других, смотрел по сторонам. Куковский парк изменился и не изменился; величественная усадьба графа Шереметева стояла как прежде, лес, слава Богу, не вырубили. А вот лодок, лодочной станции, спасательных красных пенопластовых кругов, как во времена их детства, уже не было; никто не купался, мороженщики не разносили мороженое; разумеется, не осталось переодевалок на берегу, где они раньше, пацанами, подглядывали за голыми девчонками; рыбаки не ловили рыбу, и ребята не прыгали, как сумасшедшие, с пирса в воду, как прыгали они, жители микрорайона, в те семидесятые годы прошлого (страшно сказать) тысячелетия.

Спустя какое-то время Сашка Локшин подсел к Сергею.

— Ну что, Кротов, ты до сих пор на меня злобу копишь?

— Да что ты, Санек! — растерялся и невольно соврал Кротов.— Все хорошо.

— А меня все эти тридцать два года мучает чувство вины перед тобой. Я помню, что в восьмом классе из-за моей тупой принципиальности наша математичка снизила тебе оценку за четверть. Но ты ведь неправильно решил задачу... А я всегда говорю правду. Ты же знаешь, я всегда говорю правду. Да, всегда! И я не мог не сказать, ведь математичка сама попросила проанализировать твою контрольную работу. Но я на тебя тоже обижен: как ты мог меня тогда ударить? Помнишь, тогда, в восьмом, мы поцапались? И ты меня, подлая душа, так сильно ударил. А я-то, когда кулаками размахивал, старался в тебя не угодить. Ведь мы же были лучшими друзьями. Я скорее имитировал драку. А ты не имити-

ровал... По зубам меня огрел. Как ты мог? Крот, ну как ты мог?

Сашка остекленевшими глазами смотрел на Сергея.

Кротов обнял старого (изрядно окосевшего и милого) друга и совершенно искренне сказал:

— Саня, забудь, мы как были друзья, так и остались. Я действительно не помню уже про оценки по математике, а за то, что я тебя ударил, прости. Мне, честно говоря, казалось, что это ты ударил меня...

Неожиданно Локшин, точно ребенок, заплакал, потом стал обнимать Кротова, и они еще выпили по несколько рюмок.

Потом они наконец-то сообразили подойти к Нуне; она, конечно, немного раздалась, но выглядела очень хорошо — миловидно и сексуально. Кротов поцеловал школьную подружку в щеку.

— А ты, Крот, — великий человек, — неожиданно сказала Нуне, — я слежу за твоими успехами.

— За какими успехами? — растерялся Кротов.

— Ну как же, — щебетала улыбчивая Нуне, — ты же спонсор крутого литературного журнала, а я там как раз печатаю свои стихи. Знаешь, вот уже несколько лет пишу. Как прорвало! Меня Арон Алексеевич Ривкин хвалит, говорит, что я не совсем бездарная. Или это не ты председатель попечительского совета журнала «Парнас»? Там в выходных данных написано: Сергей Александрович Кротов...

— Да, я иногда даю деньги Ривкину, это мой старый институтский кореш, но я даже не знал, что он меня указывает как спонсора...

Кротов выпил еще рюмку, обнял Нуне и стал игриво гладить ее по заднице.

— Ну что ты делаешь, Крот? — хихикала Нуне. — Ты такой же, как был, такая же развратная сволочь.

— Когда я тебя вижу, то теряю рассудок, — улыбаясь, отвечал Сергей. — Когда же ты, наконец, станешь моей?

— Да ты даже ни разу не позвонил за эти годы; вот тебе, кстати, визитка... Давай еще встретимся. Или ты по-прежнему такой же нерешительный, как в детстве?

...Кротов ехал домой и молчал; он думал о том, что сегодня один из лучших дней в его жизни. А водитель Арсен слушал «Радио Дача». Жизнь еще не прошла.

2011

СОДЕРЖАНИЕ

Секс в маленьком московском офисе. Роман 5

РАССКАЗЫ

Спасение 125

В лучших домах Филадельфии 131

Последняя парижская электричка 136

Невеста из Питера 139

Сергей и Вадим 145

Визит наследного принца 149

Сан Саныч 160

Лолита 163

Куроедов 165

Семен Семенович 171

Вася 177

«Алле, Европа» 181

Три значка 188

Евгений Викторович Степанов
Секс в маленьком московском офисе
роман и рассказы

Редактор — *Федор Мальцев*
Художественный редактор — *Андрей Глазов*
Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*
Дизайнер обложки — *Катя Рубина*
Корректоры — *Сергей Киулин, Василий Манулов*

Бумага офсетная
Гарнитура Petersburg
Тираж 1000 экземпляров
Сдано в набор 20.05.2012
Подписано в печать 10.06.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.